

Министерство науки и высшего образования РФ
ФГБОУ ВО «Ярославский государственный
педагогический университет им. К. Д. Ушинского»

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

SOCIAL AND POLITICAL RESEARCHES

Научный журнал

Издается с 2018 года

2019 – № 3 (4)

Ярославль
2019

Учредитель:

ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского»

Социально-политические исследования = Social and political researches : научный журнал. – Ярославль : РИО ЯГПУ, 2019. – № 3 (4). – 119 с. – ISSN 2658-428X

Редакционная коллегия

Главный редактор: М. В. Новиков, доктор исторических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедрой теории и методики профессионального образования Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского. **Заместители главного редактора:** О. А. Коряковцева, доктор политических наук, доцент, директор института развития кадрового потенциала Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; Л. Г. Батракова, доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой экономической теории и менеджмента Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; И. Ю. Тарханова, доктор педагогических наук, доцент, заведующая кафедрой социальной педагогики и организации работы с молодежью Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского. **Члены редакционной коллегии:** С. А. Бабуркин, доктор политических наук, профессор, уполномоченный по правам человека Ярославской области; Н. А. Баранов, доктор политических наук, профессор кафедры международных отношений СЗИУ Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, г. Санкт-Петербург; Д. С. Вахрушев, доктор экономических наук, профессор кафедры финансов и кредита Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова; А. В. Волкова, доктор политических наук, доцент, заместитель декана факультета политологии по научной работе Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург; Ю. А. Головин, доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой социально-политических теорий Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова; В. А. Гордеев, доктор экономических наук, профессор кафедры экономики и управления Ярославского государственного технического университета; Л. Н. Данилова, доктор педагогических наук, доцент кафедры теории и истории педагогики Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; С. Е. Дубова, доктор экономических наук, профессор департамента финансовых рынков и банков Финансового университета при Правительстве РФ, г. Москва; Ж. А. Захарова, доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой психолого-педагогического образования Костромского государственного университета, г. Кострома; А. Е. Кальсин, доктор экономических наук, профессор кафедры экономической теории и менеджмента Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; П. Л. Карабущенко, доктор философских наук, профессор кафедры политологии и международных отношений Астраханского государственного университета, г. Астрахань; Збигнев Крушевский, доктор педагогических наук, ректор Высшей школы им. П. В. Владковицы, г. Плоцк, Польша; Д. М. Мадиярова, доктор экономических наук, профессор кафедры экономики и предпринимательства Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилева, г. Астана, Казахстан; С. А. Панкратов, доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой международных отношений, политологии и регионоведения Волгоградского государственного университета, г. Волгоград; В. И. Пефтиев, доктор экономических наук, профессор кафедры экономической теории и менеджмента Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; А. П. Опальский, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник Всероссийского научно-исследовательского института МВД России, г. Москва; Н. Х. Розов, доктор физико-математических наук, профессор, член-корреспондент РАО, декан факультета педагогического образования Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, г. Москва; Д. Г. Сельцер, доктор политических наук, профессор, директор Центра исследования политических трансформаций Тамбовского государственного университета им. Г. Р. Державина, г. Тамбов; Л. Г. Титова, доктор политических наук, профессор кафедры дополнительного и технологического образования Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; Ирэна Упенице, доктор педагогических наук, профессор Рижского университета им. П. Страдиныша, г. Рига, Латвия; В. А. Фокин, доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой социально-педагогических наук, социологии и политологии Тульского государственного педагогического университета им. Л. Н. Толстого, г. Тула; А. П. Чернявская, доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогических технологий Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; Я. Ю. Шашкова, доктор политических наук, доцент, заведующая кафедрой политологии Алтайского государственного университета, г. Барнаул; Г. А. Шмарловская, доктор экономических наук, профессор кафедры международного бизнеса Белорусского государственного экономического университета, г. Минск, Беларусь.

Публикуемые в журнале материалы рецензируются членами редакционной коллегии.

С апреля 2019 года журнал индексируется в РИНЦ eLIBRARY

Адрес редакции: 150000, г. Ярославль, Республиканская ул., 108/1.

Телефон: +7 (4852) 72-76-15

Телефон издательства: +7 (4852) 72-64-05

Адреса в интернете: <http://yspu.org/>; <http://spi.yspu.org/>

Свидетельство о регистрации средства массовой информации:

Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

ПИ № ФС 77-74000 от 02 ноября 2018 г.

© ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского», 2019

© Авторы статей, 2019

Founder:

Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky
Социально-политические исследования = Social and political researches : scientific journal. – Yaroslavl : RIO YSPU,
2019. – № 3 (4). – 119 p. – ISSN 2658-428X

Editorial board

M. V. Novikov, doctor of historical Sciences, Professor, Honored worker of science of the Russian Federation, head of the Department of theory and methods of professional education of Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky (Editor-in-chief); **O. A. Koryakovtseva**, doctor of political Sciences, associate Professor, Director of the Institute of human resources development of Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky (Deputy Chief Editor); **L. G. Batrakova**, doctor of economic Sciences, Professor, head of the Department of economic theory and management of Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky (Deputy Chief Editor); **I. Yu. Tarkhanova**, doctor of pedagogical Sciences, associate Professor, head of the Department of social pedagogy and organization of work with young people of Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky (Deputy Chief Editor); **S. A. Baburkin**, doctor of political Sciences, Professor, commissioner for human rights of the Yaroslavl region; **N. A. Baranov**, doctor of political Sciences, Professor of the Department of international relations of the Russian presidential Academy of national economy and public administration under the President of the Russian Federation, St. Petersburg; **D. S. Vakhrushev**, doctor of economical Sciences, Professor of the Department of Finance and credit of the Yaroslavl state university named after P. G. Demidov; **A. V. Volkova**, doctor of political Sciences, associate Professor, Deputy Dean of the faculty of political Sciences of St. Petersburg state university, St. Petersburg; **Y. A. Golovin**, doctor of political Sciences, Professor, head of the Department of social and political theories of the Yaroslavl state university named after P. G. Demidov; **V. A. Gordeev**, doctor of economical Sciences, Professor of the Department of Economics and management of Yaroslavl state technical university; **L. N. Danilova**, doctor of pedagogical Sciences, associate Professor of the Department of theory and history of pedagogy of Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky; **S. E. Dubova**, doctor of economical Sciences, Professor of the Department of financial markets and banks of the Financial university under the government of the Russian Federation, Moscow; **Z. A. Zakharova**, doctor of pedagogical Sciences, Professor, head of the Department of psychological and pedagogical education of Kostroma state university, Kostroma; **A. E. Kalsin**, doctor of economical Sciences, Professor of the Department of economic theory and management of Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky; **P. L. Karabushchenko**, doctor of philosophical Sciences, Professor of the Department of political Science and international relations of Astrakhan state University, Astrakhan; **Zbignev Krushevsky**, doctor of pedagogical Sciences, rector of the Higher school named after P. V. Vlatkovic, Plock, Poland; **D. M. Madiyarova**, doctor of economical Sciences, Professor of Department of Economical and entrepreneurship of the Eurasian national university named after L. N. Gumilyov, Astana, Kazakhstan; **S. A. Pankratov**, doctor of political Sciences, Professor, head of the Department of international relations, political science and regional studies of Volgograd state university, Volgograd; **V. I. Peftiev**, doctor of economical Sciences, Professor of the Department of economic theory and management of Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky; **A. P. Opalsky**, doctor of economical Sciences, Professor, chief researcher of the all-Russian research institute of the Ministry of internal affairs of Russia, Moscow; **N. K. Rozov**, doctor of physical and mathematical Sciences, Professor, corresponding member of RAO, Dean of the faculty of pedagogical education of the Moscow state university named after M. V. Lomonosov, Moscow; **D. G. Seltser**, doctor of political Sciences, Professor, Director of the Center for political transformation studies, Tambov state university named after G. R. Derzhavin, Tambov; **L. G. Titova**, doctor of political Sciences, Professor of the Department of additional and technological education of Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky; **Irena Upeniece**, doctor of pedagogical Sciences, Professor of Riga university named after P. Stradins, Riga, Latvia; **Fokin, V. A.**, doctor of pedagogical Sciences, Professor, head of the Department of social and pedagogical Sciences, sociology and political Sciences of Tula state pedagogical university named after L. N. Tolstoy, Tula; **A. P. Chernyavskaya**, doctor of pedagogical Sciences, Professor of the Department of pedagogical technologies of Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky; **Ya. Yu. Shashkova**, doctor of political Sciences, associate Professor, head of the Department of political Sciences of the Altai state university, Barnaul; **G. A. Shmarlovskaya**, doctor of economical Sciences, Professor of the Department of international business of the Belarusian state economic University, Minsk, Belarus.

The materials published in the journal are reviewed by the members of the editorial Board.

Editorial office address: 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya str., 108/1.

Phone: +7 (4852) 72-76-15

Publisher's phone: +7 (4852) 72-64-05

Internet addresses: <http://yspu.org/>; <http://spi.yspu.org/>

Certificate of registration of the mass media: Federal service for supervision of communications, information technology and mass communications (Roskomnadzor)

PI № FS 77-74000 dated from 02 november 2018 g.

© Yaroslavl state pedagogical University
named after K. D. Ushinsky, 2019
© Authors of articles, 2019

СОДЕРЖАНИЕ	
Политология	5
Пептиев В. И. Политические перемены в России: оценки и ожидания	5
Коряковцева О. А., Титова О. Н. Социальная ответственность российской политической элиты как импульс преобразований	17
Никовская Л. И., Якимец В. Н. Местное самоуправление и муниципальная публичная политика: особенности и проблемы развития на современном этапе в России (по материалам социологического исследования)	25
Экономика	36
Батракова Л. Г., Кальсин А. Е. Региональные и местные налоги в налоговой системе России	36
Родина Г. А. Современная финансовализация как новое качество экономики	45
Педагогика	59
Краснова Г. Н., Пептиев В. И. Высшее образование в России: проблемы и решения	59
Березин Д. Т. Организация самостоятельной работы студентов в вузе	73
Таланов С. Л. Влияние социальных сетей на успеваемость студентов	87
Райхельгауз Л. Б. Репетиторство как социально-педагогический феномен	106
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	115
Условия публикации статьи в научном журнале «Социально-политические исследования» и требования к оформлению рукописей	117

THE CONTENT	
Political science	5
Peftiev V. I. Political changes in Russia: estimates and expectations	5
Koryakovtseva O. A., Titova O. N. Social responsibility of the russian political elite as an impulse of transformation	17
Nikovskaja L. I., Jakimec V. N. Local government and municipal public policy: features and problems of development at the present stage in Russia (based on sociological research)	25
Economics	36
Batrakova L. G., Kal'sin A. E. Regional and local taxes in the Russian tax system	36
Rodina G. A. Modern financialization as a new quality of the economy	45
Pedagogy	59
Krasnova G. N., Peftiev V. I. Higher education in Russia: challenges and solutions	59
Berezin D. T. Organization of independent work of students at the university	73
Talanov S. L. The impact of social media on student achievement	88
Raikhelgauz L. B. Private tutoring as a socio-pedagogical phenomenon	106
INFORMATION ABOUT AUTHORS	116

Conditions of publication of the article in the scientific journal «Socio-political research» and requirements for manuscripts	119
---	------------

ПОЛИТОЛОГИЯ

DOI 10.24411/2658-428X-2019-10507

УДК 327

В. И. Пефтиев <https://orcid.org/0000-0001-6357-7651>

Политические перемены в России: оценки и ожидания

В ближайшее десятилетие Россия вынуждена будет проводить непопулярные и чувствительные для власти, бизнеса и населения реформы. При любом темпе экономического роста федеральные и региональные власти обязаны добиваться последовательного повышения благосостояния граждан, включая и опережающие меры.

Показаны факторы, определяющие запросы общества на политические перемены в России. Осуществлен анализ текущих и потенциальных инициатив со стороны власти. Названы ожидаемые контуры рекомбинации политического устройства в России. Высказаны авторские оценки и рекомендации по обсуждаемым проблемам.

Ключевые слова: политика, глобализация, общественный запрос на перемены, власть и ее оппоненты, среднесрочные прогнозы, Россия.

POLITICAL SCIENCE

V. I. Peftiev

Political changes in Russia: estimates and expectations

In the next decade, Russia will be forced to carry out unpopular and sensitive reforms for the government, business and the population. At any rate of economic growth, the federal and regional authorities are obliged to work to consistently improve the welfare of citizens, including proactive measures.

The factors determining the society's demands for political changes in Russia are shown. The analysis of current and potential initiatives on the part of the authorities is carried out. The expected contours of recombination of the political system in Russia are named. Author's estimates and recommendations on the discussed problems are expressed.

Key words: politics, globalization, public demand for change, government and its opponents, medium-term forecasts, Russia.

Введение

Политика – это совокупность общественных отношений, совокупность органическая и спонтанная. У политики множество координат. Для нашей темы важны три вектора политического анализа [8, 9]. *Первый* фокусирован на противоречивом соотношении власти и социума. Власть по праву и/или произволу обладает монополией на принуждение, легитимное насилие. Она никогда не бывает нейтральной; ее интересы автономны от социума. На протяжении веков власть прибегала к цензуре неугодных лиц и опасных высказываний («жесткой» и/или «мягкой» цензуре применительно к поводам и обстоятельствам). О необходимости и возможности управления общественным мнением через дозированную гласность в России одним из первых скрытно заявил в докладной записке императору Николаю I (май 1826 г.) Фаддей Булгарин (1783-1859), личность знаменательная и одновременно одиозная [2]. В XXI веке медиа (СМИ, Интернет, блогеры и социальные сети) создают «свою» власть, в унисон и в разлад с правящими режимами [6]. *Второй вектор* олицетворен оппозицией интересов государства и индивида, противостоянием этатизма (от фр. *état* – государство) и индивидуализма. Об историческом компромиссе между миссией государства и свободой творческой личности мечтали мыслители эпохи Просвещения [13]. *Третий вектор* вызван к жизни экспансией госу-

дарства в экономику, от эпохи меркантилизма (экономика – дело государево) и до наших дней [3]. Все три вечные темы со временем потеряли доктринальную остроту и находятся ныне в плену прагматизма. Выше названные подходы будут в той или иной мере востребованы по ходу изложения и исследования.

Глобализация породила новые тренды (чаще всего негативные) в политическом устройстве мира, Европы, России. Систематизируем и обобщим некоторые из них. Мировое сообщество после кризиса 2008-2009 гг. столкнулось с растущей неопределенностью и повышенными рисками. Неоднородность мирового пространства приобретает критические масштабы и энергию самодвижения: процветающие анклавы и депрессивные страны и территории: «сегментация» и «фрагментация»; мини-группы, «новички» и «старожилы»; миграция миллионов и сжатие средних сословий и др. Мировая система включает центры (устоявшиеся и претенденты), полупериферию и периферию. Пополняется список стран с неполным суверенитетом из-за гражданских войн (Сирия, Ливия, Украина, Йемен, Судан и др.) Внешняя политика перекликается с внутренней и наоборот. Суверенные государства-нации вынуждены отвечать на вызовы оппонентов их власти: с одной стороны, международные организации (с наднациональными полномочиями) и транснациональные корпорации (ТНК) и институты гражданского общества – с другой. Расширяется и

углубляется недоверие избирателей (прежде всего, в Евросоюзе) к партиям традиционной ориентации. В парламенты приходят популисты («народные партии») и радикалы [1, 19]. Запад практикует одни за другой санкции и ограничения против Китая, России, крупных развивающихся стран (КРС) в рамках брутального неопротекционизма с нарушениями норм и правил ВТО. Эрозия сложившегося миропорядка представляет непосредственную угрозу и для России, ее безопасности, экономического потенциала, политической стабильности [9].

Вызовы для политической стабильности в России к настоящему моменту исходят из трех источников. Во-первых, от руководства Евросоюза. Атипичный кризис 2014-2016 гг. плюс санкции дали ложные сигналы для политической элиты Европы. Россия, мол, откатилась в периферию, вмешивается во внутренние дела Европы и по разным каналам (киберсфера, медиа-пространство, спецслужбы, биоружие) [20]. Но санкции ЕС теряют свою эффективность, российские власти и бизнес к ним адаптировались. Политики Евросоюза, равно как и президенты США, отказываются публично признать в стратегических ошибках после событий в Крыму и на Донбассе. В итоге – упущенные шансы на возобновление полномасштабного сотрудничества с Россией, включая и по политической проблематике. Во-вторых, от США. Реальная угроза нового витка гонки вооружений с последующим пересмотром бюджет-

ных ассигнований на социально-экономические проекты и программы. В-третьих, от «хаотичной глобализации». Международные регуляторы (ВТО, МВФ) частично в кризисе, а новые площадки (G 20, БРИКС, ШОС) еще не имеют адекватной миссии и международного авторитета для конструктивной деятельности по глобальным проблемам современности.

Целевые установки статьи предельно краткие, но по возможности концептуально-прагматичные:

а) обнаружить и обрисовать хотя бы эскизно контуры запросов российского общества на перемены и стабильность;

б) дать панораму ответов власти (федеральный и региональный) на нынешние и ожидаемые перемены в политическом обустройстве России;

в) высказать авторские прогнозы и рекомендации на пятилетку (до 2024 года).

Запросы на перемены

Начнем с констатации социологов. Согласно последним опросам, население России разделилось примерно в равной пропорции на сторонников перемен и защитников стабильности [16]. Полагаем, что достижимо «примирение» (равновесие) этих двух императивов, внешне полярных друг другу. Не исключаем сохранения социально-политической стабильности даже после непопулярных реформ (последний случай – увеличение пенсионного возраста) при соблюдении ряда фундаментальных условий. О них позже.

Факторов всесторонней стабильности в обществе много, всех не перечислить. Но самый главный – это благосостояние граждан России. В ближайшие годы предстоит восстановить докризисные достижения «нулевых» по величине личных располагаемых доходов с учетом инфляции, другим показателям благосостояния. И далее наращивать ресурсы, выделяемые адресно семьям с детьми, бедным пенсионерам, всем, кто оказался в трудной жизненной ситуации. Благосостояние всегда персонифицировано; каждая семья знает свою нужду в витальных благах (пища, одежда и обувь, товары комфорта, жилье, отдых). Не сняты с повестки дня расселение семей из ветхого и аварийного жилья, кардинальное улучшение услуг ЖКХ, медицины, образования, дорожной сети в городах и сельской местности, снятие очередей в детские сады и ясли, обучение школьников в одну смену и др. Социологи, статистики и журналисты могут подсказать властям, как в регионах и в целом по стране идет процесс сокращения численности тех, кто не доволен своей судьбой, положением в обществе и его динамикой. Недовольные – это прямой укор власти, хотя и не снимается с трудоспособных их личная ответственность.

Факторы перемен в России не столь «прозрачны» и «точечны», нежели в отношении благосостояния. Экономическая мотивация объясняет многое в запросе общества на перемены, но не все и далеко не все. Внешнеэкономические факторы

перемен выделены нами в самостоятельные рубрики (отдельные пункты среднесрочной политики).

Половодье гласности на пике Перестройки оставило горькое послевкусие. Нам знакомы достоинства свободы слова и ее гримасы. Как обуздать эгоизм рынка и произвол государства? Через гражданские инициативы. Этот институт трансформации означает: а) новую ступень участия граждан в обсуждении и принятии государственных решений; б) появление конструктивных оппонентов власти и некомпетентности чиновников; в) реализацию творческих способностей каждой личности.

Российское общество остро нуждается в обустройстве территории, быта и души [10]. Эта проза национальной идеи ближе и понятнее «человеку с улицы», чем обтекаемые или ничего незначащие обещания кабинетных ученых и нерадивых «слуг народа». Наиболее продвинутые граждане недовольны отсутствием динамизма и обновления в политической жизни страны.

Санкции и дискриминации на международной арене травмируют национальную гордость России. Низок (неадекватен) международный рейтинг России по ВВП на душу населения и критериям конкурентоспособности. Болезненно воспринимается пристрастие и в чем-то оскорбительны для величия России рассуждения о «периферийности» России, ее региональном статусе, позиции младшего партнера в межгосударственных альянсах. Об этом без обидняков сказано в

редакционной статье еженедельника «Эксперт»: «Мы не можем допустить еще четыре года предтранзитной депрессии, потому что должны успеть остаться мировой полупериферией. Это означает возможность самим решать, в орбите каких игроков оставаться и какие уникальные компетенции в системе глобального рынка наращивать, а не падать на уровень примитивного поставщика ресурсов. Это позволит подтвердить претензии на роль той самой региональной державы. Для нас хватит и такого старта. А выбираться в лидеры миросистемы у нас иногда получается» [24]. С оттенком самобичевания, но близко к истине.

Запрос на перемены покинул привычное поле текущих нужд и вплотную приблизился к обсуждению перспектив политического устройства России. Макроповороту общественного внимания способствовали 25-летие Конституции 1993 года и цикл статей председателя Конституционного суда (КС) В. Д. Зорькина [11]. Перечень тем профессиональной дискуссии впечатляет. Что лучше для России: президентская республика или альтернативы (парламентская, «гибридные» варианты)? Как устранить перекосы в наборе полномочий трех ветвей власти (законодательной, исполнительной и судебной)? Почему граждане и фирмы игнорируют конституционную обязанность – регулярно и полностью платить налоги, сборы, штрафы? В чем своеобразие правового статуса Администрации Президента и его

поручений [4]? Наименее радикально предложение о незамедлительной проработке федерального закона о референдумах [21]. Наша позиция взвешенная: упомянутый закон – не первой очереди, но рабочую группу можно учредить не позднее начала 20-х годов. В промежутке целесообразно шире и чаще практиковать опросы населения при содействии социологов, а также привлекать для разрешения кризисных ситуаций активистов ОНФ, НКО, общественных палат и др.

Организация и проведение демократических выборов должны быть прописаны в отдельной главе Конституции РФ. Реформа избирательного права призвана устранить административные барьеры «на дальних подступах к избирательному бюллетеню» (В. Л. Шейнис). Таковыми являются: а) муниципальный фильтр на выборах высших должностных лиц в регионах; б) участие органов власти в выдвижении и поддержке кандидатов; в) усложненный порядок распределения кандидатов на выборах. А. Е. Постников, автор этих законодательных новелл возражает против предложения о пересмотре Конституции РФ по инициативе Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ) [18]. Предстоит отделить разумное и выполнимое от амбиций либералов и торопливости в коррекции избирательной системы.

Обострение неравенства травмирует всех, кому не безразличны судьбы России. Многие питают иллюзии о благотворном и скором эффекте от введения прогрессивно-

го налогообложения взамен плоской шкалы налога на доходы физических лиц (НДФЛ). Их не смущает уход налогоплательщиков в «тень» и падение собираемости налогов. Один реформированный налог не покончит с бедностью; зреет налоговая реформа по многим позициям. Она «завязана» морским узлом и с переменами в оплате труда, образования и науки, в высоких технологиях и создании новых рабочих мест, переквалификации занятых и др. «Дорожная карта» по этим преобразованиям должна стать результатом общественного согласия (консенсуса), а не быть изолированной акцией. Что возможно относительно быстро, так это установление необлагаемого минимума для малообеспеченных.

Ответы власти на запросы общества

Национальные проекты в соответствии с указом Президента от 7 мая 2018 г. – это, по замыслу федеральной власти, прорывная стратегия, системная трансформация экономики и общества. Современные проекты [5] по охвату и инвестициям грандиознее атомной и космической программ эпохи Сталина-Хрущева (1945-1965). Назовем самые знаковые. Сбережение населения (здоровье, рождаемость, продолжительность жизни). Вложения в человеческий капитал. Комфортная среда обитания. Арктика и Северный морской путь. Транспорт как собиратель земель российских. Цифровые технологии. Экология. В эти проекты вовлечены, помимо ин-

вестиций федерального бюджета, ресурсы регионов и бизнеса. Конкретные параметры и приоритеты уточняются с учетом внешней и внутренней конъюнктуры.

Правящая партия «Единая Россия» (ЕР) готова всесторонне поддерживать гражданские инициативы. Единственная партия, которая через праймериз отбирает своих кандидатов на ежегодные выборы. ЕР широко использует цифровые технологии для непрерывного общения с гражданами. Не единичны случаи освобождения партии от недостойных членов. Администрация президента курирует конкурсы по выявлению талантов для государственных служб. Ее съезды и конференции открыты журналистам и активистам оппозиционных партий. Однако немало и нареканий в ее адрес. Источники недовольства властью – вялый старт национальных проектов и низкие темпы роста ВВП в 2019 году. Об этом говорят и пишут не только оппоненты, но и сторонники ЕР и даже члены правительства. Профессионалы задают себе вопрос: что же происходит в действительности: зазор (пауза) между стадиями цикла Кондратьева (50-60 лет) и/или пролог «Великой рецессии» (новая «норма» Т. Пикетти)? Эта головоломка не снимает ответственность с власти за неурядицы, слабости и ошибки в политике.

В социальной макроэкономике намечались определенные улучшения. Величина МРОТ подтянута до прожиточного минимума (ПМ) с последующей индексацией. Расши-

рен пакет пособий для семей с детьми. Ускорились темпы ввода жилья по ипотеке и введен в действие новый механизм финансирования «дольщиков». Продлена «дачная амнистия». Расширяется список территорий опережающего развития (ТОР) и в Европейской России, а не только на ее окраинах (Сибирь, Дальний Восток). Не оскудели бы региональные бюджеты от списания долгов по услугам ЖКХ и части потребительских кредитов для малообеспеченных семей, других категорий граждан. Формула «бесплатный гектар» встретит, надеемся, позитивный отклик в депрессивных регионах и моногородах, сельской местности. Не возбраняется местным властям раздавать бедным продовольственные пакеты и талоны (разовые и регулярные). Муки бедности снимут сами трудящиеся и социальное государство в России (Ст. 7 Конституции РФ).

Борьба с коррупцией вступила в активную фазу, основательно и надолго. Действующее законодательство обеспечивает наказание коррупционеров и их пособников. И тем не менее отдельные поправки необходимы. А) Ввести институт (инструмент) конфискации имущества и активов (с этим согласен и Следственный комитет России). Б) Взвешенное и соразмерное применение поправок в УК и УПК РФ (2016) о прекращении уголовного преследования с назначением судебного штрафа. В. Ю. Стельмах (Екатеринбург) предлагает, на его взгляд, адекватное и универсальное

толкование данного нововведения. Судебный штраф – это наказание уголовно-правового характера. Оно нацелено на ущемление имущественных интересов лица, виновного в совершении преступления. Судебный штраф относится к праву, а не обязанности следователя, он возможен до и после удаления суда в совещательную комнату с перекалфикацией содеянного [22]. В) Судебная и административная реформы в органическом единстве с совершенствованием правоохранительной системы могли бы подорвать миф о позитивном эффекте коррупции для ведения бизнеса (опрос ВЦИОМ) [15]. Возможны и другие рецепты подавления коррупции как социального зла и нравственного порока.

Борцы с коррупцией должны помнить о неоднородности этого феномена: с одной стороны, бизнес-торг с чиновниками ради монопольного решения и взаимопомощь обывателей (ты мне, я тебе) – с другой. Напомним и о том, что коррупция (взятки) переместилась из федеральных центров власти в регионы и местную власть: не столь на виду и масштабы «скромные».

Адекватный ответ на запросы общества, на наш взгляд, видится в рекомбинации политического (партийного) устройства в России. Ее контуры эскизно нам кажутся такими.

ЕР должна решиться на обновление своей программы действий («дорожные карты») по аналогии с указом Президента от 7 мая 2018 г. Ей предстоят регулярная ротация и

омоложение кадров, особенно в региональном звене. Она должна овладеть цифровыми и медийными технологиями общения с избирателями и разными слоями общества.

ЕР располагает потенциалом для выполнения европейской миссии с учетом нижеследующих факторов. 1. Россия – особая часть Европы, член ОБСЕ и ПАСЕ. 2. Европейский Союз – это автономный экономико-политический центр в миросистеме (его эрозия и неоднородность – предмет особого анализа). 3. ЕР могла бы налаживать устойчивые контакты с национальными делегациями и близкими партийными фракциями в Европарламенте с перспективой на совместные действия.

КПРФ находится на перепутье. Варианты ее судьбы в ближайшие годы далеки от оптимизма: а) медленное сползание в маргинальную партию; б) смена руководства и движение к партии социал-демократического типа с паузами и зигзагами; в) тактические альянсы со «Справедливой Россией».

СР и ЛДПР, несмотря на поляриность риторики и несхожесть партийных лидеров, логикой эволюции тяготеют к центризму, являя собой правое и левое крыло. Эти партии – каждая в отдельности – найдут, полагаем, линии соприкосновения и мотивы для компромиссов с ЕР в большом и малом.

Без ущерба для политической стабильности и в порядке эксперимента можно было бы предоставить шансы малым партиям, снизив порог вхождения в Госдуму РФ с 5 %

до 4 % избирателей. Возможны и другие маневры в избирательном законодательстве.

К 25-летию Конституции РФ позволительно высказать предварительное суждение о соотношении сил претендентов на власть в России, соучастие в принятии важнейших государственных решений. Одна из кардинальных особенностей власти в России состоит в полицентричности. Фигурально ее можно представить в виде «пяти-членки» особого типа: 1) армия и органы безопасности (силовики); 2) топ-менеджеры и мажоритарии российских ТНК («олигархи»); 3) малый и средний бизнес (МСБ) в лице представительных организаций («Деловая Россия» и др.); 4) новаторы во всех сферах деятельности («крестосфера» в стадии становления); 5) гражданское общество с растущим потенциалом.

Российский полицентризм власти конкурентный, в шатком равновесии, с избыточными амбициями на лидерство отдельных действующих лиц (акторов), с меняющейся динамикой силы-слабости, политическими маневрами и интригами. Такое неустроение (глубинное, в тени) создает предпосылки для просвещенного авторитаризма. Его жизненный цикл искусственно продлевать опрометчиво и даже опасно. Ожидаем, что просвещенный авторитаризм уступит место самобытной модели демократии после завершения в основном периода первоначального капитала – сращивания административной ренты, сверхприбыли и завышенных про-

центров, нетрудовых доходов легитимного и нелегитимного происхождения. Зарубежные политологи рекомендуют для выяснения состава властной элиты пользоваться стратификацией приближенных (причастных) к принятию важных решений на: а) влиятельных; б) взаимозаменяемых и в) незаменимых [5]. Российская демократия не строится, а становится спонтанно-рукотворно обществом и человеком.

Авторские оценки и ожидания

России не избежать не популярных и чувствительных для власти, бизнеса и населения реформ; к ним желательно приступить с соблюдением предостережения античных мыслителей (*kaïros*), то есть не слишком рано и не слишком поздно: одни осуществлять до выборов в Гос. думу РФ, другие – после.

При любом темпе экономического роста добиваться последовательного повышения, из года в год, благосостояния граждан, включая опережающие меры для минимизации неравенства и нейтрализации социально-психологической напряженности в российском обществе.

Подвести итоги приватизации 90-х годов после завершения налоговой амнистии и перехода «беглых капиталов» под российскую юрисдикцию [17].

Существенная ревизия Конституции 1993 года преждевременная; партии, претендующие на вхождение в федеральную власть, еще не достигли зрелости. Однако не терпит отлагательства «регуляторная

гильотина» – массив законодательных актов, положений, инструкций, чрезмерно обременяющих бизнес, свободы граждан, правоохранительную и судебную практику.

После провозглашения Brexit и затяжных переговоров с непоправимыми репутационными потерями для консерваторов Великобритании и руководства Евросоюза евроскептики предпочитают дистанцироваться от радикализма маргиналов и, видимо, готовы к реформированию отдельных институтов. Иными словами, побеждает, в конечном счете не конфронтация политических сил, а центризм, согласительная практика. Центризм в Европе воспринимается как помеха и реакции (реставрации), и революции. Он чаще всего привязан не к идеологии, а к ситуации. Центризм реализуется в больших и малых коалициях в парламентах.

В России другая политическая история и культура. И центризм еще не имеет прочных корней, но он неизбежен, на наш взгляд, для запоздалой и незавершенной трансформации экономики и общества, когда промедление с переменами опасно и разрушительно. Ожидаем, что и в России оппозиция смягчит тональность своей риторики, а правящая партия «ЕР» начнет политические контакты с центристами (в своих рядах и среди оппонентов). Малые политические альянсы предпочтительно формировать в тестовом режиме с уровня регионов и муниципалитетов. К центризму могут тяготеть «Справедливая Россия» (СР) и профсоюзы.

Предстоящая пятилетка – это время сложных решений. Вялотекущая стабилизация никого более не устраивает. Вероятнее всего, политические перемены будут не прорывными (иное дело – экономика и технологии), а дискретными, в рваном ритме, с паузами и запусками. Перемены могут быть успеш-

ными, если к ним присоединятся и «молчаливое большинство», те, кто не ходит на выборы и отчужден от партий и общественных движений.

Надеемся, что через десятилетие политический ландшафт в России преобразуется к лучшему в интересах национального согласия и прорыва в благосостоянии ее граждан.

Библиографический список

1. Алексеенкова, Е. С. Стратегия победившего популизма: Италия после выборов [Текст] / Е. С. Алексеенкова // Современная Европа. – 2019. – № 2. – С. 106-117.
2. Алтунян, А. Г. От Булгарина до Жириновского. Идеино-стилистический анализ политических текстов [Текст] / А. Г. Алтунян. – М. : МГГУ, 1999. – С. 7-47.
3. Бек, Ульрих. Власть и ее оппоненты в эпоху глобализма. Новая всемирно-политическая экономия [Текст] / У. Бек ; пер. с нем. – М. : Прогресс-Традиция, Территория будущего, 2007. – 464 с.
4. Бондарь, Н. С. Конституция России в условиях глобальных перемен в правовой жизни: от политических иллюзий к юридическому прагматизму [Текст] / Н. С. Бондарь // Журнал российского права. – 2018. – № 12. – С. 18-32.
5. Брюс Буэно де Москати, Алистер Смит. Правила политики [Текст] / Б. Москати, А. Смит // Неприкосновенный запас. – 2018. – № 4. – С. 63-83.
6. Власть и политика: исторические вызовы XXI века [Текст]. – М. : РОССПЭН, 2012. – 446 с.
7. Волков, Н. «Зеленые» в ФРГ: новая «народная партия» [Текст] / Н. Волков // Современная Европа. – 2019. – № 2. – С. 118-128.
8. Гаджиев, К. С. Политология. Базовый курс [Текст]: учебник / К. С. Гаджиев. – 2-е изд., перер. и доп. – М. : Юрайт, 2011. – 505 с.
9. Европа XXI века. Новые вызовы и риски [Текст] / под общ. ред. Ал. А. Громыко, В. О. Федорова. – М., СПб. : Нестор История, 2017. – 584 с.
10. Елацков, А. Б. Общая геополитика: вопросы теории и методологии в географической интерпретации [Текст] / А. Б. Елацков. – М. : ИНФРА-М., 2018. – 251 с.
11. Зорькин, В. Д. Конституция РФ – правовая основа интеграции российского общества [Текст] / В. Д. Зорькин // Государство и право. – 2018. – № 12. – С. 5-17.
12. Козырева, П. М., Смирнов, А. И. Эволюция российских партий и ожидания общества [Текст] / П. М. Козырева, А. И. Смирнов // Власть. – 2019. – № 2. – С. 17-19.
13. Мишель Анри. Идея государства [Текст] / А. Мишель ; пер. с фр. – М. : ИД «Территория будущего», 2008. – 536 с.

14. Мурашева, Е. В. Центризм как общественно-политическое явление [Текст] / Е. В. Мурашева. – М. : РОССПЭН, 2010. – 311 с.
15. Независимая газета. – 2019, 12-13 июля. – С. 2-4.
16. Петухов, В. В. Динамика социальных настроений и формирование спроса на перемены [Текст] / В. В. Петухов // Социс. – 2018. – № 11. – С. 40-55.
17. Пефтиев, В. И. Экономическая теория в России. Самоидентификация и шансы на востребованность [Текст] / В. И. Пефтиев. – Ярославль : РИО ЯГПУ, 2014. – С. 72.
18. Постников, А. Е. Эволюция института выборов в России в контексте реализации конституционных принципов [Текст] / А. Е. Постников // Журнал российского права. – 2019. – № 6. – С. 21-30.
19. Рансьер Жак. Народ или множество? [Текст] / Ж. Рансьер // Неприкосновенный запас. – 2018. – № 6. – С. 12-19.
20. Романова, Т., Павлова, Е. Стрессоустойчивость в Евросоюзе и Россия: суть и перспективы новой концепции [Текст] / Т. Романова, Е. Павлова // МЭ и МО. – 2019. – № 6. – С. 102-109.
21. Селихов, Н. В. Представительство в государствах народовластия [Текст] / Н. В. Селихов // Российский юридический журнал. – 2018. – № 6. – С. 9-25.
22. Стельмах, В. Ю. Процессуальные аспекты прекращения уголовного преследования с назначением судебного штрафа [Текст] / В. Ю. Стельмах // Российский юридический журнал. – 2018. – № 6. – С. 117-129.
23. Тенденции и проблемы развития российской политической науки: традиции, рецепция и новация [Текст] / Под общ. ред. О. В. Гаман-Голутвина и С. В. Патрушев. – М. : ЭН, 2017. – 477 с.
24. Эксперт. – 2019, 24-30 июня. – № 26. – С. 11.

Bibliograficheskiy spisok

1. Alekseenkova, E. S. Strategija pobedivshogo populizma: Italija posle vybo-rov [Tekst] / E. S. Alekseenkova // Sovremennaja Evropa. – 2019. – № 2. – S. 106–117.
2. Altunjan, A. G. Ot Bulgarina do Zhirinovskogo. Idejno-stilisticheskij analiz politicheskikh tekstov [Tekst] / A. G. Altunjan. – M. : MGGU, 1999. – S. 7–47.
3. Bek, Ul'rih. Vlast' i ee opponenty v jepohu globalizma. Novaja vsemirno-politicheskaja jekonomija [Tekst] / U. Bek ; per. s nem. – M. : Progress-Tradicija, Territorija budushhego, 2007. – 464 s.
4. Bondar', N. S. Konstitucija Rossii v uslovijah global'nyh peremen v pravovoj zhizni: ot politicheskikh illjuzij k juridicheskomu pragmatizmu [Tekst] / N. S. Bondar' // Zhurnal rossijskogo prava. – 2018. – № 12. – S. 18–32.
5. Brjus Bujeno de Moskati, Alister Smit. Pravila politiki [Tekst] / B. Moskati, A. Smit // Neprikosnovennyj zas. – 2018. – № 4. – S. 63–83.
6. Vlast' i politika: istoricheskie vyzovy XXI veka [Tekst]. – M. : ROSSPJEN, 2012. – 446 s.
7. Volkov, N. «Zelenye» v FRG: novaja «narodnaja partija» [Tekst] / N. Volkov // Sovremennaja Evropa. – 2019. – № 2. – S. 118–128.
8. Gadzhiev, K. S. Politologija. Bazovyj kurs [Tekst] : uchebnik / K. S. Gadzhiev. – 2-e izd., perer. i dop. – M. : Jurajt, 2011. – 505 s.

9. Evropa XXI veka. Novye vyzovy i riski [Tekst] / pod obshh. red. Al. A. Gromyko, V. O. Fedorova. – M., SPb. : Nestor Istorija, 2017. – 584 s.
10. Elackov, A. B. Obshhaja geopolitika: voprosy teorii i metodologii v geograficheskoy interpretacii [Tekst] / A. B. Elackov. – M. : INFRA-M., 2018. – 251 s.
11. Zor'kin, V. D. Konstitucija RF – pravovaja osnova integracii rossijskogo obshhestva [Tekst] / V. D. Zor'kin // Gosudarstvo i pravo. – 2018. – № 12. – S. 5–17.
12. Kozyreva, P. M., Smirnov, A. I. Jevoľjucija rossijskih partij i ozhidaniya obshhestva [Tekst] / P. M. Kozyreva, A. I. Smirnov // Vlast'. – 2019. – № 2. – S. 17–19.
13. Mishel' Anri. Ideja gosudarstva [Tekst] / A. Mishel' ; per. s fr. – M. : ID «Territorija budushhego», 2008. – 536 s.
14. Murasheva, E. V. Centrizm kak obshhestvenno-politicheskoe javlenie [Tekst] / E. V. Murasheva. – M. : ROSSPJEN, 2010. – 311 s.
15. Nezavisimaja gazeta. – 2019, 12–13 ijulja. – S. 2–4.
16. Petuhov, V. V. Dinamika social'nyh nastroyenij i formirovanie sprosna na peremenny [Tekst] / V. V. Petuhov // Socis. – 2018. – № 11. – S. 40–55.
17. Peftiev, V. I. Jekonomicheskaja teorija v Rossii. Samoidentifikacija i shansy na vostrebovannost' [Tekst] / V. I. Peftiev. – Jaroslavl' : RIO JaGPU, 2014. – S. 72.
18. Postnikov, A. E. Jevoľjucija instituta vyborov v Rossii v kontekste rea-lizacii konstitucionnyh principov [Tekst] / A. E. Postnikov // Zhurnal rossijskogo prava. – 2019. – № 6. – S. 21–30.
19. Rans'er Zhak. Narod ili mnozhestvo? [Tekst] / Zh. Rans'er // Neprikosnovennyj zapas. – 2018. – № 6. – S. 12–19.
20. Romanova, T., Pavlova, E. Stressoustojchivost' v Evrosojuze i Rossija: sut' i perspektivy novoy koncepcii [Tekst] / T. Romanova, E. Pavlova // MJe i MO. – 2019. – № 6. – S. 102–109.
21. Selihov, N. V. Predstavitel'stvo v gosudarstvah narodovlastija [Tekst] / N. V. Selihov // Rossijskij juridicheskij zhurnal. – 2018. – № 6. – S. 9–25.
22. Stel'mah, V. Ju. Processual'nye aspekty prekrashhenija ugolovnogo presledovanija s naznacheniem sudebnogo shtrafa [Tekst] / V. Ju. Stel'mah // Rossijskij juridicheskij zhurnal. – 2018. – № 6. – S. 117–129.
23. Tendencii i problemy razvitija rossijskoj politicheskoy nauki: tradicii, recepcija i novacija [Tekst] / Pod obshh. red. O. V. Gaman-Golutvina i S. V. Patrushev. – M. : JeN, 2017. – 477 s.
24. Jekspert. – 2019, 24 30 ijunja. – № 26. – S. 11.

DOI 10.24411/2658-428X-2019-10508

УДК 321

О. А. Коряковцева <https://orcid.org/0000-0003-0376-827X>

О. Н. Титова <https://orcid.org/0000-0001-8493-9362>

Социальная ответственность российской политической элиты как импульс преобразований

Статья посвящена проблемам ответственности политической элиты за результаты социально-экономических трансформаций в России. Совершая экскурс в историю общественных взаимоотношений и рассматривая динамику идеи ответственности, авторы убеждают, что именно тип власти и режима, за которые ответственна, прежде всего, политическая элита, определяют доступность социальных благ для человека. В работе отмечены исторически сложившиеся и современные механизмы ответственности, обусловленные взаимными обязательствами общества и власти. В заключение авторы подчеркивают необходимость осознания элитой значимости человеческого ресурса и ответственности за его развитие, особенно в эпоху перемен.

Ключевые слова: политическая элита, социальная ответственность, гражданское общество, ресурсы власти, процессы социального управления, значимость человеческого ресурса.

O. A. Koryakovtseva, O. N. Titova

Social responsibility of the russian political elite as an impulse of transformation

The article is devoted to the problems of responsibility of the political elite for the results of socio-economic transformations in Russia. Making an excursion into the history of social relations and considering the dynamics of the idea of responsibility, the authors convince that it is the type of power and regime, for which the political elite is primarily responsible, that determine the availability of social benefits for a person. The paper highlights the historical and modern mechanisms of responsibility due to mutual obligations of society and government. In conclusion, the authors emphasize the need for the elite to realize the importance of human resource and responsibility for its development, especially in an era of change.

Key words: political elite, social responsibility, civil society, power resources, social management processes, importance of human resource.

© Коряковцева О. А., Титова О. Н., 2019

Политическая культура каждой страны, и России в том числе, отличается своеобразием, однако это не означает, что страна должна оставаться на достигнутых позициях традиционного общества, а политическая элита осуществлять управление в рамках существующей системы. Современная политическая элита должна стать инициатором развития гражданского общества и реальных изменений социальных процессов. Она должна быть импульсом преобразований в силу следующих причин:

- у элиты есть возможность сосредоточивать в своих руках материальные и духовные ресурсы общества;
- в современных цивилизациях элита составляет группу профессиональных управленцев, накапливающих опыт управленческой деятельности.

Вместе с тем важно, чтобы правящая элита, обладающая способностью и возможностями эффективного управления, обладала еще и властью, то есть способностью и возможностью влияния и воздействия на граждан. В связи с этим следует особо обратить внимание на вопрос о ресурсах власти. К ресурсам относится потенциальная возможность субъектов осуществлять процесс управления и влияния.

Ресурсы власти представляют собой природные (естественные), материально-технические (искусственные), социальные (естественные и искусственные) общественно

значимые планетарные и национальные запасы, обеспечивающие функционирование природной и социальной среды как в мировом сообществе в целом, так и в масштабах отдельной страны. В распоряжении власти наряду с названными ресурсами имеются также и другие ресурсы, в частности – в виде силы, государственных финансовых запасов, знаний, мощи, интеллекта, организационных способностей, авторитета. Все названные ресурсы власть включает в процессы социального управления по мере надобности и способности ее эффективно использовать тот или иной ресурс. Эти способности Р. Линьков называет технологичными, а их отсутствие – антитехнологичностью, присваивая, например, последнее свойство советской политической элите [6]. Важно отметить, что для эффективного функционирования политической элите жизненно необходимо осознание значимости человеческого ресурса, на который она может опираться не только в периоды избирательных кампаний, но и осуществляя политическое руководство.

Превращение человека в основной ресурс – это свидетельство культуры общества и возможностей его дальнейшего развития. Решение данной задачи в условиях расширения масштабов глобальных проблем и создания угрозы существованию человека как вида на Земле – единственно возможный путь в бу-

дущее, путь сохранения и преумножения человечества как капитала. Вместе с тем проблема требует не только философского и экономического, но и политического решения. Политический фактор в решении проблемы использования ресурсов и превращения человека в основной ресурс общества определяет тип власти и режима, который в той или иной степени предоставляет каждому гражданину доступ к существующим общественным ресурсам.

Формирование человеческого ресурса каждого государства как конечная цель деятельности представителей элитных групп общества есть свидетельство социальной ответственности политической элиты.

Политологической науке очевидно явное различие между элитой моральной и моральностью элиты. Х. Лассуэл, выделяя типы элиты в зависимости от существующих благ и институтов, в которых эти блага концентрируются, справедливо разделял властную элиту, элиту знания, здоровья, привязанностей, умения, уважения и моральности [8]. Безусловно, с ним следует согласиться, что условиями формирования того или иного типа элиты становятся качества социальной среды. Под качеством социальной среды мы понимаем уровень социально-экономического и культурного состояния населения, возможности получения социальных благ, наличие ресурсов, достаточных для дальнейшего развития

общества. Господствующие потребности, культура, распределение сил в обществе, социальные влияния – вот условия, которые оказывают свое воздействие на состояние и тип элиты, преобладающий в данном социуме. В свою очередь, сформировавшаяся элита начинает определять качество социальных процессов.

Становление и развитие российской политической элиты как социально ответственного субъекта является предметом исследования российских историков, юристов, философов, социологов, политологов XIX–XXI вв. – В. О. Ключевского, Б. Н. Чичерина, П. И. Новгородцева, И. А. Ильина, Т. И. Заславской, О. В. Гаман-Голутвиной, Н. Ю. Лапиной, А. И. Соловьева, А. В. Понеделкова, П. Л. Карабущенко и др.

Значительный вклад в анализ политических элит внесли ученые, работавшие над проблемами политической власти и политического управления: А. В. Вовенда, А. В. Дука, О. Ф. Шабров.

В научной литературе все более активно обсуждаются проблемы формирования нового поколения российской политической элиты: в работах Е. В. Зозули, О. А. Коряковцевой, С. В. Кочнева, М. М. Шульги.

Отметим, что отечественная элитология активно развивалась на рубеже последнего десятилетия XX века не только за счет теоретических, но и экспериментальных исследований, в частности были

разработаны методики изучения как общенациональной элиты, так и политического руководства субъектов Российской Федерации, представленные в работах Т. В. Бугайчук, О. А. Коряковцевой, Л. И. Никовской, А. В. Понеделкова, А. Е. Чириковой, В. Н. Якимца и других ученых. Именно поэтому на фоне обобщения полученных научных результатов возникает необходимость дальнейшего осмысления методологических проблем отечественной элитологии [7].

Временной диапазон охватывает трансформацию элит, начиная с древности до наших дней – эпохи модернизации и демократизации.

Россия за короткий период конца XX – начала XXI в. пережила политические и социальные конфликты, смысл и значение которых, по всей видимости, будут по-настоящему осознаны последующими поколениями. Потрясения последних десятилетий поставили перед российской политической властью масштабные и жизненно важные задачи, решение которых определит не только ближайшее, но и отдаленное будущее страны. Это, несомненно, повышает ответственность представителей правящей элиты перед россиянами.

Под понятием «социальная ответственность политической элиты» мы подразумеваем осознание представителями федерального и регионального политического руководства своей принадлежности социуму, ответственности за его со-

хранение и устойчивое развитие. Мы считаем, что критерием социальной ответственности политической элиты является реализация и социализация человека в социуме как основного фактора и ресурса развития современного общества.

Идея ответственности имеет давнюю традицию изучения в истории философской, политической и социологической мысли. Становление полноценной категории – длительный процесс, продолжающийся и по настоящее время.

В традиционном обществе ответственность носила характер вассальных, церковных и семейных обязательств. При этом обязательства населения и власти распределялись неравномерно. Кроме того, в представлениях древних эти обязательства имели, прежде всего, нравственный характер. Так, Конфуций был убежден, что правитель должен разделять с подданными всю тяжесть существующих проблем. В то же время немалое место в учениях древних занимали идея наказания подданных за малейшие нарушения подданических обязательств [3]. Правитель, как правило, нес ответственность перед Богом, но не перед гражданами и обществом.

В греческой философии древности нравственная ответственность личности растворялась в воле богов и Рока, предопределявшего деяния богов и людей. Человек, полностью подчинявшийся внешним по отношению к нему установлениям, не

определял и не мог определить меру своих обязательств в обществе, однако, несмотря на это, неизбежно следовавшее наказание за нарушение божественного предопределения, мистифицировало идею ответственности, ставило человека в зависимость от вселенских сил, игнорируя его личностные начала.

Продолжая традицию античных философов, проповедники христианского учения утверждали изначальную греховность человека, абсолютизировали его обязательства перед Богом и обществом. Ранние христианские трактаты, отрицавшие всяческую власть, кроме власти Бога, уступили место более поздним вероучениям, в которых правитель воспринимается как наместник Бога, который правит миром, человек становится личностью перед лицом Бога. Принцип покорности Богу и властям преобладает, о чем говорится в послании апостола Павла к римлянам: «...существующие же власти от Бога и установлены», но отказываясь от обожествления власти, христиане признавали свои обязательства, главным образом, перед церковью. Борьба папской и светской власти в средневековой Европе была и борьбой за своих подданных. Представления о всемогущем Боге, идеи человека и человечества, ждущего наказания за грехи (первая и вторая эсхатология), лишали человека собственной воли и собственного выбора обязательств перед людьми. Несмотря на призна-

ние некоторыми отцами церкви свободы воли человека (Августин Блаженный, британский монах Пелагий – III–IV вв.), церковь утверждала идею божественного предопределения и брала на себя роль посредника между человеком и Богом [3]. Следовательно, до Нового времени ответственность носила в основном нравственный характер, принимала вид обязательств и транслировалась через божественное предопределение, власть церкви, зависимость человека от воли Бога, церкви и правителя. При этом обязательства, которые возлагались на человека, их уровень и санкции за их нарушения определялись социально-экономическим неравенством, религией, нравственностью и традицией. «Бедные» зависели от «богатых», подданные – от власти, властные субъекты несли ответственность в иерархии власти перед любым вышестоящим субъектом, и все, в том числе – верховный правитель – ответственны перед самим Богом. Традиционный характер ответственности не давал оснований дифференцировать человеческие обязательства, которые, будучи нормами, заданными извне, не являлись ответственностью в полном смысле слова.

По мере рационализации общественных отношений, начавшихся в Новое время, с появлением нового класса – буржуазии, развития правовых норм, обеспечивающих поведение личности и социальные отношения, массовое участие лю-

дей в политике и социальной жизни, развитие гражданских свобод, а, следовательно, свободы воли, появляются возможности личностного осознания ответственности и социальной ответственность общества перед личностью.

Идея ответственности в истории политической мысли связывается с идеей свободы, эта связь обусловлена сознательным признанием человеком своей ответственности перед другими людьми и обществом в целом, пониманием того факта, что он обязан понести наказание за нарушение закона и принципов человеческого общежития. За первое – полагается правовое наказание, за другое – моральное осуждение общественностью. Расплата за нарушение законов государственных и человеческих может быть тяжкой, человеку иногда приходится платить собственной жизнью [4].

Исходя из вышесказанного, можно прийти к выводу, что в процессе исторического развития общества сформировались такие механизмы ответственности, как:

- традиционный (ответственность перед Богом и людьми);
- рационально-легитимный (ответственность перед обществом);
- взаимная ответственность внутри элиты, обеспечиваемая выборным механизмом формирования элиты (конкурсный отбор, регулярное обновление состава элитных групп).

В этой общей тенденции есть варианты политического поведения

властных элит, которые определяются сложившейся системой политических отношений и правилами политической игры, соблюдение которых – непереносимое условие для существования и функционирования политических субъектов. Социальная ответственность может быть включена составляющей в эту систему в качестве одного из правил взаимодействия как внутри, так и вне системы, она может являться политической нормой сложившегося политического механизма. Последнее складывается в обществах, где существует общественный договор между обществом и властью, согласно которому обе стороны отношений берут на себя взаимные обязательства: общество – соблюдать закон и выполнять веления власти, а элита – реализовывать интересы общества. Однако идеальная конструкция, заданная в «Новое время» особыми представлениями о логике взаимодействия власти и населения в рационально организованном обществе, не учитывала действия множества неинституциональных, стихийных социальных, экономических, социокультурных факторов, оказывающих влияние на практику властного функционирования и социальную ответственность властной элиты. В обществах переходного типа взаимные обязательства общества и власти реализуются в условиях действия иррациональных и неформальных факторов, что, в свою очередь, является следствием неза-

вершенности формирования политических институтов и нормативно-правовой системы, регулирующей внутренние и внешние взаимодействия политических элит.

Прагматизм российских политических процессов, существенное сужение поля действия нравственных принципов, ограничивают возможности нравственной ответственности элиты, а несовершенство правовой системы не позволяет довести до логического конца процесс формирования правовой ответственности лиц, находящихся у власти. Это становится основанием ограничения и социальной ответственности элитарных групп. Кроме того, особо важно подчеркнуть, что возможности правовой, нравственной и социальной ответственности тех структур, которые представляют собой политическую элиту, обусловлены политическим режимом, уровнем социально-экономического развития государства, общей, правовой и политической культурой граждан, господствующей в обществе духовной, нравственной атмосферой, а также

историческими традициями и внешними влияниями.

Уровень ответственности российской политической элиты в настоящее время в значительной степени определяется и социальной структурой элиты, и политической культурой самой элиты, и общества в целом. Важно, чтобы в составе элиты были группы, заинтересованные и способные мыслить в категориях социального развития общества.

Итак, осмысливая будущее России, каждый из нас понимает, что перед политической элитой страны сегодня стоят серьезнейшие социальные проблемы, тактические и стратегические задачи, которые требуют решения не только для Блага общества, но и каждого гражданина страны.

И невольно возникает вопрос: а сможет ли наша элита соответствовать своему высокому предназначению? В должной ли мере представители современной российской элиты осознают свою нравственную, социальную, правовую ответственность?

Библиографический список

1. Васильев, Л. С. Проблемы генезиса китайской мысли (формирование основ мировоззрения и менталитета) [Текст] / Л. С. Васильев. – М., 1989. – С. 118.
2. Гаман-Голутвина, О. В. Элита в разрезе [Текст] / О. В. Гаман-Голутвина // Литературная газета. – 2004. – 21 апреля.
3. Доссэ, Т. Г. О понимании текста Псалтири с позиций классической герменевтики [Текст] / Т. Г. Доссэ // Ярославский педагогический вестник. – 2006. – № 2 (47). – С. 20-23.
4. Коряковцева, О. А. Государственная молодежная политика в современной России [Текст] / О. А. Коряковцева // Вестник Волгоградского государственного

университета. – Сер. 4 История. Религоведение. Международные отношения. – № 1 (15). – 2009. – С. 122-129.

5. Коряковцева, О. А., Бугайчук, Т. В. Молодой лидер Ярославской области: какой он? [Текст] // Социальное лидерство в образовательной среде: материалы всероссийской научно-практической конференции / под науч. ред. Т. Н. Гушиной. – Ярославль : РИО ЯГПУ, 2017. – С. 22-27.

6. Линьков, Р. Проблемы российской политической элиты [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://glazev.rossija.info/viewtopic.php?t=2101&sid=676fd363e03f3aae826402a85f02fde2>. – (Дата обращения: 01.09.2019).

7. Титова, О. Н. Российская политическая элита между прошлым и будущим [Текст] / О. Н. Титова // Ярославский педагогический вестник. Т. 1. (Гуманитарные науки). – 2012. – № 4. – С. 143-147.

8. Lasswell, H. D. Harold D. Lasswell on Political Sociology. – P. 36.

Bibliograficheskij spisok

1. Vasil'ev, L. S. Problemy genezisa kitajskoj mysli (formirovanie osnov mirovozzrenija i mentaliteta) [Tekst] / L. S. Vasil'ev. – M., 1989. – S. 118.

2. Gaman-Golutvina, O. V. Jelita v razreze [Tekst] / O. V. Gaman-Golutvina // Literaturnaja gazeta. – 2004. – 21 aprelja.

3. Dossje, T. G. O ponimanii teksta Psaltiri s pozicij klassicheskoj germe-nevtiki [Tekst] / T. G. Dossje // Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik. – 2006. – № 2 (47). – S. 20–23.

4. Korjakovceva, O. A. Gosudarstvennaja molodezhnaja politika v sovremennoj Rossii [Tekst] / O. A. Korjakovceva // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. – Ser. 4 Istorija. Religovedenie. Mezhdunarodnye otnoshenija. – № 1 (15). – 2009. – S. 122–129.

5. Korjakovceva, O. A., Bugajchuk, T. V. Molodoj lider Jaroslavskoj oblasti: kakoj on? [Tekst] // Social'noe liderstvo v obrazovatel'noj srede: materialy vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii / pod nauch. red. T. N. Gushhinoj. – Jaroslavl' : RIO JaGPU, 2017. – S. 22–27.

6. Lin'kov, R. Problemy rossijskoj politicheskoi jelity [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://glazev.rossija.info/viewtopic.php?t=2101&sid=676fd363e03f3aae826402a85f02fde2>. – (Data obrashhenija: 01.09.2019).

7. Titova, O. N. Rossijskaja politicheskaja jelita mezhdru proshlym i budushhim [Tekst] / O. N. Titova // Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik. Т. 1. (Gumanitarnye nauki). – 2012. – № 4. – S. 143–147.

8. Lasswell, H. D. Harold D. Lasswell on Political Sociology. – P. 36.

DOI 10.24411/2658-428X-2019-10509

УДК 352

Л. И. Никовская <https://orcid.org/0000-0002-1160-5801>

В. Н. Якимец <https://orcid.org/0000-0003-4953-2932>

**Местное самоуправление и муниципальная публичная политика:
особенности и проблемы развития на современном этапе в России
(по материалам социологического исследования)**

Статья подготовлена в рамках исследовательского проекта РФФИ № 19-011-31282
«Исследование состояния и возможностей совершенствования институтов и механизмов
публичной политики на муниципальном уровне на основе индексного подхода»

На основе разработанного индекса субрегиональной публичной политики для оценки состояния публичной политики и ее институтов и механизмов, а также субъектов публичной сферы местного сообщества (малого и среднего бизнеса, муниципальной власти, НКО-сообщество и др.) выявлены особенности публичной политики на уровне местного самоуправления, а также определены его проблемные аспекты, что позволяет формировать направления совершенствования деятельности субъектов, институтов и механизмов публичной политики на субрегиональном уровне с учетом ожиданий основных сторон местного сообщества.

Ключевые слова: местное самоуправление, муниципальная публичная политика, гражданское общество, некоммерческое сообщество, публичное взаимодействие.

L. I. Nikovskaja, V. N. Jakimec

**Local government and municipal public policy:
features and problems of development at the present stage in Russia
(based on sociological research)**

On the basis of the developed index subregional public policies for the assessment of public policies and its institutions and mechanisms, and subjects of the public sphere of the local community (small and medium businesses, municipal authorities, NGOs, community, etc.) peculiarities of public policy at the local government level, and define its problematic aspects that allows you to create directions of perfection of activity of subjects, institutions and mechanisms of public policy at the subregional level given the expectations of the main parties of the local community.

Key words: local self-government, municipal public policy, civil society, non-profit community, public interaction.

© Никовская Л. И., Якимец В. Н., 2019

*Местное самоуправление и муниципальная публичная политика: особенности и проблемы
развития на современном этапе в России (по материалам социологического исследования)*

Роль местного самоуправления, местного сообщества в системе российской государственности не-оценимо: сильное сообщество – основа сильного государства. Политические, социальные, экономические интересы граждан связаны с интересами государства, прежде всего, через групповые интересы жителей одного города, села, района, реализуемые посредством самоуправления. Местное самоуправление выступает своеобразной школой гражданственности, демократической организации местной жизни. Оно приучает общество к самоорганизации, необходимой для качественного решения вопросов в соответствии с общественными интересами граждан. Совмещение в работе органов местного самоуправления общественных и государственных полномочий – явление исключительное, богатое потенциальными возможностями для поиска и выбора оптимальных схем и механизмов взаимодействия общественности и власти, публичного и политического. Самоуправление ведет к изменению направленности управленческих процессов «снизу – вверх», от периферии к центру; оно зависит от развития прямой непосредственной демократии, расширения гласности, повышения ответственности общественного мнения и пр. Именно поэтому местное самоуправление по праву относят к важнейшим институтам гражданского общества, занимающим пограничное положение между орга-

нами государственной власти и общественной самодеятельности. По мысли известного философа и политолога А. де Токвиля, коммунальные институты делают для свободы то, что начальная школа для народа, позволяют вкушать ее плоды и привыкать ею пользоваться. Нация может ввести у себя свободное правление и без коммунальных институтов, но у нее не будет духа свободы.

Самоуправление предполагает активность всех рядовых членов организационной подсистемы при решении общих вопросов; отзывчивость и внимание управленческих (профессиональных) структур к инициативе масс, развитие различных форм этой инициативы.

Как форма политической самоорганизации местных сообществ, местное самоуправление автономно, независимо как от органов государственной власти, так и внесоциальных структур; оно организовано разнообразно, что обусловлено особенностями исторического развития, составом населения и даже традициями; оно более гибко и оперативно реагирует на потребности конкретных сообществ.

Для социальных сообществ местное самоуправление выступает интегрирующим фактором; оно может способствовать предотвращению социальных, экономических, этнических, религиозных конфликтов; является хорошим полигоном для большинства иннова-

ционных социальных проектов. Так, в Италии, при частой смене правительств, на местах сохраняется порядок и достаточная работоспособность местной власти. В Японии, в послевоенное кризисное время 1945 г. развитие инициативы на местах шло значительно быстрее и благодаря местному самоуправлению переход от тоталитарных форм власти к цивилизованному возрождению прошел стремительно и успешно. Да и в России экономическая активность городов до 1913 года способствовала социальному расцвету местных сообществ: до 1913 года российские города до 50 % своего бюджета формировали сами, а Москва – до 75 %.

В современной России сегодня можно наблюдать во многих городах и районах большое стремление к реальной работе, к терпеливому и прочному строительству демократических механизмов решения насущных проблем повседневной жизни: достойного содержания домов, квартир, больниц, яслей и школ; содействия росту муниципальной экономики, местной экономической инициативы; защиты природы, полезной для населения территории.

Мировая и общественная история подчеркивает необходимость местного самоуправления как одного из способов поддержания общества в стабильном состоянии, особенно в период государственных и системных кризисов. Потребность общества в местном самоуправлении компенсирует социуму в пери-

од острых кризисов государственности воспроизводство институтов гражданского общества. В итоге создается гарантия нации от разрушения, поддерживаются основы гражданского общества. В то же время местное самоуправление не должно подменять государство, его институты и функции. Совмещение в работе органов местного самоуправления общественных и государственных полномочий – явление исключительное, богатое потенциальными возможностями для поиска и выбора оптимальных схем и механизмов взаимодействия общественности и власти, публичного и политического.

Полемика о состоянии и качестве местного самоуправления (МСУ) давно не утихает в России. И это закономерно. Муниципалитеты – важное средство приобщения граждан к управлению государством и обществом, они способствуют развитию инициативы и самодетельности населения [2]. Именно на местном уровне наиболее эффективно реализуется концепция «приближения власти к народу». Реформа МСУ, стартовавшая в 2003 году, имела целью стимулирование реального развития самоуправления. Муниципалитеты в России формально обладают высокими и ответственными полномочиями – они отстаивают интересы людей там, где они живут, осуществляют реальное самоуправление и саморегулирование общества. Через местный уровень власти, как считает Владимир Путин, пролега-

ет «самый короткий и прямой путь» к решению жизненно важных проблем граждан. Поддержку местного самоуправления президент России назвал одним из приоритетов своей деятельности [6].

Как известно, существуют две основные модели самоуправления: европейская континентальная и англосаксонская. В первом случае местная власть является нижним звеном в системе органов государственной власти и подчинена вышестоящим звеньям. Во втором случае система МСУ выделяется из общей структуры государственной власти и в какой-то степени ей противостоит, так как формируется гражданами и действует в их интересах. По последним данным социологических исследований, население России в большей степени тяготеет ко второй модели МСУ – 51 % опрошенных высказался за ее развитие, и лишь 32 % за первую [4, с. 83].

Для современного состояния местного самоуправления в России характерны три «беды»: недостаток финансирования, прав и ответственности. По мнению экспертов, отсутствие сбалансированности между теми полномочиями, которыми наделены органы местного самоуправления, и теми финансовыми ресурсами, которые им предоставляются, является сегодня самой большой проблемой местного самоуправления [1, с. 9-18]. У муниципалитетов отсутствуют необходимые активы для развития,

адекватная имущественная база. В некоторых случаях они имеют право распоряжаться: государственной собственностью (например, землей), но только под жестким контролем государства, что ослабляет легитимность сделок. А ведь ни для кого не секрет, что земля – основной актив для муниципального развития, который может быть использован и для привлечения новых инвестиций, и для развития социальной инфраструктуры. Решить букет муниципальных проблем и был призван Закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», принятый в 2003 году.

Следует отметить, что попытки упорядочить работу МСУ предпринимались уже не раз. Серьезная перестройка «нижнего этажа» власти была предпринята, например, в 1995 году. Но в большинстве случаев муниципальные реформы не приносили желаемых результатов.

К сильным сторонам нового ФЗ № 131 «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» можно отнести четкую регламентацию муниципальных финансов: финансирование исполнения государственных полномочий только за счет субвенций; переход к установлению ставок и нормативов отчислений от федеральных и региональных налогов на долговременной основе; самостоятельность в установлении тарифов при оплате труда муниципальных служащих, работников

муниципальных предприятий и учреждений. Кроме того, предусмотрено большее количество форм прямого волеизъявления населения при осуществлении местного самоуправления. Многие из названных в законе процедур действительно неплохо зарекомендовали себя в мировой муниципальной практике.

Принятый ФЗ-№ 131 привел к настоящей революции с переделом российской территории, властных полномочий и собственности. Итоговая схема перераспределения полномочий между органами государственной власти и органами местного самоуправления выглядит следующим образом (см. Табл. 1).

Таблица 1.

Сопоставление ст. 5 и 6 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ»

Блоки вопросов	Органы госвласти (в сфере МСУ)	Органы МСУ (вопросы местного значения)
Политический	5	2
Правовой	6	0
Экономический	5	2
Административно-территориальный	2	1
Жизнеобеспечение, безопасность, развитие ЖКХ	0	7
Экологический	0	3
Земельный	0	2
Социально-бытовой	0	1
Социальный	0	4
Транспорт	0	1
Культурный	0	4
Информационный	0	2
ИТОГО	18	29

Из приведенного суммарного перечня соотношения полномочий видно, что 131-ФЗ в редакции 2003 г. существенно перераспределил полномочия по нормативному регулированию сферы МСУ и ресурсные полномочия в сторону *централизации* полномочий. Компетенция муниципалитетов по решению вопросов местного значения значительно сокращена.

Общий замысел реформы местного самоуправления, ее деклари-

руемые базовые принципы имели бесспорно позитивный характер. В то же время, как во всяком большом деле, практическая реализация Федерального закона № 131-ФЗ выявила множество нерешенных проблем, коллизий и недостатков, которые чаще всего прятались в частностях, в деталях. Поэтому в Закон было внесено более 600 поправок. Как отмечалось в аналитической записке Комитета по вопросам местного самоуправления Государ-

ственной Думы РФ, «выработанные европейским опытом принципы децентрализации управления, субсидиарности, самоорганизации граждан для решения вопросов местного значения еще не вполне адекватно отражены в российском законодательстве. Практика тоже отходит от представления о местном самоуправлении как институте гражданского общества. Зачастую она сводится к организации режима власти, обеспечивающего личные или корпоративные интересы, следовательно, искажает саму демократическую природу местного самоуправления» [3, с. 11].

Местное самоуправление – ключевой элемент политической системы развитой демократии, поэтому создание его не может быть делом только власти. Только объединение усилий представителей гражданского общества и власти может привести к созданию взвешенных, эффективных и легитимных «правил игры», согласно которым будет работать и развиваться местное самоуправление в России. Именно этим обусловлен был наш интерес к исследованию институтов и механизмов публичной политики на местном уровне. Муниципальная публичная политика (далее МПП) – это программы и приоритеты органов власти, механизмы и технологии их реализации, выработанные с учетом ожиданий и при участии основных групп гражданского общества – малого и среднего бизнеса, некоммерческих и обществен-

ных организаций через их представителей. Именно на местном уровне публичная политика получает свое полное выражение [7; 8, р. 13-14]. Главный акцент при изучении МПП ставится на гражданском и деловом участии в решении социально-экономических проблем местного сообщества во взаимодействии с властью.

По специально разработанной анкете в 2-х муниципальных образованиях двух областей ЦФО – *Костроме, Красном-на Волге, Ярославле, Ростове* - проводился опрос 3-х целевых групп респондентов. Всего было опрошено 359 человек, представляющих наиболее активных и компетентных представителей трех сегментов городских сообществ – муниципальной власти (153 респондентов), малого и среднего бизнеса (108 респондентов), руководителей и членов некоммерческих организаций (98 респондентов). На основе собранной эмпирической информации были рассчитаны значения сводных индексов состояния МПП для каждого из 4-х МО. Кроме того, для каждого института и механизма МПП рассчитывалось значение критерия *состоятельности* [5, с. 16-22] и полноты функционала субъекта МПП. Полученные количественные показатели были сопоставлены с качественными интерпретациями, которые дали на фокус-группах представители основных акторов взаимодействия в поле публичной политики всех 4-х МО. Соединение

качественных и количественных подходов для оценки состояния субрегиональной публичной политики и ее институтов с учетом интересов различных субъектов публичной сферы (бизнес, власть, НКО-сообщество), а также использование таких оценок для выявления проблемных зон и дисфункций во взаимодействии власти и представителей гражданского общества, позволило составить представление об особенностях публичной сферы и политики на местном уровне. Наше исследование подтвердило выдвинутую гипотезу, что в зависимости от уровня социально-экономического развития субъекта РФ, где проводится исследование, формируются различные типы субрегиональной публичной политики. Так, наиболее развитая Ярославская область на уровне городского округа Ярославля показала *центрированный тип* МПП, когда ожидания всех основных акторов МПП не отрываются в ожиданиях и оценках друг от друга. По сравнению с посткризисным 2011 г. полученные данные свидетельствуют о сохранении позитивных тенденций, связанных с традициями уважительного диалога власти с активными акторами поля ПП. В менее продвинутой Костромской области тип МПП характеризуется более разрывными моментами, когда оценки муниципальной власти несколько завышены и отрываются от ожиданий других игроков МПП. В целом, по данным исследования, во всех 4-х муниципальных образованиях пока воспроизводится

модель государственного патернализма, когда социально-значимые решения принимаются в «режиме консультаций», при активном контроле государственно-административных структур.

Местное самоуправление так не приобрело своего подлинного субъекта – сообщества граждан территории, а точнее – население. Оно в субъектном смысле осталось диффузным, распыленным, предпочитающим прямые встречи с местным руководством, обращения с жалобами, прямое информирование, то есть традиционный набор средств и методов взаимодействия с местной властью. Гораздо выше активность институционализированных интересов граждан – через организации НКО, Общественные палаты города, ассоциации малого и среднего бизнеса, ТПП и пр. Причины этого явления – в сохранении советских стереотипов, государственного патернализма и иждивенчества.

Население в целом, как показывают наши исследования, высоко оценивает потенциал всей системы органов МСУ, но реальные стимулы для своего участия оцениваются низко. В отсутствие реальных ресурсов люди демонстрируют ограниченный личный интерес. Интерес к общественной активности население реально проявляет только тогда, когда видит и ощущает результаты своей деятельности. Иными словами, чем выше ресурсная база органов МСУ, его возможность влиять на происходящее в

муниципальном образовании, а также чем больше информированность жителей, тем большая муниципальная активность населения. На это влияет и уровень муниципального образования: чем ближе местное самоуправление к людям, чем ниже территориальный масштаб его осуществления, тем более заинтересованы в нем граждане.

При этом и сами главы муниципальных образований, и часть жителей в нынешних (кризисных) условиях признают активную роль государства, но в разумных пределах. Как показала практика, часто механизмы реального государственного контроля вышли далеко за рамки, установленные № 131-ФЗ. По сути, органы местного самоуправления оказались переподчинены контролирующим органам, усмотрение которых приобрело определяющее значение. Публично проводимая линия на повышение автономии дала обратный эффект: муниципалитеты стали признаваться ответственными за решение большинства вопросов, являющихся, по сути, государственными (от образования до пожарной безопасности). И это – несмотря на отсутствие необходимых средств, реальных регулирующих возможностей и права самостоятельно принимать ключевые решения.

Очень важно, **как** местные жители ранжируют сегодня значимость проблем на местном уровне: на первом месте по значимости сегодня расположились проблемы

здравоохранения, особенно его «первичного звена» и доступности лекарств. На втором месте – проблемы жилья и коммунального обслуживания; на третьем – социальная защита и проблема социального обслуживания населения (пенсии, пособия, льготы, социальный патронаж и пр.); на четвертом – транспорт и дороги; далее следуют проблемы системы образования, на последних местах вопросы безопасности и порядка. Так, на проведенной фокус-группе в Ярославле представитель Общественной палаты города так осветил проблему в контексте обсуждаемой Стратегии развития города до 2020-2025 годов: *«Вот я как раз и написал, что волнует ярославцев. И всего-то шесть пунктов, не больше! Постоянное, стабильное место работы. Это доход, заработок и т. д. Комфорт, обслуживание, проживание в городе, досуг. Это жилье, свет и тепло в домах, благоустройство и можно дальше. Здоровье, будущее своих детей... качественное образование, услуги, детские сады и т. д. Вот и все и повышение эффективности органов власти. Вот и весь общественный интерес!»* (из материалов ФГ).

Исследования показывают, что сотрудники органов муниципального управления считают необходимым взаимодействие с населением и учет инициатив местного сообщества. Однако отмечается противоречивость и непоследовательность установок местной власти в

этом отношении: с одной стороны, почти все муниципальные служащие считают, что органы местного самоуправления должны вести активный диалог с населением, даже если население само не проявляет инициативы по решению местных вопросов; с другой стороны часть из них согласилась с мнением, что, что реакция органов местной власти на запросы и обращения граждан вполне достаточно, чтобы считать задачу работы с населением выполненной. Но все-таки большинство опрошенных муниципальных служащих придерживаются мнения, что учет общественных интересов, инициатив граждан всегда повышает эффективность муниципального управления и что органы местного самоуправления должны во всем ориентироваться на интересы населения.

На общественную активность местного уровня граждан очень сильное влияние оказывает менталитет и особенности региональной политической культуры – например, регионы с традиционалистской культурой (Краснодар, Курск), регионы с модернизационными, либеральными установками – Северо-Запад (Карелия), Сибири Красноярский край и пр.)

Ярославская область имеет характеристику региона с либеральными установками и плюралистической политической культурой: активность жителей здесь несколько выше, они готовы жертвовать своим временем для общественных нужд, брать на себя ответствен-

ность, организовывать других. Можно говорить, что на ментальном уровне есть реальные предпосылки для развития потенциала инициативного бюджетирования (со всеми оговорками, связанными с ограничениями кризисного свойства).

Суммируя, еще раз повторим, что местное самоуправление представляет собой один из важнейших институтов современного общества. Сегодня оно является одновременно формой самоорганизации граждан и – в этом качестве – составной частью гражданского общества, а с другой стороны – уровнем публичной власти (инструментом демократического участия граждан в управлении общими делами) и элементом рыночной экономической системы.

Важнейшим фактором развития местного самоуправления становится максимальное включение в процесс управления территорией непосредственно населения муниципальных образований. Сравнительный анализ показывает довольно четкую корреляцию между степенью муниципальной социальной активности жителей и ресурсными возможностями местной власти на той или иной территории. Привлечение жителей к участию в местном самоуправлении во многом лежит в плоскости организационного и экономического укрепления муниципалитетов. Действия в этом направлении – первое и главное условие повышения уровня и качества общественной и гражданской

активности местного сообщества. И важным подспорьем в этом отношении выступает согласованное конструктивное партнерство с Общественными Палатами города и области, максимальное привлечение проектно-сетевой активности НКО и инициативных групп, повышение заинтересованности малого и среднего бизнеса в развитии социального предпринимательства, государственно-частного партнерства. Успешные технологии и практики межсекторного партнерства не раз помогали локальному сообществу и местной власти переживать кризисные времена и на этой основе формировать подлинную культуру самоуправления. В ряде обследуемых нами муниципальных образований наметились контуры перехода к публичному «управлению через сообщество», когда управленческие решения и действия власти начинают соизмеряться с воз-

можностями и потребностями гражданского общества.

Иными словами, муниципальная публичная политика является самым полным выражением сути публичной политики как социально-политического и управленческого явления. Она не терпит ведомственных границ, конфликтной разобщенности и абсолютизации интересов одной из групп.

Интегральный Индекс МПП в Ярославле показывает, что оценки всех трех групп почти консолидированы. Они расположены в централизованной области. Это значит, что в своих ожиданиях они не слишком отрываются друг от друга и готовы слышать взаимные предложения. Значит есть потенциал для роста. Важно с учетом полученных результатов выработать предложения по улучшению институтов и механизмов публичного взаимодействия и диалога в публичном пространстве.

Библиографический список

1. Бабун, Р. В. О современном состоянии местного самоуправления в России [Текст] / Р. В. Бабун // Местное право. – 2016. – № 6. – С. 9-18.
2. Доклад «О состоянии местного самоуправления в Российской Федерации и предложения по совершенствованию организации и осуществления местного самоуправления» (электронная версия). – Общероссийский Конгресс муниципальных образований. М., 2016. – 174 с.
3. Материалы парламентских слушаний на тему: О проекте федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ» 3 апреля 2003 г. – Аналитический вестник, Вып. 22, ч. II, Серия: Государственное строительство и конституционные права граждан. М., 2003.
4. Местное самоуправление в России: состояние, проблемы, пути совершенствования [Текст]. М. : Экон-Информ, 2009.
5. Никовская, Л. И., Якимец, В. Н. О состоятельности институтов публичной политики [Текст] / Л. И. Никовская, В. Н. Якимец // Власть. – 2015. – № 6. – С. 16-22.

6. Путин призвал к укреплению местного самоуправления и поддержанию общественных инициатив [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://tass.ru/politika/5147190>. – (Дата обращения: 01.09.2019).
7. Friedberg E. Le Pouvoir et la règle. Dynamiques de l'action organisée. – Paris, 2015.
8. Muller P., Surel Y. L'analyse des politiques publiques. – Paris, 1998.

Bibliograficheskij spisok

1. Babun, R. V. O sovremennom sostojanii mestnogo samoupravlenija v Rossii [Tekst] / R. V. Babun // Mestnoe pravo. – 2016. – № 6. – S. 9–18.
2. Doklad «O sostojanii mestnogo samoupravlenija v Rossijskoj Federacii i predlozhenija po sovershenstvovaniju organizacii i osushhestvlenija mestnogo samoupravlenija» (jelektronnaja versija). – Obshherossijskij Kongress municipal'-nyh obrazovanij. M., 2016. – 174 s.
3. Materialy parlamentskih slushanij na temu: O proekte federal'nogo za-kona «Ob obshhih principah organizacii mestnogo samoupravlenija v RF» 3 apre-lja 2003 g. – Analiticheskij vestnik, Vyp. 22, ch. II, Serija: Gosudarstvennoe stroi-tel'stvo i konstitucionnye prava grazhdan. M., 2003.
4. Mestnoe samoupravlenie v Rossii: sostojanie, problemy, puti sovershenstvovanija [Tekst]. M. : Jekon-Inform, 2009.
5. Nikovskaja, L. I., Jakimec, V. N. O sostojatel'nosti institutov publichnoj politiki [Tekst] / L. I. Nikovskaja, V. N. Jakimec // Vlast'. – 2015. – № 6. – S. 16–22.
6. Putin prizval k ukrepleniju mestnogo samoupravlenija i podderzhaniju obshhestvennyh iniciativ [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <https://tass.ru/politika/5147190>. – (Data obrashhenija: 01.09.2019).
7. Friedberg E. Le Pouvoir et la règle. Dynamiques de l'action organisée. – Paris, 2015.
8. Muller P., Surel Y. L'analyse des politiques publiques. – Paris, 1998.

ЭКОНОМИКА

DOI 10.24411/2658-428X-2019-10510

УДК 336.2

Л. Г. Батракова <https://orcid.org/0000-0003-2356-3511>

А. Е. Кальсин <https://orcid.org/0000-0002-5419-7588>

Региональные и местные налоги в налоговой системе России

В статье рассмотрены различные подходы к определению налоговой системы. К организационным принципам построения налоговой системы России отнесены: единство, стабильность, верховенство федеральных налогов, соотношение федеральных, региональных и местных налогов и др. Функционирование налоговой системы России можно проследить по балансу финансовых потоков между Федеральным Центром, регионами и муниципальными образованиями. Приведена схема взаимосвязи бюджетной и налоговой системы. Определены оптимальные требования иерархических систем к бюджетно-налоговой структуре.

Ключевые слова: налоги, налоговая система, налоговые органы, бюджетно-налоговая структура.

ECONOMICS

L. G. Batrakova, A. E. Kal'sin

Regional and local taxes in the Russian tax system

The article deals with different approaches to the definition of the tax system. The organizational principles of the Russian tax system include: unity, stability, supremacy of federal taxes, the ratio of federal, regional and local taxes, etc. The functioning of the Russian tax system can be traced by the balance of financial flows between the federal center, regions and municipalities. The scheme of interrelation of budget and tax system is resulted. The optimal requirements of hierarchical systems to the fiscal structure are determined.

Key words: taxes, tax system, tax authorities, fiscal structure.

Налоговая система страны является сложным социально-экономико-правовым образованием.

В Российской Федерации она начала формироваться в декабре 1991 года после распада СССР. Тогда

был принят закон «Об основах налоговой системы РФ», который вводил в действие новые налоги и сборы, к примеру, НДС, подоходный налог, акцизы на алкогольную и табачную продукцию и другие.

Современной российской экономике остро не хватает собственных научных сил, школ в налогообложении, способных значительно усовершенствовать действующую налоговую систему, спрогнозировать экономические и социальные последствия от проведения в жизнь тех или иных реформ в этой области.

Прежде чем обосновывать необходимость формирования оптимальной структуры налоговой системы, рассмотрим ее качественные характеристики. Мы полагаем, что налоговую систему можно трактовать в узком и в широком смысле слова.

Налоговая система в узком смысле – это совокупность налогов, сборов, пошлин и других обязательных платежей, взимаемых в установленном порядке.

В соответствии с Налоговым кодексом РФ налоговую систему РФ формируют [1, 2]:

1) виды налогов и сборов и законодательство о налогах и сборах, а также нормативные правовые акты о налогах и сборах;

2) принципы налоговой политики государства, и, в частности, принципы налогового законодательства;

3) общие правила исполнения обязанности по уплате налогов и сборов;

4) налоговые органы, таможенные органы, органы государственных внебюджетных фондов;

5) налогоплательщики, налоговые агенты и плательщики сборов.

Согласно статье 30 Налогового Кодекса РФ, налоговая система в широком смысле, помимо совокупности налогов, сборов, пошлин, обязательных платежей и установленного порядка их взимания, включает: Федеральную налоговую службу; государственные налоговые инспекции по республикам в составе Российской Федерации, краям, областям, автономным образованиям, районам, городам (за исключением городов районного подчинения) и районам в городах, которые являются юридическими лицами, имеют самостоятельную смету расходов, текущие счета в учреждениях банков, печати с изображением Государственного герба Российской Федерации и со своим наименованием (с 9.09.04 г. Федеральная налоговая служба) [4, 5].

В соответствии с Налоговым Кодексом РФ, полномочиями налоговых органов обладают таможенные органы и органы государственных внебюджетных фондов. Представительные органы власти субъектов Федерации и местного самоуправления самостоятельно принимают решения о введении на их территории региональных и местных налогов, определяют налого-

вые льготы, ставки налогов в пределах, установленных Налоговым кодексом, порядок и сроки уплаты налогов, а также формы отчетности по ним [1, 2].

Действующая система налогов и сборов России и принципы ее организации определены Налоговым кодексом Российской Федерации. В настоящее время происходит активный процесс совершенствования налоговой системы.

Налоговая система Российской Федерации является трехуровневой, состоящей из федеральных, региональных и местных налогов и сборов. Ведущее место, как по количеству, так и по удельному весу в общей сумме налогов занимают федеральные налоги. Процесс совершенствования налоговой системы бесконечен, так как каждый новый этап развития общества имеет свои приоритеты экономического развития.

Важной проблемой при построении оптимальных налоговых систем является вопрос о достижении равновесия между экономической сущностью налога, и практически формами его взимания в реальной жизни.

Концепция естественного порядка в налогообложении изложена в научных работах, в частности в «Политической арифметике» английского экономиста У. Петти (1623-1687). Политэкономом и философом А. Смитом (1723-1790) была создана теория налогообложения, основные принципы которой не потеряли своего значения и

до нашего времени. Они изложены А. Смитом в четырех основных правилах:

– справедливость – утверждает всеобщность налогообложения и равномерность его распределения соответственно доходов;

– определенность – время уплаты налога, способ и сумма платежа должны быть точно и заранее известны плательщику и не зависеть от субъективных факторов;

– удобство – каждый налог должен взиматься в такое время и таким способом, которые наиболее удобны для плательщика;

– экономия (рациональность) – любой налог должен взиматься таким образом, чтобы из доходов плательщика изымалось как можно меньше сверх того, что поступает в государственную казну.

Наряду с принципами А. Смита, основу построения современных налоговых систем определяют также принципы, разработанные А. Вагнером. В соответствии с теорией коллективных потребностей, на первую позицию в налогообложении он поставил принципы достаточности и эластичности. Именно благодаря этим принципам налогообложение стало системой, которая начала учитывать интересы и налогоплательщика, и государства.

Правовые принципы организации налоговой системы закреплены в налоговом законодательстве, а также системой таможенного, арбитражного, уголовного, административного законодательства, меж-

государственными и внутригосударственными налоговыми договорами.

К организационным принципам построения современной налоговой системы России относятся:

- единство;
- стабильность;
- верховенство федеральных налогов;
- соотношение прямых и косвенных налогов;
- соотношение федеральных, региональных и местных налогов;
- широта применения налоговых льгот, их цели и характер;
- гибкость налоговой системы;
- прозрачность и простота налоговой системы – методы исчисления по каждому виду налога должны быть понятными и простыми;
- степень единообразия для различного рода налогоплательщиков.

В настоящее время предметом дискуссии по поводу налоговой политики выступают принципы стабильности и гибкости. В частности, доктор экономических наук, профессор А. И. Крисоватий указывает на то, что оптимальное налогообложение должно базироваться на научных основах построения фискальных взаимоотношений налогоплательщиков и государства. Ученый-экономист, академик НАН Украины В. П. Вишневский в монографии «Налогообложение: теории, проблемы, решения» выделяет современные принципы налогообложения, которые должны учитывать:

новую роль государства в смешанной экономике; особенности демократического механизма принятия фискальных решений; трансформацию налоговой базы; расходы, связанные с организацией процесса взимания налогов [6].

В ряде критериев налогообложения, которые характеризуют влияние налогов на экономику в целом, находится и критерий гибкости – способность налога адекватно реагировать на динамику макроэкономических процессов. На наш взгляд, учет достижений финансовой науки прошлого имеет большое практическое значение и используется современными учеными при формировании определенных групп принципов налогообложения.

Функционирование налоговой системы России и направления ее развития можно проследить по балансу финансовых потоков между Федеральным Центром, регионами и муниципальными образованиями, поскольку бюджет РФ имеет три уровня: федеральный, региональный и местный. Баланс финансовых потоков между Федеральным Центром и регионами двух противоположных направлений отражает: доходы, поступающие на федеральный уровень с территорий субъектов федерации, и расходы, осуществляемые Центром в регионах. Аналогичная картина – по балансу финансовых потоков двух противоположных направлений между региональным уровнем и местным.

Правительство Российской Федерации направляет в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации и Счетную палату Российской Федерации полную информацию о перечислении средств из Федерального фонда финансовой поддержки субъектов Российской Федерации бюджетам соответствующих субъектов Российской Федерации и из Фонда компенсаций бюджетам субъектов Российской Федерации.

Остановимся подробнее на тех принципах налогообложения, с которыми, на наш взгляд, наиболее тесно связаны узловые проблемы оптимизации налоговой системы России.

Современная налоговая система России претерпела множество изменений за последнее десятилетие. Эти изменения были вызваны необходимостью создания налоговой системы, наиболее способствующей выходу из экономического кризиса, стимулирующей экономическое развитие и соответствующей рыночным отношениям. В силу этого в настоящее время она является достаточно динамичной. Реализация принципа стабильности в налоговой системе России состоит в том, что налоги и их элементы не должны, тем не менее, часто пересматриваться. Для этого налоговая система должна обеспечивать примерную экономическую равнове-

ность и самодостаточность региональных и местных уровней.

Отметим, что налоговые системы федеративных государств имеют общие черты. Одна из этих черт иерархичность всех структур, образующих налоговую систему, которая объясняется принципом единства, лежащим в основе построения налоговых систем. Принцип единства в налоговой системе России также отражается в ее иерархичности. В связи с этим важное значение для нее имеет наличие управляющих (командных подсистем).

Иерархическая система обеспечивает высокий уровень организации и является наиболее экономной. Для наглядного описания иерархических структур, как известно, необходимо применение графов. Важной особенностью структурного графа, представляющего систему, является число возможных путей, по которым можно пройти от одной вершины к другой. Чем больше таких путей, тем совершеннее структура и ее надежность.

Представим налоговую систему во взаимосвязи с бюджетной системой. Для этого налоговую систему РФ представим в виде структурного графа (рис. 1). Развернутая схема бюджетной и налоговой системы в их взаимосвязи представлена на рисунках 3 и 4.

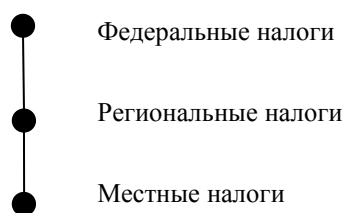

Рис. 1. Структурный граф налоговой системы

Бюджетная система РФ также является трехуровневой (рис. 2).

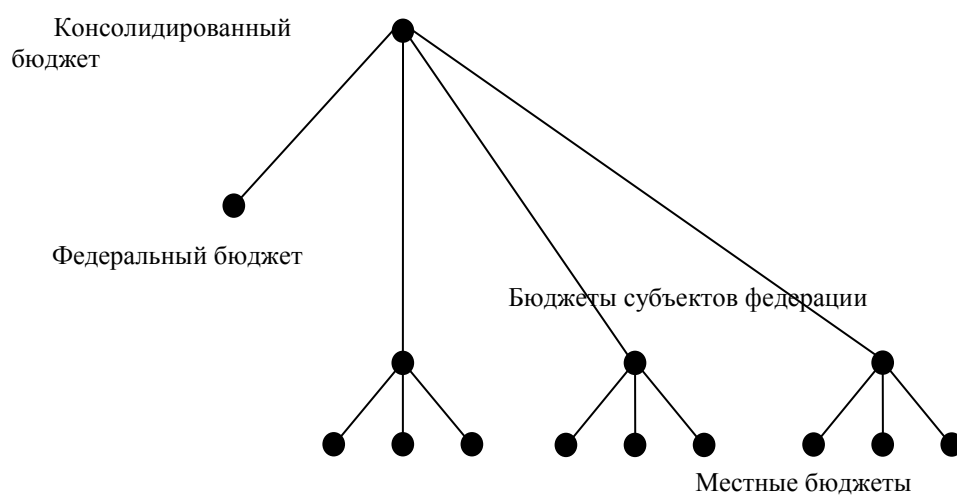

Рис. 2. Структурный граф бюджетной системы

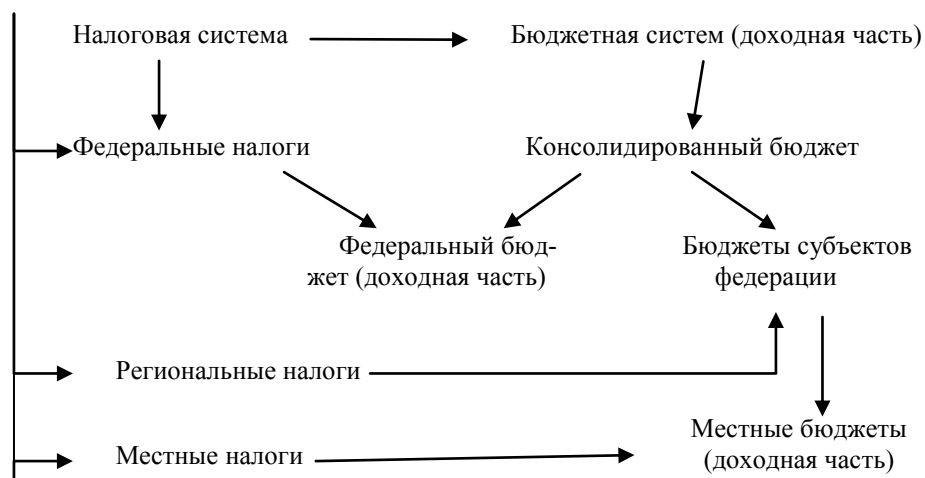

Рис. 3. Взаимосвязь налоговой и бюджетной системы

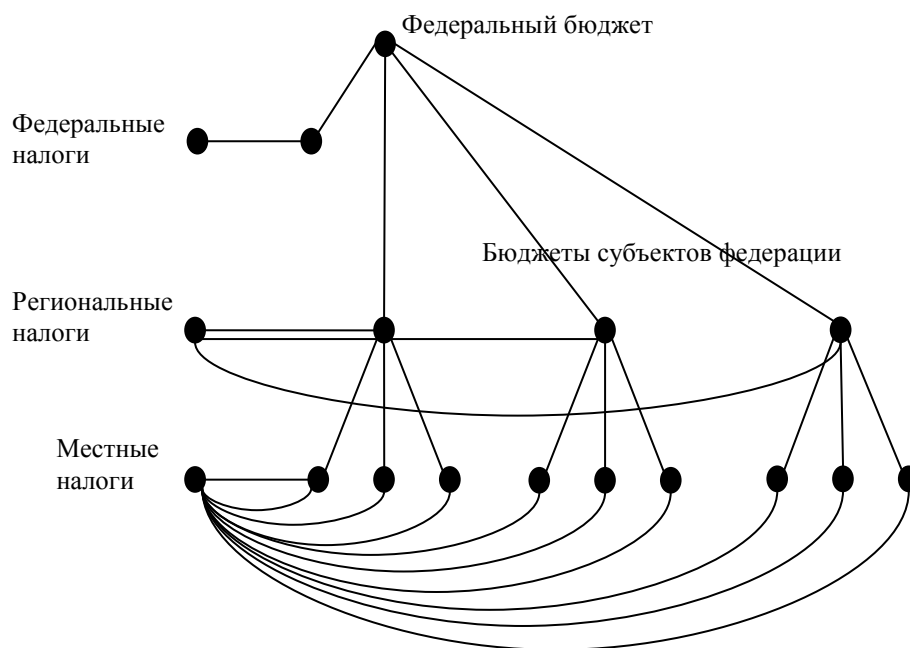

Рис. 4. Структурный граф взаимосвязи налоговой и бюджетной системы

Иерархическая структура, в которой имеется, по крайней мере, одна управляющая и одновременно подчиненная подсистема, называется многоуровневой, то есть, структура является иерархической, если ее граф является деревом [3, с. 40].

Избыточность взаимосвязей налоговой и бюджетной систем обеспечивает надежность бюджетно-налоговой структуры. Известно, что разрушение 90 % нервных связей головного мозга субъективно не ощущается и не влияет на поведение. Однако, может существовать и бесполезная избыточность, которая в структурном графе изображается в виде петель: одна из позиций через серию связей и других позиций (дуг и вершин) замыкается на себя, не имея побочного выхода.

Наличие петель означает нерациональное устройство системы, ее неэкономичность. Множество подсистем, входящих в петлю, образует изолированную подсистему, поэтому обычно петли можно удалять из структуры без ущерба для функциональных и информационных свойств.

По нашему мнению, к оптимальным иерархическим системам, представляющим собой структуру, должны предъявляться следующие требования:

- каждая подсистема должна быть либо управляющей, либо подчиненной, либо по отношению к

различным подсистемам выполнять оба требования одновременно;

- при этом должна быть только одна подчиненная подсистема;

- существует одна и только одна управляющая подсистема;

- любая подчиненная подсистема должна непосредственно взаимодействовать только с одной управляющей.

Стабильность бюджетно-налоговой системы РФ определяется во многом стабильностью налоговых связей между бюджетами разных уровней. Однако, поскольку в условиях рыночной экономики все виды налогов на всех уровнях государственной власти формируют преобладающую часть доходов бюджетов, то для обеспечения принципов стабильности разделение налогов по уровням власти необходимо проводить с учетом самодостаточности налоговых доходов каждого уровня власти. При этом сбалансированность бюджетно-налоговой системы должна обеспечиваться снизу-вверх, то есть бездефицитными, в первую очередь, должны быть местные бюджеты, затем бюджеты субъектов Федерации, и, наконец, федеральный бюджет.

Совершенствование российской налоговой системы сопряжено с внедрением современных ИТ-технологий, позволяющих снижать время обработки значительных массивов отчетности.

Библиографический список

1. Болатоева, А. А. Налоговая система РФ: актуальные проблемы и пути совершенствования современной налоговой системы [Текст] / А. А. Болатоева // Научные Известия. 2017. – № 6. – С. 41-45.
2. Воробьева, Е. В. Налоговая система России: основные направления модернизации [Текст] / Е. В. Воробьева // Вестник образовательного консорциума Среднерусский университет. Серия: Экономика и управление. – 2017. – № 9. – С. 75-76.
3. Кальсин, А. Е. Сетевая конструкция налогового механизма в экономике опережающего развития [Текст] // Институциональные основы экономики опережающего развития: материалы международной научно-практической конференции (18 марта 2019 г.) / под науч. ред. Л. Г. Батраковой. – Ярославль : РИО ЯГПУ, 2019. – С. 35-42.
4. Налоговый кодекс Российской Федерации. Часть первая: Постатейный комментарий // Под общей ред. В. И. Слома. – М. : Издательство «Статус», 1999;
5. Налоговый кодекс Российской Федерации: Часть вторая от 05.08.2000г. № 117-ФЗ.
6. Налогообложение: теории, проблемы, решения [Текст] / В. П. Вишневский, А. С. Веткин, Е. Н. Вишневская и др. ; под общ. ред. В. П. Вишневого. – Донецк : ДонНТУ, ИЭП НАН Украины, 2006. – 504 с.

Bibliograficheskij spisok

1. Bolataeva, A. A. Nalogovaja sistema RF: aktual'nye problemy i puti sovshehstvomaniya sovremennoj nalogovoj sistemy [Tekst] / A. A. Bolataeva // Nauchnye Izvestija. 2017. – № 6. – S. 41–45.
2. Vorob'eva, E. V. Nalogovaja sistema Rossii: osnovnye napravlenija modernizacii [Tekst] / E. V. Vorob'eva // Vestnik obrazovatel'nogo konsorciuma Srednerusskij universitet. Serija: Jekonomika i upravlenie. – 2017. – № 9. – S. 75–76.
3. Kal'sin, A. E. Setevaja konstrukcija nalogovogo mehanizma v jekonomike operezhajushhego razvitija [Tekst] // Institucional'nye osnovy jekonomiki operezhajushhego razvitija: materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii (18 marta 2019 g.) / pod nauch. red. L. G. Batrakovoj. – Jaroslavl' : RIO JaGPU, 2019. – S. 35–42.
4. Nalogovyy kodeks Rossijskoj Federacii. Chast' pervaja: Postatejnyj kom-mentarij // Pod obshhej red. V. I. Sloma. – M. : Izdatel'stvo «Status», 1999;
5. Nalogovyy kodeks Rossijskoj Federacii: Chast' vtoraja ot 05.08.2000g. № 117-FZ.
6. Nalogooblozhenie: teorii, problemy, reshenija [Tekst] / V. P. Vishnevskij, A. S. Vetkin, E. N. Vishnevskaja i dr. ; pod obshh. red. V. P. Vishnevskogo. – Doneck : DonNTU, IJeP NAN Ukrainy, 2006. – 504 s.

Г. А. Родина <https://orcid.org/0000-0002-2195-8600>

Современная финансиализация как новое качество экономики

В статье рассматривается процесс нарастания власти финансов, дошедший в XXI веке до подчинения реального сектора экономики финансовому. Новое качество экономики охарактеризовано как финансиализация, которая проявляется, с одной стороны, в многократном преобладании оборота финансовых ресурсов над оборотом товаров и услуг; с другой стороны, – в резко возросшем обратном влиянии финансового сектора на функционирование реального сектора. Выделяются две основные причины финансиализации. Во-первых, – перенакопление капитала в реальном секторе экономики, ставшее в XXI веке хроническим. Во-вторых, – возможности беспрепятственного международного движения капитала, созданные глобализацией и современными информационно-телекоммуникационными технологиями. Это привело к формированию тотального корпоративно-сетевого рынка как адекватной формы власти современного корпоративного капитала. Прослеживается эволюция денежной системы в докорпорационном индустриализме, корпоративном индустриализме и постиндустриализме периода глобализации. Сформулирован вывод о переходе от фиктивного капитала – к виртуальному в условиях глобализации. Выделено основание такого перехода: приобретение фиктивным капиталом двойственной потребительной стоимости. С одной стороны, он является представителем реальных активов, с другой – становится инструментом спекулятивной игры. Подобное использование финансового сектора дает дополнительные возможности для роста реального капитала, что позволяет констатировать замену основного драйвера экономического роста. Неокейнсианское антициклическое регулирование, в частности, стимулирование совокупного спроса за счет потребительского и инвестиционного спроса, уступает место дополнительному фиктивному спросу для этого реального капитала, обеспечивая его действительный рост и вытягивая тем самым экономику с понижательной фазы цикла.

Ключевые слова: финансиализация, денежная система, финансовый капитал, фиктивный капитал, виртуальный капитал.

G. A. Rodina

Modern financialization as a new quality of the economy

The article deals with the process of increasing the power of Finance, which came in the XXI century to the subordination of the real sector of the economy to the financial one. The new economic quality described as financialization, which is manifested, on the one hand, in the repeated predominance of the circulation of financial resources over the circulation of goods and services; on the other hand, in a dramatically increased

reverse impact of financial sector on the functioning of the real sector. There are two main reasons for financialization. First, the over-accumulation of capital in the real sector of the economy, which has become chronic in the XXI century. Second, the opportunities for unhindered international capital flows created by globalization and modern information and telecommunication technologies. This led to the formation of a total corporate network market as an adequate form of power of modern corporate capital. The evolution of the monetary system in pre-corporate industrialism, corporate industrialism and post-industrialism of the globalization period is traced. The conclusion about the transition from fictitious to virtual capital in the context of globalization is formulated. The basis of such transition is allocated: acquisition by the fictitious capital of dual use value. On the one hand, it is a representative of real assets, on the other – it becomes an instrument of speculative play. Such use of the financial sector provides additional opportunities for the growth of real capital, which allows us to state the replacement of the main driver of economic growth. The neo-Keynesian counter-cyclical regulation, in particular, the stimulation of aggregate demand at the expense of consumer and investment demand, gives way to additional fictitious demand for real capital, ensuring its actual growth and thereby pulling the economy from the downward phase of the cycle.

Key words: financialization, monetary system, financial capital, fictitious capital, virtual capital.

Если под финансами понимать работающие деньги, то современную экономику можно охарактеризовать как финансовую экономику, или *финансомику* [5, с. 163]. Появившись исторически из экономики-хозяйства, обслуживая его, деньги и хозяйство сегодня поменялись ролями: не деньги удовлетворяют потребности хозяйства, а последнее лишь обслуживает деньги, превратившись из цели в средство [4, с. 284], порождая финансиализацию. Хвост стал вилять собакой.

Финансиализация – это форма функционирования экономики, характеризующаяся преобладанием финансовых сделок в общей структуре внутренних, а особенно международных отношений, и подчинением реального сектора экономики (производство товаров и услуг) финансовому.

Финансиализацию можно определить как растущую и системную власть финансов, проявляющуюся в двух взаимосвязанных явлениях:

1. Многократное преобладание оборота финансовых ресурсов над оборотом товаров и услуг.

2. Резко возросшее обратное влияние финансового сектора на функционирование реального сектора.

Так, в США за последние 50 лет доля обрабатывающей промышленности в ВВП сократилась более чем вдвое (с 25 % до 12 %), при этом доля финансового сектора удвоилась (с 3,7 % до 8,4 %). За тот же период времени доля доходов в обрабатывающей промышленности США сократилась более чем на две трети (с 49 % до 15 %), а доля доходов финансового сектора в общей сумме доходов удвоилась (с 17 % до

35 %). Таким образом, о существенном разрыве между реальным и финансовым секторами экономики свидетельствует высокая доля финансового сектора в общей сумме доходов при относительно низкой доле финансового сектора в ВВП.

Почему финансовый сектор столь активно разбухает? Мы выделяем две причины.

Во-первых, *хроническое* перенакопление капитала в реальном секторе экономики.

Перенакопление капитала – это такое накопление капитала, при котором каждая добавочная порция капитала не может быть применена с тем же уровнем прибыльности, что и предыдущая; либо вообще не может быть применена с прибылью.

Явление перенакопления капитала родилось не в XXI веке; оно циклически возникает при капитализме, но сейчас эта проблема – перенакопление капитала в реальном секторе экономики – стала хронической. И финансовый сектор послужил отдушиной для перенакопленного капитала, что привело к его росту.

Во-вторых, возможности беспрепятственного международного движения капитала, созданные, с одной стороны, глобализацией (что обернулось глобальной гегемонией капитала); с другой стороны, – современными информационными и телекоммуникационными технологиями, что сформировало *тотальный корпоративно-сетевой рынок*

как адекватную форму власти, вернее, супервласти современного корпоративного капитала.

Средством для осуществления его супервласти являются деньги, которые приобрели новые свойства, являющиеся продуктом их предшествующей эволюции.

Историю развитие денежной системы можно разделить на три периода.

Первый период – докорпоративный индустриализм:

– Переход от металлических (золотых) денег к бумажным, размениваемым на золото, с параллельным обращением золотых монет.

Эта система была достаточно устойчивой, так как размениваемость обеспечивала стабильность бумажно-денежного обращения.

– Деньги как денежный капитал.

Речь идет о переходе денег как средства обращения товаров к деньгам как денежному капиталу, который обслуживал уже не просто обращение товаров, а кругооборот капитала.

– Кредитные деньги.

В связи с этим бумажные деньги приобрели кредитную природу, вернее, кредитное происхождение. Как?

Первая форма бумажного обращения, которая заменила отчасти золотое, – это обращение векселей; проще говоря, долговых расписок.

Затем появляются векселя более надежные, выданные уже не част-

ными лицами, а банками. И эти векселя – банкноты – не имеют уже, в отличие от обычного векселя, признаков срочного погашения (то есть там не указано, в какой срок они должны быть погашены), но в любой момент вексель банка – банкноту – можно было обменять на золото, то есть учесть так же, как и обычный вексель.

Затем эмиссия банкнот становится монополией государственных, или центральных, банков. Так возникают национальные системы бумажного денежного обращения.

Второй период эволюции денежной системы – корпорационный индустриализм:

– Переход от бумажных денег с параллельным обращением золотых монет – к бумажным деньгам без параллельного обращения золотых монет и ограниченным разменом на золото:

- золото-монетный стандарт (то есть бумажные деньги можно обменять на золотые монеты, однако эти золотые монеты уже не выступают в качестве платежного средства; ими в магазинах, грубо говоря, не расплачиваются – они уже не являются законным платежным средством; их можно покупать-продавать, но в расчетах они уже не используются: их просто недостаточно для этого),

- золото-девизный стандарт,

- золото-слитковый стандарт (на бумажные деньги можно купить уже не монеты, а золотые слитки, золотые сертификаты).

Это было вызвано тем, что невозможно уже было обеспечивать потребности разросшегося хозяйства обращением, основанным на использовании драгоценных металлов.

Серьезные изменения в денежном обращении наступают с началом глобализации. Третий период эволюции денежной системы – постиндустриализм периода глобализации:

– Разрыв связи между золотым и денежным товаром.

Валюты 44 стран были жестко привязаны к доллару США, а доллар – к золоту (35 долл. за тройскую унцию). В декабре 1945 года Бреттон-Вудские соглашения вступили в силу.

Так как в середине XX века США принадлежало 70 % всего мирового запаса золота, упомянутые соглашения представлялись логичным решением. Доллар – валюта, конвертируемая в золото, – стал базой валютных паритетов, преобладающим средством международных расчетов, валютных интервенций и резервных активов. Национальная валюта США стала одновременно мировыми деньгами.

Долларизация экономик ряда стран привела к выходу денежной массы из-под национального контроля и переходу ее под контроль Федеральной резервной системы США. Именно эта трансформация мировых денег породила соблазн неконтролируемой эмиссии долларов, которому препятствовало требование обеспеченности валют зо-

лотом. Этот барьер был преодолен в 1971-1978 годах, когда Бреттон-Вудскую систему сменила Ямайская валютная система, основанная на свободной торговле валютой (свободной конвертации валют) без привязки к золоту.

После этого финансовализация стала осуществляться очень динамично благодаря относительно большей свободе движения капитала в международном масштабе и, в первую очередь, финансового капитала в условиях глобализации. Через спекулятивные операции с ценными бумагами и неконтролируемую мировым сообществом эмиссию долларов США, не обеспеченных золотым запасом, финансовые потоки стали переходить от производителей товаров и услуг к банкам. То есть, как отмечает Д. Соммерс, классическая формула развития экономики «деньги – товар – деньги» «была заменена формулой «деньги – деньги – деньги» ...деньги^н», не создающей никакой добавленной стоимости – следовательно, не развивающей экономику [6]. На каждом этапе данной формулы усиливалась виртуализация денег и других ценных бумаг, не обеспеченных реальными активами.

Если Бреттон-вудская система, созданная в 1944 г., еще предполагала размен банкнот на золото, хотя и очень ограниченный, покупка золота производилась по фиксированной цене, то в начале 70-х годов XX века прекращается такой фиксированный размен денег на золото,

золото начинает котироваться по свободному рыночному курсу и связь золота с ценностью банкнот исчезает; банкноты уже не имеют фиксированного золотого содержания. Тем не менее соблюдается:

– Сохранение для бумажных денег закономерностей обращения золотых денег, связанных с определением количества денег в обращении. То есть бумажные деньги ведут себя так же, как если бы они выступали заместителями реальных золотых денег.

– И еще один сдвиг происходит в период глобализации: кредитная эмиссия денег (то есть выдача банковских кредитов, которая не зависит от количества денег в обращении, а зависит от величины банковских активов) оказывается тесно связанной с фиктивным капиталом.

– Ориентация кредитных денег на фиктивный капитал.

А какова вообще роль кредита и банковской системы в рыночной экономике? Кредитная система (которая сейчас стала гораздо сложнее, интегрировав в себя, помимо банков, страховые компании, пенсионные фонды, инвестиционные компании и т. д., но стержнем по-прежнему остаются банки) аккумулирует временно свободные денежные средства и предоставляет их предпринимателям в качестве заемного капитала. Это позволяет индивидуальному предпринимателю выйти за пределы, определяемые возможностями накопления индивидуального капитала, то есть

предоставляет ему добавочный капитал. И в целом это расширяет возможности роста экономической системы.

Развитие кредитной системы приводит к формированию фиктивного капитала.

Фиктивный капитал – это титулы собственности на реальные активы, которые совершают самостоятельное, независимое от этих реальных активов, обращение на рынке, то есть становятся самостоятельным товаром. Таким образом, движение капитала раздваивается: с одной стороны, – реальный капитал, с другой, – фиктивный. Оба потока сосуществуют параллельно.

Какова роль фиктивного капитала в рыночной экономике? Фиктивный капитал, так же, как и кредитная система, аккумулирует в руках корпораций временно свободные денежные средства, то есть корпорация продает свои акции на рынке и получает деньги. Кроме того, котировки ценных бумаг на фондовой бирже служат ориентиром выгодности финансовых инвестиций, то есть купли-продажи этих ценных бумаг, перенаправляя тем самым финансовые потоки, направляя их туда, где вложения ценных бумаг являются наиболее выгодными.

Фиктивный капитал возник в позапрошлом веке; а в XXI веке наметился *переход от фиктивного капитала – к виртуальному* [3]:

– Основной доход от владения ценными бумагами обеспечивают

не дивиденды, а игра на динамике курса.

– Ценные бумаги начинают цениться не в зависимости от доходности реальных активов (из чего выплачиваются дивиденды), которые за ними стоят, а в зависимости от возможностей спекулятивной игры на динамике котировок. То есть если акция растет в цене, это хорошо; если акция колеблется в цене, то для спекулянта это тоже хорошо, потому что на этом можно сыграть; и для него уже неважно, какие дивиденды платятся, – важно то, как ведет себя котировка на фондовом рынке.

– Превращение спекулятивной игры в основную функцию фиктивного капитала делает его виртуальным – не только оторвавшимся от оценки реальных активов (от производства), но и не находящимся сколько-нибудь устойчиво в частной собственности каких-либо конкретных физических или юридических лиц. Он путешествует от собственника к собственнику (иногда эти переходы акций из рук в руки совершаются десятки раз в сутки; поэтому даже невозможно сказать, кому это все принадлежит в данный момент), легко набирающим ценность и столь же легко теряющим. Это означает, что виртуальный капитал не является объектом сколько-нибудь устойчивого регулирования и контроля со стороны какого-либо лица.

Курс может обрушиться в любой момент, поэтому невозможно ска-

зять, сколько этот капитал стоит: стоит он вообще что-нибудь или нет и если стоит, то сколько именно. Неслучайно фраза о «финансовых пузырях» модифицировалась в выражение о «постоянно пузырящейся мировой экономике».

Поскольку самой прибыльной становится игра на котировках, постольку самыми важными становятся не те активы, которые приносят более значимые дивиденды, а те, которые быстро растут в цене или те, у которых котировки очень резко колеблются, потому что именно на колебаниях курсов спекулянты «срубают» наибольшую прибыль.

Именно поэтому *фиктивный капитал приобретает двойственную потребительную стоимость*: он становится важен не просто как представитель реальных активов, а именно как инструмент спекулятивной игры и оценивается именно с этой точки зрения: дает он возможность для спекулятивной игры или нет.

Такая ситуация дает *дополнительные возможности для роста реального капитала*, как это ни странно. Почему? Потому что прибыль, извлекаемая с финансового рынка, может создавать и дополнительный спрос для реального капитала, и дополнительные кредитные ресурсы, так как кредиты сейчас в значительной степени выдаются под залог ценных бумаг. А если ценные бумаги совершают такое оторванное от реальных активов

путешествие, то могут существовать корпорации, у которых реальные активы ничего не стоят, которые могут быть хронически убыточными, а их ценные бумаги торгуются на рынке по очень высоким ценам. Потому что спекулянты очень часто действуют в ожидании будущих прибылей. Если это, с их точки зрения, какая-то очень перспективная компания, то цены могут взлетать до небес, хотя прибыли сейчас нет. Но точно так же они могут и обрушиться, если эти ожидания не оправдываются.

Использование таких ценных бумаг для кредитования расширяет возможности экономики и, соответственно, расширяет возможности роста реального капитала.

Начиная с 70-х гг. XX века, наблюдается *ускоренный рост виртуального капитала*, приобретший *взрывообразный характер в XXI веке*:

– Скачок в оборотах финансового рынка произошел в 70-е гг. XX века. Обороты финансового рынка превышали обороты рынка товаров и услуг *в несколько раз*.

– А в начале XXI века начался бурный рост объема рынка производных ценных бумаг (деривативов). Обороты финансового рынка превышали обороты рынка товаров и услуг *в несколько десятков раз*.

Деривативы – это ценные бумаги, которые выступают представителями не реальных активов, а в качестве представителя первичных ценных бумаг, то есть представите-

ли представителей (выражаясь современным философским языком, – *симулякры*). Один из наиболее распространенных видов производных ценных бумаг – депозитарные расписки. Записи о том, кому какие акции принадлежат, хранятся в специальных организациях, которые называются депозитариями. Эти депозитарии могут выпускать депозитные расписки, которые свидетельствуют: такие-то ценные бумаги в этом депозитарии хранятся. И эти депозитные расписки могут сами быть объектом купли-продажи. Зачем? Затем, что, купив такую депозитную расписку, вы можете ее продать, а можете предъявить для того, чтобы переписать на себя эти акции. Депозитная расписка – это свидетельство о том, что мне принадлежат в этом депозитарии определенные ценные бумаги. Значит, если я продаю эту расписку, то я фактически передаю свое право на ценные бумаги другому субъекту – не право собственности, а право истребования. Этот другой субъект необязательно должен у меня эти ценные бумаги забрать, он может это право перепродать другому и т. д. Почему не обязательно захочется забрать сами ценные бумаги? Потому, что стоимость депозитной расписки может быть больше стоимости ценных бумаг. На каком основании? На том, что, например, есть расчет, что акции подрастут в цене. Поэтому я эту расписку продаю дороже, чем сами акции. А тот, кто покупает,

считает, что расписку покупает сейчас дороже стоимости самих акций и что потом акции в цене еще сильнее подрастут – и тогда он сможет либо эти подорожавшие акции взять, либо эту депозитную расписку продать еще дороже.

И вот начинается рост такого рода ценных бумаг.

Рост глобального рынка деривативов оценивается в триллионы долларов: например, к кризису 2008 г. объем этого рынка превысил 600 трл долл. – это во много раз больше, чем мировой ВВП.

Правилами этот процесс регулируется, но они достаточно либеральны.

Проблема в том, что ценность этих депозитных расписок оторвалась от стоимости самих акций. А стоимость акций, в свою очередь, оторвалась от цены реальных активов. Фактически эти депозитные расписки никто не рассматривает как права собственности на эти акции, но лишь как чисто спекулятивный актив, который надо перепродать и на этом заработать деньги.

Почему именно в начале XXI века виртуальный капитал приобрел такое значение? Потому что рынок требовал финансовых инструментов, наименее привязанных к состоянию реальных активов, и потому позволявших неограниченную игру на котировках. Фактически был создан инструмент, который позволил наращивать объемы этого рынка безгранично. Мы полагаем, что до современных информацион-

но-коммуникационных технологий эта возможность была лишь потенциальной и пространственно ограниченной.

Трансформация мировых денег (создающая предпосылки и условия для финансиализации экономики) происходила по стадиям: золото, доллары США и национальные валюты, обеспеченные золотом, тотальная долларизация мировых денег, свободная конвертация валют, среди которых наиболее стабильной и обеспеченной являлся доллар США, неконтролируемая эмиссия долларов США, ценных бумаг и их производных, то есть фактически не обеспеченных даже по номиналу активов.

Выдача кредитов под залог ценных бумаг увеличивает реальную денежную массу в обращении, которая обслуживает оборот сильно разбухшего рынка. По существу, эмиссия деривативов «тащит» за собой кредитную эмиссию денег.

Такая ситуация не является безобидной спекулятивной игрой, которой занимаются лишь финансисты, так как *влияет на реальный сектор*: виртуальный капитал позволяет генерировать добавочную денежную массу (через кредиты) и добавочный спрос для реального сектора (например, через потребительский кредит, объемы которого в США уже достигли порога разумных значений: средний американец для того, чтобы расплатиться по потребительскому кредиту, должен работать не один десяток лет,

то есть дальше наращивать эту кредитную задолженность уже мало реально, так как уже близок тот порог, за которым средний американец расплатиться за кредит за всю свою жизнь уже не сможет, если его наращивать дальше. Пока может).

Надо отметить, что добавочный спрос через кредитование сам является источником роста виртуального капитала на финансовом рынке, так как долговые обязательства домохозяйств и граждан сами являются ценными бумагами, функционирующими на рынке. Так, мы все знаем, что спусковым крючком кризиса 2008 года послужил кризис ипотечного кредитования в США. Это был не просто кризис ипотечного рынка, а кризис рынка ипотечных ценных бумаг, так как под долги американцев по ипотеке выпускались ценные бумаги, которыми активно спекулировали на бирже. До поры до времени эти спекуляции приносили хороший доход.

Как работала эта схема? Выдавался кредит человеку с невысоким уровнем дохода и неустойчивой занятостью. Почему же кредит выдавался? Пока ипотечный рынок рос, цены на недвижимость росли, ипотечные ценные бумаги тоже росли в цене; соответственно, даже если этот человек по кредиту расплатиться не сможет, эта недвижимость будет конфискована и продана по цене, превышающей сумму предоставленного кредита. Выигрыш очевиден.

Этот виртуальный рынок работал хорошо, пока все складывалось хорошо в реальном секторе экономики. Спусковым крючком кризиса 2008 г. в США явилось не то, что там спекулянты заигрались, а то, что доходность рынка недвижимости, а точнее говоря, строительного сектора, в реальной экономике стала падать. Почему? Потому что, несмотря на раздувание этого малообеспеченного спроса при посредстве виртуального капитала, все-таки этот рынок натолкнулся на пределы доходности и пределы спроса. Реализация жилья начала сокращаться, темпы роста строительной индустрии стали падать, прибыльность строительного сектора стала сокращаться, и когда спекулянты это увидели, они начали сбрасывать ипотечные ценные бумаги. И рынок повалился вниз с катастрофической скоростью.

Это свидетельствует о том, что *до какого-то момента рынок виртуального капитала служит отдушиной перенакопленного производственного капитала в реальном секторе экономики. Он позволяет создавать некий дополнительный фиктивный спрос для этого реального капитала, обеспечивая его действительный рост*, как после Великой депрессии (до 70-х гг. XX века) таким помощником было кейнсианское и некейнсианское антициклическое регулирование, в частности, стимулирование совокупного спроса за счет потребительского и инвестиционного спро-

са. Но после стагфляционных 70-хх, развенчавших универсальность кейнсианских рецептов, нужен был новый помощник, которым и стал финансовый сектор. Последний находился на подъеме, и он помогал создавать фантомный спрос, вытягивающий экономику с понижательной фазы цикла.

Сам по себе финансовый рынок вряд ли мог справиться с этим. Этому способствовала еще два фактора:

1. Глобализация, то есть компенсация падения доходности капитала (перенакопление капитала) в реальном секторе экономики в развитых странах за счет переноса производства в развивающиеся страны, где издержки производства ниже (в том числе, за счет низких экологических издержек), а соответственно, доходность выше. Этот процесс работал двояким образом: с одной стороны, когда предприниматели переносили производство из развитых стран в развивающиеся, они получали более высокую прибыль; с другой стороны, в развивающихся странах производились более дешевые потребительские товары, за счет ввоза которых в развитые страны можно было ограничивать рост заработной платы и в самих развитых странах. Так, с начала 70-х гг. в США происходит падение реальной почасовой заработной платы, которое продолжается вплоть до 90-х гг. И

потом рост был очень небольшой. Уровень начала 70-х восстановился только к XXI веку.

2. Этот период совпал с повышательной волной долгосрочного К-цикла, основанного на использовании технических нововведений, таких как новые ИТ и ИКТ.

Оба фактора обеспечили возможность за счет разбухания финансового рынка вытягивать западную экономику с понижательной фазы делового цикла, сглаживая ее негативные последствия.

Это иллюстрируется ростом доли прибыли, которую корпорации США извлекают с финансового рынка.

Прибыль финансового сектора в процентном выражении от общей прибыли американских корпораций выросла с 14 % в 1981 году до 42 % в 2002 году.

В 1957 г. доля финансового рынка в прибылях американских корпораций была меньше 20 %, а к 2007 г. – предкризисному – она достигла 50 %. То есть американские нефинансовые корпорации все больше и больше своего капитала стали вкладывать не в реальное производство, а в финансовый рынок и получать прибыль оттуда. Ибо в реальный сектор невозможно было вложить капитал с такой же прибылью. Реальный сектор таких же прибылей не приносил.

Финансовые пузыри могут существовать достаточно долго, но только до определенных пределов.

Виртуальный капитал может долго вращаться исключительно в пределах фондового рынка: одни фондовые ценности обмениваются на другие, под эти фондовые ценности берется кредит, этот кредит опять используется для покупки ценных бумаг или служит основанием для выпуска производных ценных бумаг под полученные кредиты... Фондовый рынок, с одной стороны, всасывает в себя произведенную в реальном секторе прибавочную стоимость, а с другой стороны, создает для этой экономики дополнительный спрос. Они таким образом взаимно стимулируют друг друга. Но существование финансовых пузырей, где виртуальный капитал может долго вращаться в пределах фондового рынка, всасывая в себя произведенную в реальной экономике прибавочную стоимость, не может быть бесконечным. Наступает момент, когда у собственника ценных бумаг возникает потребность обратить их в реальный капитал или в реальные деньги. В этот момент выясняется, что созданный виртуальным капиталом добавочный спрос носит фантомный характер.

Это становится очевидным не тогда, когда рынок на подъеме, когда все хорошо, есть возможность продать свои «бумажки» дороже, чем они покупались, что приносит прибыль. Кажется, что капитализм открыл для себя дорогу бесконечного роста.

Но как только в реальном секторе наступает понижительная фаза бизнес-цикла, обнаруживается, что эти «бумажки» не стоят тех денег, что еще вчера на них были нарисованы.

К 2007-2008 гг. ситуация сложилась таким образом, что основные сливки уже были сняты и с глобализации, и с новой технологической волны, связанной с информатикой и телекоммуникацией. В результате во втором десятилетии XXI века финансовые пирамидки (разбухшая масса ценных бумаг на фондовом рынке, за которой не стоят реальные капитальные активы) зашаталась, но не лопнула. Эта масса фактически не сдулась. Более того: если мы посмотрим на те меры, которые предпринимались правительствами для оздоровления финансового рынка, то мы увидим, что это была накачка финансового рынка добавочными деньгами из бюджета, то есть это было спасение финансовых пирамид. Почему? Потому что *современный постиндустриализм не имеет другого способа стимулирования экономического роста, кроме этого механизма разбухания финансового рынка.*

Но это очень рискованная игра. Фактически это такая ситуация, когда мы пожар тушим керосином.

Выводы:

– процессы генезиса нового качества экономики в XXI веке неслучайно оказались «завязаны» на два феномена – глобализацию и развитие новых технологий;

– оба эти процесса неслучайно вызвали к жизни феномен виртуального финансового капитала, его генезис как продукта развития тотальных сетевых рынков и глобальной гегемонии капитала.

Сращивание банковских и промышленных монополий, породившее финансовый капитал XIX века, трансформировалось в новое качество финансового капитала XXI века – сращивание транснациональных финансовых корпораций, национальных государств и международных финансовых институтов. Этот капитал, в отличие от «обычного» фиктивного капитала XIX века:

– является глобальной виртуальной сетью (а не атомизированной совокупностью денежных единиц, регулируемой национальным государством или совокупностью обособленных финансовых корпораций);

– приватизирован ограниченным кругом частных лиц, но при этом им не подконтролен.

В отличие от «обычного» финансового капитала XIX века, финансовый капитал XXI века [2, с. 260-276]:

– вновь оторвался от жизнедеятельности реального капитала (производственного, торгового и даже ссудного) и образовал особое пространство своей виртуальной жизни;

– выполняет роль универсального «регулятора» и всеобщего эквивалента корпоративно-сетевого рынка, что делает всю систему цен,

транзакций, сбережений и т. п. зависимой от состояния этой супер-сети (как некогда от золота);

– пройдя стадию социально-государственного контроля середины XX века, он преодолел эту власть, вырвавшись на простор глобальных финансовых спекуляций.

Глобальный виртуальный капитал:

– Приобретает всемирные масштабы (но еще не приобрел окончательно).

– Становится обезличенным [1, с. 133], неподконтролен никому в отдельности (но еще не стал). Крупнейшие государства пока все еще контролируют движение значительной части денежных агрегатов внутри стран и на мировом рынке в интересах не только корпо-

ративных элит, но и общей стабильности, а приватизация государственных функций не зашла чрезмерно далеко. Но равновесие шаткое, и экспансия тотального рынка вкупе с монетаристскими тенденциями свертывания социального демократического контроля и регулирования рынка может окончательно выпустить джинна финансового кризиса из «бутылки» контроля за мировым финансовым рынком.

Единственный путь к предотвращению банковского диктата над мировой экономикой, который может закончиться ее коллапсом, нам видится в отказе от все более обесценивающегося доллара США в качестве мировой валюты и усилении контроля в национальной финансовой и банковской сферах.

Библиографический список:

1. Афанасьев, Д. Ю. Философская проблема понимания капитала как общественной категории [Текст] / Д. Ю. Афанасьев // Философия хозяйства. – 2018. – № 4. – С. 118-137.
2. Бузгалин, А. В. Глобальный капитал [Текст] / А. В. Бузгалин, А. И. Колганов. – в 2-х тт. Т. 2. – 3-е изд., испр. и сущ. доп. – М.: Ленанд, 2015. – 904 с.
3. Ермоленко, А. А. Новые формы отношений, возникающие в движении капитала [Текст] / А. А. Ермоленко, О. В. Брижак // Философия хозяйства. – 2018. – № 6. – С. 80-102.
4. Зотова, Е. С. Цифра как феномен бытия (обзор дискуссии на круглом столе) [Текст] / Е. С. Зотова // Философия хозяйства. – 2018. – № 4. – С. 281-288.
5. Осипов, Ю. М. Экономика как есть (откровения Зоила, или Судный день экономизма) [Текст] / Ю. М. Осипов. – 2-е изд. – М.; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2018. – 333 с.
6. Соммерс, Джеффри. Политэкономия геоэкономических сил, определяющих современное мироустройство: новое видение развития экономики России и более стабильного миропорядка [Электронный ресурс] / Д. Соммерс. – Режим доступа: <http://viperson.ru/articles/dzheffri-sommers-novoe-videnie-razvitiya-ekonomiki-rossii-i-bolee-stabilnogo-miroporyadka>. – (Дата обращения: 07.09.2019).

Bibliograficheskij spisok

1. Afanas'ev, D. Ju. Filosofskaja problema ponimaniya kapitala kak obshhe-stvennoj kategorii [Tekst] / D. Ju. Afanas'ev // *Filosofija hozjajstva*. – 2018. – № 4. – S. 118–137.
2. Buzgalin, A. V. Global'nyj kapital [Tekst] / A. V. Buzgalin, A. I. Kolganov. – v 2-h tt. T. 2. – 3-e izd., ispr. i sushh. dop. – M. : Lenand, 2015. – 904 s.
3. Ermolenko, A. A. Novye formy otnoshenij, vznikajushhie v dvizhenii kapi-tala [Tekst] / A. A. Ermolenko, O. V. Brizhak // *Filosofija hozjajstva*. – 2018. – № 6. – S. 80–102.
4. Zotova, E. S. Cifra kak fenomen bytija (obzor diskussii na kruglom stole) [Tekst] / E. S. Zotova // *Filosofija hozjajstva*. – 2018. – № 4. – S. 281–288.
5. Osipov, Ju. M. Jekonomika kak est' (otkrovenija Zoila, ili Sudnyj den' jekonomizma) [Tekst] / Ju. M. Osipov. – 2 e. izd. – M. ; Tambov : Izdatel'skij dom TGU im. G. R. Derzhavina, 2018. – 333 s.
6. Sommers, Dzheffri. Politjekonomija geojekonomicheskikh sil, opredelajushhih sovremennoe miroustrojstvo: novoe videnie razvitija jekonomiki Rossii i bolee stabil'nogo miroporyadka [Jelektronnyj resurs] / D. Sommers. – Rezhim dostupa: <http://viperson.ru/articles/dzheffri-sommers-novoe-videnie-razvitiya-ekonomiki-rossii-i-bolee-stabilnogo-miroporyadka>. – (Data obrashhenija: 07.09.2019).

ПЕДАГОГИКА

DOI 10.24411/2658-428X-2019-10512

УДК 323.2; 37.01

Г. Н. Краснова <https://orcid.org/0000-0001-9804-2679>

В. И. Пефтиев <https://orcid.org/0000-0001-6367-7651>

Высшее образование в России: проблемы и решения

Системный кризис глобализации, будучи «созидательным разрушением» (Й. Шумпетер), сопровождается новой волной вызовов и для образовательной сферы. В условиях неоднозначности настоящего и непредсказуемости будущего современное поколение обучающихся и работающих не всегда проявляют инициативу, способность к риску и ответственность за свои действия. Конфронтационный фон в мире порождает рецидивы «смуты» в умах и действиях партий, движений, граждан России. «Цифровизация» обогащает информацию учащихся и студентов, но она несет в себе потенциал самообразования в противовес установкам государственной (общенациональной) системы образования. Правовое сопровождение реформы в образовании отстает от экзистенциального опыта учащихся, студентов, родителей, преподавателей образовательных учреждений. Осуществлен экспресс-анализ институциональных решений по высшему образованию. Сформулированы авторские оценки и рекомендации в контексте дифференциации и кластеризации вузов.

Ключевые слова: высшее образование, образование и экономика, образование и «цифровизация», образование и право, институциональные решения.

PEDAGOGY

G. N. Krasnova, V. I. Peftiev

Higher education in Russia: challenges and solutions

Abstract. The systemic crisis of globalization, being “creative destruction” (J. Schumpeter), is accompanied by a new wave of challenges for the educational sphere. In the conditions of the ambiguity of the present and the unpredictability of the future, the current generation of students and workers does not always show initiative, the ability to take risks and responsibility for their actions. The confrontational background in the world gives rise to relapses of “turmoil” in the minds and actions of parties, movements, citizens of Russia. “Digitalization” enriches the information of

© Краснова Г. Н., Пефтиев В. И., 2019

pupils and students, but it carries the potential of self-education as opposed to the attitudes of the state (national) education system. Legal support of educational reform lags behind the existential experience of students, students, parents, teachers of educational institutions. An express analysis of institutional decisions on higher education has been carried out. The author's estimates and recommendations are formulated in the context of the differentiation and clustering of universities.

Key words: higher education, education and economics, education and “digitalization”, education and law, institutional solutions.

Введение

На рубеже XX–XXI вв. глобализация, вторгшись внезапно и напористо в привычный уклад людей, обернулась головоломкой (ловушкой, энигмой) – симбиозом *шансов* (ими надлежит воспользоваться), вызовов (нестандартные задачи без апробированных решений) и *угроз* (от быстрых перемен). В этой триаде самое сложное – это вызовы своей непредсказуемостью и вариативностью (от провала и до успеха плюс гибридные ситуации). Образовательное сообщество Европы ответило на вызовы высшему образованию Болонской хартией (1999 г.), декларацией о многовекторном сотрудничестве с амбициозными целями. За истекшие два десятилетия запросы инициаторов упростились, гармонизация деятельности вузов подобна удаляющемуся горизонту по мере движения, а реформирование обрывается бескончаемыми дискуссиями и идет в каждой стране по замысловатой кривой, то есть мучительно и с акциями протеста (например, лицейстов во Франции) [2, 4].

И тем не менее удалось согласовать ведущие тренды (наблюдаемые и измеряемые маршруты) реформи-

рования образования. С ними согласна и Россия. Во-первых, поиски оптимального соотношения между образованием как *ценностью* и образованием как *компетенцией*. Консенсус затруднен из-за несовпадающей, а то и полярной интерпретации роли и места каждого члена дуумвирата. Во-вторых, непрерывность образования, от детского сада до университета и далее на протяжении всей трудовой жизни. Камни преткновения – инфраструктура, сеть и финансы учреждений дополнительного образования с учетом волатильных запросов на образовательные услуги. В-третьих, востребованность выпускников школ, училищ, вузов и других образовательных учреждений в масштабе страны и за ее пределами. На пути трудовой карьеры и социального «лифта» встают жесткие фильтры: знание иностранных языков, «цифровая» профессиональная грамотность, способность к общению в «чужой» среде и работать в команде. К этому добавим и специфику (порою и уникальность) зарубежных вузов. Особенное и уникальное присутствует в топ-вузах России.

Новая волна вызовов для мирового порядка вообще и образовательной

сферы, в частности, вызвана системным кризисом глобализации, задевшим и Россию (атипичный кризис 2014-2016 гг.). Отсюда и новая веха в трансформационной истории постсоветской России, обозначенная в Указе Президента РФ от 7 мая 2018 г., с выделением образования как одного из национальных проектов [12]. Эта веха означает структурно-институциональную трансформацию на период до 2024 г. Трансформация (пусть и «тихая революция») предполагает реформы, включая и непопулярные. Ожидаем и в высшем образовании. Назовем новые тренды в российском обществе.

1. Неоднозначность настоящего и непредсказуемость будущего. Факторов негативизма немало. Вялые темпы экономического роста и личных располагаемых (реальных, с учетом инфляции) доходов населения. Россия, по образному выражению социологов, надела «черные очки». Поколение обучающихся и работающих не всегда проявляет инициативу, способность к риску и ответственность за свои действия [5].

2. Конфронтация мировых лидеров, политических систем и моделей, цивилизаций. В российской науке не изжиты рецидивы смуты в умах и действиях.

3. Цифровизация общества (спутник IV промышленной революции) двойственна по своей природе и противоречива в послед-

ствиях. «Цифра» обогащает информацию учащихся и студентов, но она носит в себе и потенциал *самообразования* в противовес установкам государственной (общенациональной) системы образования.

4. Правовое сопровождение реформы в образовании отстает от экзистенциального опыта учащихся, студентов, родителей, преподавателей образовательных учреждений.

Об этом подробнее в следующей рубрике.

Новые вызовы в образовании

Наиболее значимые достижения IV промышленной революции, на наш взгляд, олицетворяются: а) *сложными* товарами, с высокой степенью обработки и добавленной стоимостью [7] и б) «цифровизацией». Эти достижения опираются на тесную интеграцию образования, науки и экономики, что породило и укрепило запрос на модель университетов 3.0. Эта растущая тенденция общемирового статуса поддерживается в России ведущими вузами, в первую очередь, претендентами на топ 5/100 (21), организацией научно-исследовательских университетов (далее НИУ). Становление НИУ – важный, но не единственный шаг в «дорожной карте» реформирования образования. Указ Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 нацеливает на достижение нижеследующих рубежей к 2024 г.: 1) вхождение российских вузов в

десятку лидеров по качеству образования; 2) воспитание гармонически развитой и социально ответственной личности на основе духовно-нравственных ценностей России, исторических и национально-культурных традиций [14, с. 9]. В национальный проект «Образование» инкорпорирован и новаторский институт «Научно-образовательный центр» [15], с размещением по макрорегионам, совмещающий науку и просвещение для всех граждан независимо от возраста.

Системный кризис глобализации сопровождается вторжением неопределенности в экономику и властные отношения, образование и науку. Что делать? Ориентироваться на стратегию *гипотез* и *сценариев*; избегать количественных индикаторов; организовать переток ресурсов; диверсифицировать экономику; хеджировать риски; искать прорывные технологии. Власти обязаны успокаивать бизнес и население: «катастрофы не будет; принимаются текущие, среднесрочные и долгосрочные меры» [8]. В этом же ключе должны вести себя ученые и преподаватели в студенческих аудиториях, на рабочих местах практикантов. Самоинициатива студентов – важная гарантия профессиональной подготовки студентов к будущим головоломкам, шокам и повышенным рискам. Неопределенность означает также отказ от стереотипов о вечности профессии и направлений обучения

[15]. Высшая школа в эпоху больших вызовов, отмечалось на XI съезде Российского союза ректоров вузов, призвана быть центрами развития технологий и кадров, настоящими локомотивами для отраслей и регионов, способствовать становлению интеллектуальной среды, устойчивой к кризисным тенденциям в глобальном мире.

Современный университет в идеале предполагает органическое единство: а) обучения профессии по типовой и/или авторской спецификации направлений и профилей; б) совместные преподавателей и студентов научные исследования и разработки (далее НИР); в) внедрение НИР по заказам государства и заявкам клиентов. Доступна ли модель 3.0 каждому вузу? Негативный ответ очевиден, но шансы имеются. Финансовые заботы университетов понятны всем и каждому. Правоведы и администраторы настаивают на самоидентификации со статусом вуза: 1) бизнес-организация; 2) бюджетное учреждение; 3) артефакт гибридного типа. Различия между ними существенные. Бизнес-организация (вуз) частично самокупаема, инициативна в продвижении своих образовательных услуг и НИР, поддерживает и укрепляет свою конкурентоспособность (новое веление времени). Лидеры и аутсайдеры, увы, сосуществуют в вузовском пространстве России. Отсюда и неизбежная по объективным причинам и субъективным обстоятельствам диффе-

ренциация вузов по старым и новым критериям эффективности [9, 11]. Выводы делайте сами.

Ярославские вузы могут и должны своей долгой историей и немалым потенциалом показать примеры возрождения и прорыва на позиции устойчивого развития, встряхивая путь провинциальности. В обозримом будущем не исключена возможность создания на новой площадке Верхневолжского научно-исследовательского центра.

Научно-практические заделы для рекомбинации своей деятельности ярославские вузы имеют. ЯГПУ им. К. Д. Ушинского укрепляет свой Центр по передаче в промышленность инновационных технологий в фармацевтике. На базе университета действуют 4 малых инновационных предприятия (ООО «АДИЯр», ООО «ИТ Учет», ООО «Реомед», ООО «ЯРС»). На базе ЯГТУ в период с 2009 по 2015 гг. функционируют 15 малых инновационных предприятий. В Ярославской ГСХА на 1 апреля 2018 г. таких предприятий насчитывалось 12

единиц. В ЯрГУ им. П. Г. Демидова – 2 предприятия. В РГАТУ имени П. А. Соловьева также созданы специальные инновационные структурные подразделения, а именно: бизнес-инкубатор, СКБ, отраслевые лаборатории, отдел коммерциализации разработок РГАТУ, малые хозяйственные общества. Удельный вес средств, полученных РГАТУ имени П. А. Соловьева от управления объектами интеллектуальной собственности составляют 0,2 % в общих доходах образовательной организации, а в ЯрГУ им. П. Г. Демидова – 0,02 %. Количество грантов за отчетный период в расчете на 100 научно-педагогических работников в Ярославской ГСХА составило 5,99 единиц, ЯрГУ им. П. Г. Демидова – 2,85 единиц, в ЯГМУ Минздрава России – 1,99 единиц [18, 19, 20, 21, 22, 23].

В таблице 1 представлены результаты научно-исследовательской деятельности вузов Ярославской области.

Таблица 1.

Научно-исследовательская деятельность вузов Ярославской области на 01.04 2018 г. [18, 19, 20, 21, 22, 23]

№ п/п	Показатели	Единица измерения	Наименование образовательной организации	Значение показателя
1.	Общий объем научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ (далее – НИОКР)	тыс. руб.	ЯГПУ им. К. Д. Ушинского	53 293,6
			ЯрГУ им. П. Г. Демидова	115 229,4
			ЯГМУ Минздрава России	40 470,1
			ЯГТУ	25 002,7
			Ярославская ГСХА	7 956,5

№ п/п	Показатели	Единица измерения	Наименование образовательной организации	Значение показателя
			РГАТУ имени П. А. Соловьева	106 513,2
2.	Объем НИОКР в расчете на одного научно-педагогического работника	тыс. руб.	ЯГПУ им. К. Д. Ушинского	140,82
			ЯрГУ им. П. Г. Демидова	252,34
			ЯГМУ Минздрава России	100,61
			ЯГТУ	90,34
			Ярославская ГСХА	95,29
			РГАТУ имени П. А. Соловьева	590,26
3.	Удельный вес доходов от НИОКР в общих доходах образовательной организации	%	ЯГПУ им. К. Д. Ушинского	9,3
			ЯрГУ им. П. Г. Демидова	12,29
			ЯГМУ Минздрава России	6,3
			ЯГТУ	4,83
			Ярославская ГСХА	5,07
			РГАТУ имени П. А. Соловьева	24
4.	Удельный вес НИОКР, выполненных собственными силами (без привлечения соисполнителей), в общих доходах образовательной организации от НИОКР	%	ЯГПУ им. К. Д. Ушинского	87,05
			ЯрГУ им. П. Г. Демидова	89,76
			ЯГМУ Минздрава России	96,29
			ЯГТУ	99,21
			Ярославская ГСХА	100
			РГАТУ имени П. А. Соловьева	98,12
5.	Доходы от НИОКР (за исключением средств бюджетов бюджетной системы Российской Федерации, государственных фондов поддержки науки) в расчете на одного научно-педагогического работника	тыс. руб.	ЯГПУ им. К. Д. Ушинского	141,21
			ЯрГУ им. П. Г. Демидова	140,71
			ЯГМУ Минздрава России	100,61
			ЯГТУ	90,34
			Ярославская ГСХА	29,44
			РГАТУ имени П. А. Соловьева	571,37
6.	Количество лицензионных соглашений	единиц	ЯГПУ им. К. Д. Ушинского	38
			ЯрГУ им. П. Г. Демидова	4
			ЯГМУ Минздрава Рос-	1

№ п/п	Показатели	Единица измерения	Наименование образовательной организации	Значение показателя
			сии	
			ЯГТУ	1
			Ярославская ГСХА	1
			РГАТУ имени П. А. Соловьева	0
7.	Количество научных журналов, в том числе электронных, издаваемых образовательной организацией	единиц	ЯГПУ им. К. Д. Ушинского	4
			ЯрГУ им. П. Г. Демидова	8
			ЯГМУ Минздрава России	2
			ЯГТУ	1
			Ярославская ГСХА	1
			РГАТУ имени П. А. Соловьева	2

Цифровизация образования и науки не столь однозначно позитивна, как может показаться на первый взгляд. Она напоминает отрезки с автономными маршрутами движения без сближения в сторону замкнутой геометрической фигуры. Многовекторность цифровизации – факт, загадка, неизвестность. *Первое* наблюдение. Большие массивы информации в Интернете доступны (свободно и за умеренную плату) всем участникам образовательного процесса, от начальной школы до вуза и далее. Учащийся, студент, практикант, наравне с учителями, преподавателями, работодателями, могут совместно и раздельно осваивать достижения мировой науки и практики в любой отрасли знаний. «Цифровизация» образования и науки потребует разработки и внедрения информационных и коммуникативных технологий на качественно новой ступени развития (с анализом возможностей и ограни-

чений блокчейна) во всех звеньях образования, то есть за пределами любительских навыков и умений. Стандарты по профессиям должны обязательно включать четкие компетенции и по «цифре». *Второе*. Интернет заполнен информационным «мусором», травмирует психику пользователей, сводит на нет усилия педагогов, порождает смуту в умах и действиях граждан. *Третье*. «Цифра», надеемся, поможет привести в действие, с одной стороны, «регулятивную гильотину» (разумную кодификацию права) и дать новое оружие в руки бюрократии – с другой. «Цифра» может быть и лукавой, ограждая чиновника от непосредственного общения с заявителем.

И последнее напутствие от правоведов в связи и в контексте радикальных преобразований в образовании – коррекция ФЗ об образовании (2012 г.). Его отдельные статьи слабо прописаны относительно но-

вых институтов таких как федеральный университет, опорные вузы и школы, автономные образовательные учреждения. Конституционный суд (КС) констатировал недопустимость отказа в приеме на работу и/или увольнения по формальным основаниям (ч. 1 ст. 46). Все участники образовательной деятельности должны иметь законные гарантии защиты своих прав при добросовестном выполнении своих обязанностей. Справедливость (благое и должное) – императив цивилизации права [3]. Императив самого высокого порядка в образовании и науке – самых гуманитарных сферах деятельности человека и человечества.

Институциональные решения

Вызовы в образовании наслаиваются один на другой. Полагаем, что достигнута *критическая масса* нерешенных задач, которая подталкивает федеральные власти к запуску очередного этапа реформирования образования и науки. Этап, может быть, самый сложный и ответственный, но без раздражающих оппозиционные партии и общественные мнения нововведений (ЕГЭ, бакалавриат и магистратура, федеральные стандарты, «инквизиция» Рособрнадзора и др.). Иными словами, «тихая революция», частично невидимая, с реальной, а не показной эффективностью. Попытаемся очертить контуры явных и скрытых преобразований.

Вузы, по философии Указа от 7 мая 2018 г., обязаны быть: а) носителями инвестиций в *человеческий капитал* через высокие образовательные технологии (наращивание профессиональных и иных компетенций; накопление кадрового потенциала; выпуск специалистов с навыками решения задач при любом сценарии развития событий); б) приоритетным источником НИР с полным циклом (от научной идеи до коммерческого продукта) для обеспечения устойчивого *экономического роста*. Двойственность миссии университета, видимо, подвигала руководство России на учреждение двух министерств: просвещения и науки и высшего образования, взамен «долгожителя» – министерства образования и науки. Порядок слов в названиях имеет институциональное значение.

Федеральные власти фактически отказались от остаточного принципа финансирования образования и науки. На всю шестилетку утверждены контрольные цифры финансирования национальных проектов. Проект «образования» может рассчитывать на 785 млрд руб., а «наука» – 636 млрд руб. К финансированию инвестиций могут быть привлечены, помимо федерального бюджета, бюджеты субъектов РФ и внебюджетные инвестиции [17]. Раздельное финансирование текущих бюджетов двух министерств и инвестиционных бюджетов – шаг кардинальный и давно ожидаемый (в ЕС такое разграничение бюдже-

тов практикуется с 50-х годов XX в.). Впереди конфликтно-компромиссная стадия финансирования – расшифровка инвестиций и ассигнований по вузам, НИИ, субъектам федерации, бюджетополучателям. Многое зависит от позиции бизнеса и состояния государственного-частного партнерства.

Пространственное обустройство России («ушиблена пространством», Ф. М. Достоевский) открывает перспективы для многовекторной (дифференцированной) *клас-теризации* вузов. Поиски внебюджетных источников финансирования подвигнут вузы на взаимодействие по а) направлениям и профилям; б) макрорегиональному; в) сотрудничеству с зарубежными вузами; г) контрактам и контактам с хозяйствующими субъектами (бизнесом) региона. Иными словами, возможна горизонтальная интеграция по модели 3.0 в дополнение к привычной вертикали министерство – вуз. Да и министерство, может быть, не будет препятствовать самоинициативам конкретного вуза, будучи зажатым конкретными цифрами национальных проектов «образование» и «наука». Путь еще не проторенный («семя» еще только пробивается в условиях финансового и иного бездорожья). Самоидентификация вуза «по индивидуальной мерке» присуща ведущим вузам США, Европы, крупных развивающихся стран (Китай, Индия, Юго-Восточная Азия).

Авторская интерпретация происходящего в образовании и науке не претендует на абсолютную истину (да таковой не может быть по определению). Ознакомим с отдельными альтернативными подходами к заявленной теме. Оппоненты власти чаще всего откликаются на тему «цифровизация» и образование (наука). С 2019 г. журнал «Власть» вводит самостоятельную рубрику. В вводной статье главный редактор А. О. Лапшин фиксирует одну из аномалий информационного общества: множество знаков (цифровая инфляция) и бедность значений и символов. На языке философии феномен называется тотальной эманацией (истечением, полураспадом) «знака» от «вещи» (А. Бодрийяр). Общество задыхается от дезинформации, поиска выхода из цифровых лабиринтов. Сетевые отношения наслаиваются на архаизацию личной и общественной жизни. Мониторинг достоинств и слабостей «цифровизации» должны осуществлять и университеты [6]. Магистрант МГУ им. М. В. Ломоносова М. Б. Пивоварова нацеливает студентов и преподавателей на научные проекты, которые отличаются от бизнес-проектов: а) комплексным охватом предметных знаний; б) информационным обменом; в) отсутствием аналогов в ретроспективе; г) составом участников; д) иерархией управления в вузах. К сожалению, университеты прибегают к научным проектам при отсутствии чет-

кого понимания их принципиальных особенностей [10]. О. Н. Яницкий (Институт социологии РАН) включает «цифру» в тренды НТР-4, Российская наука и образование запоздало руководствуются ее императивами, особенно при подготовке гуманитарных кадров. Не на высоте и преподаватели обществоведческих дисциплин [16]. ВШЭ настаивает на своей программе реформирования, изложенной в докладе «Будущее образования: глобальная повестка» (2018). В докладе ВШЭ выделены три приоритета: информационные системы, медицина и финансы. Высказана тревога по поводу «информационного империализма» США (запреты и ограничения на обучение выходцев из крупных развивающихся стран) [1].

Науку и образование как наиболее чувствительные сферы, полагаем, ждут жаркие дискуссии, профессиональные и политизированные.

Выводы

Болонская хартия (процесс) должна стать не «пугалом», мишенью для огульной критики, а прагматическим инструментом международного сотрудничества (и за пределами Европы). Болонский процесс отнюдь не «заморожен»; он изменил свой маршрут к «ползучей» эволюции по ассоциациям вузов с акцентами на институты и квалификацию выпускников. Возрастают роль и значение межправительственных соглашений и дого-

воров с вузами.

Болонская хартия выдвинула *конкурентоспособность* в образовании на авансцену мировой политики через совокупность (множество) международных *рейтингов*. Перенесение конкуренции в сферу образования неоднозначно оценивается субъектами образовательной деятельности. Программа «Топ 5/100», на наш взгляд, нереальна для сегодняшней России. Реалистичнее добиваться повышения места российских вузов в рейтингах «Топ 500/1000», по развивающимся странам и по отдельным предметам.

Вызовы глобализации подстегнули *дифференциацию* вузов по критериям конкурентоспособности (производный и персонифицированный признак конкуренции). Силы рынка расширяют свою экспансию и сделать их цивилизованными не всегда удастся. Доминирует дифференциация и по имиджу: престижные и провинциальные, государственные и частные, самокупаемые и дотационные. Вирус обособления пошел вширь и вглубь и в России, стала значимой и новая разделительная линия: вузы-инкубаторы креатосферы и массово-доступные вузы для прекариата, то есть к неравенству по доходам добавится и неравенство по образованию. В пылу полемики теряется самое главное в реформе образования – сочление содержания образования с федеральными стандартами

(ФГОС ВО), нормативно-правовыми актами по профессиональной квалификации. Второе пока опережает первое.

Обустройство пространства России через национальные проекты, полагаем, повлечет за собой кла-

стеризацию вузов по сопряженным и расходящимся критериям. Ближайшая задача ЯГПУ им. К. Д. Ушинского, не упуская из виду движения по всем «азимутам», – быть лидером среди педагогически вузов Европейской России.

Библиографический список

1. Бетелин, В. Б. (акад. РАН). России необходим отказ от «экономики услуг» и переходить к экономике промышленного производства [Текст] / В. Б. Бетелин // Экономист. – 2019. – № 2. – С. 7, 3-12.
2. Бондаренко, В. Н. Болонский процесс в России [Текст] / В. Н. Бондаренко // Высшее образование в России. – 2017. – № 10. – С. 94-106.
3. Зорькин, В. Д. Справедливость – императив цивилизации права [Текст] / В. Д. Зорькин // Вопросы философии. – 2019. – № 1. – С. 5-14.
4. Камынина, Н. Р., Грудзинский, А. О. Россия в Болонском процессе: цель – повышение конкурентоспособности высшего образования [Текст] / Н. Р. Камынина, А. О. Грудзинский // Высшее образование в России. – 2017. – № 8-9. – С. 22-31.
5. Караваева, Е. В. Квалификации высшего образования и профессиональные квалификации: «сопряжение с напряжением» [Текст] / Е. В. Караваева // Высшее образование в России. – 2017. – № 12. – С. 5-12.
6. Лапшин, А. О. Глобализация и цифровое общество: заметки на полях [Текст] / А. О. Лапшин // Власть. – 2019. – № 1. – С. 67, 63-68.
7. Любимов, И. Л., Оспанова А. Г. Как сделать экономику сложнее? Поиск причин усложнения [Текст] / И. Л. Любимов, А. Г. Оспанова // Вопросы экономики. – 2019. – № 2. – С. 36-53.
8. Миронов, В. В. (НИУ ВШЭ). О диагностике текущего состояния российской экономики и среднесрочных перспективах ее роста [Текст] / В. В. Миронов // Вопросы экономики. – 2019. – № 2. – С. 32-33, 5-35.
9. Певцова, Е. А. Правовое регулирование «цифровизации» образовательных отношений [Текст] / Е. А. Певцова // Народное образование. – 2018. – № 10. – С. 15-20.
10. Пивоварова, М. Б. Государственное регулирование науки в высших учебных заведениях [Текст] / М. Б. Пивоварова // Власть. – 2019. – № 1. – С. 176-179.
11. Попова, Е. П., Климова, А. В. (НИУ ВШЭ). Российские вузы: организационная специфика и выбор ориентиров развития [Текст] / Е. П. Попова, А. В. Климова // Социологические исследования. – 2018. – № 12. – С. 63-72.
12. Сивински Вальдемар (Польша). Академические рейтинги и перспективы их развития [Текст] / В. Сивински // Высшее образование в России. – 2017. – № 1. – С. 158-166.

13. Титова, Л. Г. Образование в контексте политики [Текст] / Л. Г. Титова // Социально-политические исследования. – Ярославль : РИО ЯГПУ, 2018. – № 1. – С. 5-20.
14. Указ Президента РФ от 7 мая 2018 № 204 «О национальных и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года [Текст] // Высшее образование в России. – 2018. – № 10. – С. 6, 9-10, 5-23.
15. Чепуренко, А. Ю. (НИУ ВШЭ). Маркс в университете 3.0? [Текст] / А. Ю. Чепуренко // Социологические исследования. – 2018. – № 5. – С. 26-37.
16. Яницкий, О. Н. Переход на цифру: задачи науки и образования [Текст] / О. Н. Яницкий // Власть. – 2019. – № 1. – С. 72, 69-74.
17. Российская газета. Неделя. – 2019, 21-27 февраля. № 39. – С. 4.
18. Интернет-ресурсы
19. Отчет о результатах самообследования Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.uniyar.ac.ru/upload/uf/7c7/Otchet-po-samoobsledovaniyu-YArGU-za-2017-g.pdf>. – С. 238. – (Дата обращения: 01.09.2019).
20. Отчет о результатах проведения самообследования ФГБОУ ВО Ярославская ГСХА. Ярославль 2018 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://doc.yaragrovuz.ru/_data/files/files/244.pdf. – С. 114. – (Дата обращения: 01.09.2019).
21. Отчет о самообследовании ФГБОУ ВО ЯГМУ Минздрава России по состоянию на 1 апреля 2018 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ysmu.ru/images/ysma/statutes/monitoring/2018/otchet_o_samoobsledovanii_fgbo_u_vo_yagmu_minzdrava_rossii_po_sostoyaniyu_na_1_aprelya_2018.pdf. – С. 49-50. – (Дата обращения: 01.09.2019).
22. Отчет о самообследовании федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования (Ярославский государственный технический университет (ФГБОУ ВО «ЯГТУ»)) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.ystu.ru/download/activity_selfsurvey_for_2017.pdf. – С. 31. – (Дата обращения: 01.09.2019).
23. Показатели деятельности образовательной организации высшего образования, подлежащей самообследованию (2018 г.) ЯГПУ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://yspu.org/images/2/2d/Yspu_self18.pdf. – С. 2. – (Дата обращения: 01.09.2019).
24. Самообследование университета. Приложение к отчету о результатах самообследования за 2017 год ФГБОУ ВО РГАТУ имени П. А. Соловьева [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rsatu.ru/docum/?pg=view&a2=14921623750> – С. 2-3. – (Дата обращения: 01.09.2019).

Bibliograficheskij spisok

1. Betelin, V. B. (akad. RAN). Rossii neobhodim otkaz ot «jekonomiki uslug» i perehodit' k jekonomike promyshlennogo proizvodstva [Tekst] / V. B. Betelin // Jekonomist. – 2019. – № 2. – С. 7, 3–12.

2. Bondarenko, V. N. Bolonskij process v Rossii [Tekst] / V. N. Bondarenko // Vysshee obrazovanie v Rossii. – 2017. – № 10. – S. 94–106.
3. Zor'kin, V. D. Spravedlivost' – imperativ civilizacii prava [Tekst] / V. D. Zor'kin // Voprosy filosofii. – 2019. – № 1. – S. 5–14.
4. Kamynina, N. R., Grudzinskij, A. O. Rossiya v Bolonskom processe: cel' – povyshenie konkurentosposobnosti vysshego obrazovaniya [Tekst] / N. R. Kamynina, A. O. Grudzinskij // Vysshee obrazovanie v Rossii. – 2017. – № 8–9. – S. 22–31.
5. Karavaeva, E. V. Kvalifikacii vysshego obrazovaniya i professional'nye kvalifikacii: «soprjazhenie s naprjazheniem» [Tekst] / E. V. Karavaeva // Vysshee obrazovanie v Rossii. – 2017. – № 12. – S. 5–12.
6. Lapshin, A. O. Globalizacija i cifrovoe obshhestvo: zametki na poljah [Tekst] / A. O. Lapshin // Vlast'. – 2019. – № 1. – С. 67, 63–68.
7. Ljubimov, I. L., Ospanova A. G. Kak sdelat' jekonomiku slozhnee? Poisk prichin uslozhnenija [Tekst] / I. L. Ljubimov, A. G. Ospanova // Voprosy jekonomiki. – 2019. – № 2. – S. 36–53.
8. Mironov, V. V. (NIU VShJe). O diagnostike tekushhego sostojaniya rossijskoj jekonomiki i srednesrochnyh perspektivah ee rosta [Tekst] / V. V. Mironov // Voprosy jekonomiki. – 2019. – № 2. – S. 32–33, 5–35.
9. Pevcova, E. A. Pravovoe regulirovanie «cifrovizacii» obrazovatel'nyh otnoshenij [Tekst] / E. A. Pevcova // Narodnoe obrazovanie. – 2018. – № 10. – С. 15–20.
10. Pivovarova, M. B. Gosudarstvennoe regulirovanie nauki v vysshih uchebnyh zavedenijah [Tekst] / M. B. Pivovarova // Vlast'. – 2019. – № 1. – С. 176–179.
11. Popova, E. P., Klimova, A. V. (NIU VShJe). Rossijskie vuzy: organizacii-onnaja specifika i vybor orientirov razvitija [Tekst] / E. P. Popova, A. V. Klimova // Sociologicheskie issledovanija. – 2018. – № 12. – С. 63–72.
12. Sivinski Val'demar (Pol'sha). Akademicheskie rejtingi i perspektivy ih razvitija [Tekst] / V. Sivinski // Vysshee obrazovanie v Rossii. – 2017. – № 1. – С. 158–166.
13. Titova, L. G. Obrazovanie v kontekste politiki [Tekst] / L. G. Titova // Social'no-politicheskie issledovanija. – Jaroslavl': RIO JaGPU, 2018. – № 1. – С. 5–20.
14. Ukaz Prezidenta RF ot 7 maja 2018 № 204 «O nacional'nyh i strategicheskikh zadachah razvitija Rossijskoj Federacii na period do 2024 goda [Tekst] // Vysshee obrazovanie v Rossii. – 2018. – № 10. – С. 6, 9–10, 5–23.
15. Chepureno, A. Ju. (NIU VShJe). Marks v universitete 3.0? [Tekst] / A. Ju. Chepureno // Sociologicheskie issledovanija. – 2018. – № 5. – С. 26–37.
16. Janickij, O. N. Perehod na cifru: zadachi nauki i obrazovaniya [Tekst] / O. N. Janickij // Vlast'. – 2019. – № 1. – С. 72, 69–74.
17. Rossijskaja gazeta. Nedelja. – 2019, 21 27 fevralja. № 39. – С. 4.
18. Internet-resursy
19. Otchet o rezul'tatah samoobsledovanija Federal'nogo gosudarstvennogo bju-dzhetnogo obrazovatel'nogo uchrezhdenija vysshego obrazovaniya «Jaroslavskij gosudarstvennyj universitet im. P. G. Demidova» [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <https://www.uniyar.ac.ru/upload/uf/7c7/Otchet-po-samoobsledovaniju-YArGU-za-2017-g.pdf>. – S. 238. – (Data obrashhenija: 01.09.2019).
20. Otchet o rezul'tatah provedenija samoobsledovanija FGBOU VO Jaroslav-skaja GSHA. Jaroslavl' 2018 [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa:

http://doc.yaragrovuz.ru/_data/files/files/244.pdf. – S. 114. – (Data obrashhenija: 01.09.2019).

21. Otchet o samoobsledovanii FGBOU VO JaGMU Minzdrava Rossii po sostojaniyu na 1 aprelja 2018 [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: http://ysmu.ru/images/ysma/statutes/monitoring/2018/otchet_o_samoobsledovanii_fgbo_u_vo_yagmu_minzdrava_rossii_po_sostoyaniyu_na_1_aprelya_2018.pdf. – S. 49–50. – (Data obrashhenija: 01.09.2019).

22. Otchet o samoobsledovanii federal'nogo gosudarstvennogo bjudzhethnogo obrazovatel'nogo uchrezhdenija vysshego obrazovaniya (Jaroslavskij gosudarstvennyj tehničeskij universitet (FGBOU VO «JaGTU»)) [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: http://www.ystu.ru/download/activity_selfsurvey_for_2017.pdf. – S. 31. – (Data obrashhenija: 01.09.2019).

23. Pokazateli dejatel'nosti obrazovatel'noj organizacii vysshego obrazovaniya, podlezhashhej samoobsledovaniju (2018 g.) JaGPU [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: http://yspu.org/images/2/2d/Yspu_self18.pdf. – S. 2. – (Data obrashhenija: 01.09.2019).

24. Samoobsledovanie universiteta. Prilozhenie k otchetu o rezul'tatah samoobsledovaniya za 2017 god FGBOU VO RGATU imeni P. A. Solov'eva [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://www.rsatu.ru/docum/?pg=view&a2=14921623750> – S. 2–3. – (Data obrashhenija: 01.09.2019).

Д. Т. Березин <https://orcid.org/0000-0003-0193-2398>

Организация самостоятельной работы студентов в вузе

В статье представлены результаты социологического исследования, проведенного автором в 2019 году в Ярославском государственном педагогическом университете им. К. Д. Ушинского. В рамках исследования предпринята попытка определить фактически затраченное студентами время на самостоятельную работу и их отношение к организации самостоятельной работы в вузе. Кроме того, проанализировано, как организовано преподавателями планирование и оценка требуемой трудоемкости самостоятельной работы студентов. Установлено, что студенты, которые осознанно выбрали вуз и направление обучения, в большей степени мотивированы на самостоятельную работу, чем студенты, которые поступили в вуз по принципу «все равно, какой вуз и направление обучения». Выявлено, что чем выше временные затраты студентов на самостоятельную работу, тем выше успеваемость по дисциплинам у данной группы студентов. Количество уделяемого студентами времени на самоподготовку не связано с гендерными различиями, то есть и девушки, и юноши тратят одинаковое количество времени на самостоятельную подготовку. Чем выше курс обучения, тем студенты более мотивированы к самостоятельной работе. Кроме того, автором выявлено, что учебно-познавательные мотивы более развиты у той части студентов, которая имеет четкое представление о целях самостоятельной работы. По итогам исследования предлагаются мероприятия, направленные на повышение эффективности самостоятельной работы студентов.

Ключевые слова: самостоятельная работа, студенты, вузы, формы контроля, учебный процесс.

D. T. Berezin

Organization of independent work of students at the university

The article presents the results of a sociological study conducted by the author in 2019 at the Yaroslavl state pedagogical University named after K. D. Ushinsky. The study attempts to determine the actual time spent by students on independent work and their attitude to the organization of independent work at the University. In addition, it is analyzed how the teachers organized the planning and evaluation of the required complexity of independent work of students. It is established that students who consciously chose the University and the direction of study, are more motivated to work independently than students who entered the University on the principle of «it does not matter what University and direction of study». It is revealed that the higher the time

spent by students on independent work, the higher the academic performance in the disciplines of this group of students. The amount of time students spend on self-study is not related to gender differences, i.e. both girls and boys spend the same amount of time on self-study. The higher the course of study, the students are more motivated to work independently. In addition, the author revealed that educational and cognitive motives are more developed in the part of students who have a clear idea of the goals of independent work. According to the results of the study, the activities aimed at improving the efficiency of independent work of students are proposed.

Key words: individual work, students, University, forms of control, study process.

Актуальность исследования

Для современной экономики необходимы специалисты с универсальными и гибкими («мягкими») навыками, поскольку только такие работники способны быстро адаптироваться к динамичным изменениям в обществе и к постоянно совершенствующимся технологиям на производстве и в сельском хозяйстве. Не случайно Министерство науки и высшего образования РФ уделяет серьезное внимание подготовке бакалавров и магистров. Но подготовка высококлассных специалистов невозможна без правильно организованной внеаудиторной работы студентов. Именно по этой причине в образовательных стандартах предусмотрено время на самостоятельную работу студента. Учитывая вышеизложенное, мы провели исследование, направленное на определение фактически затраченного студентами времени на самостоятельную работу и их отношение к организации самостоятельной работы в вузе.

Постановка проблемы

Данную проблему на протяжении последних десятилетий систе-

матически изучают педагоги, социологи, психологи и т. п. Наибольший вклад в изучение форм внеаудиторной самостоятельной работы, анализ технологического обеспечения самостоятельной работы вносят ученые из США.

Ученые из США целенаправленно изучают, как качество организации самостоятельной работы студентов вузов влияет на их успеваемость [1].

За последнее десятилетие большинство научных исследований в США, посвященных изучению самостоятельной работы, направлено на изучение организации самостоятельной работы не в вузах, а в школах [8, 9, 10].

Ученые из России, прежде всего педагоги, также активно изучают, как различные виды самостоятельной работы влияют на успеваемость студентов [2].

Эмпирическая база исследования

В 2019 году осуществлен опрос студентов Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского (ЯГПУ).

Выборка квотная. Выборочная совокупность $n = 600$. Переменные квотирования: пол, возраст, факультет.

Проведена серия глубинных интервью со студентами ($n = 20$).

Интервью преподавателей ($n = 10$).

Теоретической основой социологического исследования выступили научные труды М. В. Груздева, М. В. Новикова, О. А. Коряковцевой и др. [1, 3, 4, 5, 6, 7].

Авторские гипотезы

1. Студенты, которые осознанно выбрали вуз и направление обучения, в большей степени мотивированы на самостоятельную работу, чем студенты, которые поступили в вуз по принципу «все равно, какой вуз и направление обучения».

2. Чем выше временные затраты студентов на самостоятельную работу, тем выше успеваемость по дисциплинам у данной группы студентов.

3. Количество времени, уделяемого студентами на самоподготовку не связано с гендерными разли-

чиями, то есть и девушки, и юноши тратят одинаковое количество времени на самостоятельную подготовку.

4. Чем выше курс обучения, тем более студенты мотивированы на самостоятельную работу.

5. Учебно-познавательные мотивы более развиты у той части студентов, которая имеет четкое представление о целях самостоятельной работы.

6. Основные трудности при организации самостоятельной работы у студентов связаны с отсутствием навыков поиска и анализа необходимой информации.

7. Большая часть студентов не желает в рамках самостоятельной работы читать (книги, журналы) соответствующую научную и учебную литературу, предпочитая находить необходимую информацию в Интернете.

Результаты исследования

Сначала мы изучали, по каким мотивам наши респонденты выбрали вуз и направление обучения (табл. 1).

Таблица 1.

Ответы респондентов на вопрос: «Мотивы выбора учебного заведения?»* (в %, от числа ответивших)

Ответы респондентов	ЯГПУ, $n = 600$	
	юноши	девушки
Получить качественное образование	85	87
Это престижное учебное заведение	64	63
В это учебное заведение поступали/поступают друзья	38	35
Этого хотели родители	18	19
Все равно, какой вуз, главное отсрочка от	16	–

Ответы респондентов	ЯГПУ, n = 600	
	юноши	девушки
службы в армии		
Легко поступить	12	12
Это единственное заведение, в которое могу поступить	11	10
Удобное расположение учебного заведения	11	14
Есть нужные связи для поступления	9	8
Доступная для семьи стоимость обучения	8	9
Все равно какой вуз, главное найти партнера, супруга(у)	–	14
Другое	5	6

*Количество процентов по вертикали больше 100, так как респонденты могли дать несколько вариантов ответов

Как видно из ответов наших респондентов, основными мотивами выбора ЯГПУ, независимо от гендерных особенностей, направления обучения, курса, являются «возможность получить качественное образование» и «учиться в престижном учебном заведении».

Мы согласны с мнением ведущих ученых, что для повышения эффективности образовательного процесса необходима правильная мотивация обучающегося [7]. При правильной мотивации студенты эффективно распределяют свое

свободное время и добиваются больших успехов в самостоятельной работе.

В рамках своего исследования мы предприняли попытку сначала проанализировать временные затраты студентов на самостоятельную работу и их отношение к организации самостоятельной работы в вузе.

По этой причине мы изучали, знают ли студенты о количестве часов, запланированных для их самостоятельной работы по дисциплинам? (табл. 2)

Таблица 2.

Распределение ответов на вопрос: «Осведомлены ли Вы о количестве часов, запланированных для самостоятельной работы по изучаемым дисциплинам?» (в %, от числа опрошенных)

Ответы	ЯГПУ, студенты, n = 600	
	юноши	девушки
Да	54	56
Нет	46	44

Как видно из ответов, чуть больше половины юношей и девушек знают, сколько часов выделено на самостоятельную работу. Студенты

в рамках опроса имели возможность пояснить свои ответы. Так, больше половины опрошенных указали, что знают о количестве

часов, выделенных на самостоятельную работу из рабочего учебного плана (копия), который имеется у старосты группы. Не может не вызывать беспокойство то обстоятельство, что 46 % юношей и 44 % девушек не знают, сколько запланировано часов на самостоятельную работу. Абсолютно все студенты пояснили, что у них есть один день в неделю на самостоятельную подготовку (обычно суббота). К сожалению, больше половины респондентов, принявших участие в опросе, пояснили, что день самоподготовки тратят на решение личных проблем (подрабатывают, занимаются спортом, ездят в родной город к родителям и т. п.). То есть боль-

шинство студентов воспринимает день для самоподготовки как еще один выходной день. В этой связи очень отрадно, что магистры в большей своей массе иначе воспринимают день для самоподготовки, несмотря на то, что почти все подрабатывают, так как стипендии недостаточно для полноценной жизнедеятельности. Значительная часть магистрантов пояснила, что в день, выделенный для самоподготовки, активно работает над магистерской диссертацией.

Далее мы изучали, обсуждали ли преподаватели с нашими респондентами трудозатраты на самостоятельную работу при освоении дисциплины на этапе ее планирования?

Таблица 3.

Распределение ответов на вопрос: «Обсуждались ли с Вами трудозатраты на освоение дисциплины на этапе ее планирования?» (в %, от числа опрошенных)

Ответы	ЯГПУ, студенты, n = 600	
	юноши	девушки
Да	53	55
Нет	47	45

Чуть более половины опрошенных юношей и девушек пояснили, что заместители декана по очной форме обучения на собрании знакомили их с рабочим учебным планом. Нам как исследователям было важно получить репрезентативную информацию, поэтому в анкете были предусмотрены открытые вопросы, чтобы студенты имели возможность пояснить свои ответы. Так, при ответе на данный вопрос 47 % юношей и 45 % девушек пояснили, что в рабочем плане их ин-

тересует только форма контроля (зачет, дифференцированный зачет, экзамен) по дисциплинам в конкретном семестре. По этой причине даже когда их информируют о количестве часов аудиторной и внеаудиторной нагрузки, они не придают этой информации принципиального значения. Абсолютно все респонденты, принявшие участие в опросе, указали, что их интересует, кто будет читать лекции по конкретной дисциплине. Студенты из общежития пояснили, что собирают

информацию о преподавателях от старшекурсников, проживающих в общежитии. В основном их интересует информация о методике преподавания, форме контроля и санкциях, которые применяет конкрет-

ный преподаватель за прогулы и невыполненные задания.

Далее мы изучали, понимают ли студенты цели выполнения самостоятельной работы? (табл. 4).

Таблица 4.

Распределение ответов на вопрос: «Понимаете ли Вы цели выполнения самостоятельной работы?» (в %, от числа опрошенных)

Ответы	ЯГПУ, студенты, n = 600	
	юноши	девушки
Да	50	52
Нет	50	48

Как видно из ответов, половина опрошенных понимает цели выполнения самостоятельной работы. Но понимание целей еще не ведет к правильному распределению времени на самостоятельную работу. Для продуктивной самостоятельной работы необходимы специально

оборудованные места, выход в Интернет, свободный доступ в ведущие библиотеки и т. п.

По этой причине далее мы изучали, с помощью каких ресурсов студенты готовятся к семинарским и практическим занятиям? (табл. 5)

Таблица 5.

Распределение ответов на вопрос: «С помощью, каких ресурсов Вы готовитесь к семинарским и практическим занятиям?» (в %, от числа опрошенных)

Ответы	ЯГПУ, студенты, n = 600	
	юноши	девушки
Электронная образовательная среда обучения (ЭИОС) ЯГПУ	100	100
Научная электронная библиотека eLIBRARY. RU	65	51
Видеозаписи лекций и онлайн-лекции преподавателей факультета гуманитарных наук НИУ ВШЭ	72	49
Видеоархив МГУ	80	92
Видеоархив МГИМО	75	82
«Универсариум» – открытая система электронного образования	56	61
UNIWEB – платформа онлайн-обучения	36	42
Eduson – платформа онлайн-обучения	41	39
Codecademy – интерактивная среда для обучения Web-программированию	87	45
EdX – каталог курсов от MIT, Harvard и	53	44

Ответы	ЯГПУ, студенты, n = 600	
	юноши	девушки
других университетов		
Видеокурсы от Йельского Университета – http://oyc.yale.edu/ и http://www.youtube.com/yalecourses	47	88
Видеокурсы от Гарвардского Университета – http://www.extension.harvard.edu/courses	38	89
Видеокурсы от Открытого Университета Великобритании – http://www.open.ac.uk/openlearn/	42	92
Другие ресурсы	5	6

Как видно из ответов, абсолютно все студенты ЯГПУ в рамках самостоятельной работы обращаются к электронной образовательной среде обучения (ЭИОС) ЯГПУ. Эти данные согласуются с ответами, полученными в ходе интервью от преподавателей. Не может не радовать, что больше половины студентов, независимо от гендерных особенностей, знакомы с научной электронной библиотекой eLIBRARY. RU.

Студенты, обучающиеся по направлению история и социология, указали, что целенаправленно при подготовке к семинарским занятиям изучают видеозаписи лекций и онлайн-лекции преподавателей факультета гуманитарных наук НИУ ВШЭ.

Далее мы изучали, сколько времени студенты затрачивают на подготовку к семинарским и практическим занятиям в день? (табл. 6).

Таблица 6.

Распределение ответов на вопрос: «Сколько времени Вы затрачиваете на подготовку к семинарским и практическим занятиям в день?» (в %, от числа опрошенных)

Ответы	ЯГПУ, студенты, n = 600	
	юноши	девушки
Пол часа в день	12	8
1-2 часа	23	24
3-5 часов	17	19
6 часов и больше	8	9
Час в неделю	7	8
Два часа в неделю	10	13
Три часа в неделю	17	14
Другое	6	5

Как видно из ответов, юноши и девушки в среднем тратят одинаковое количество времени на самостоятельную работу. С другой сто-

роны, количество времени, потраченное на подготовку, не обязательно говорит о качестве этой подготовки. Возможно, есть студенты,

которые, независимо от прилагаемых усилий, не достигают поставленных целей.

Далее мы изучали, сколько всего часов, по мнению наших респон-

дентов, необходимо тратить на самостоятельную подготовку, чтобы успешно освоить изучаемую дисциплину (табл. 7).

Таблица 7.

Распределение ответов на вопрос: «Сколько всего часов необходимо тратить на самостоятельную подготовку Вам для успешного освоения указанной дисциплины?» (в %, от числа ответивших)

Ответы	ЯГПУ, студенты, n = 600	
	юноши	девушки
Пол часа в день	8	7
1-2 часа	25	15
3-5 часов	62	73
6 часов и больше	5	5

Как видно из ответов, большей части опрошенных для качественной подготовки к занятиям необходимо 3-5 часов в день на самоподготовку. Студенты имели возможность пояснить свои ответы. Так, около 25 % юношей и 33 % девушек пояснили, что им не хватает времени на качественную подготовку к семинарским занятиям, так как в свободное от учебы время ра-

ботают, поскольку стипендии и помощи от родителей недостаточно для нормальной жизнедеятельности. Больше всего не хватает времени на самостоятельную подготовку иногородним студентам.

Далее мы изучали, каким образом преподаватели осуществляют контроль самостоятельной работы студентов в вузе (табл. 8).

Таблица 8.

Распределение ответов на вопрос: «Каким образом ваши преподаватели осуществляют контроль самостоятельной работы студентов?»* (в %, от числа опрошенных)

Ответы	ЯГПУ, студенты, n = 600	
	юноши	девушки
Технические средства контроля в сочетании с устной беседой с обучающимися	62	64
Письменные работы (тесты, эссе, рефераты и т. п.)	52	53
Контроль с помощью технических средств и информационных систем	49	48
Устный опрос	37	36
Другое	5	6

*Количество процентов по вертикали больше 100, так как респонденты могли дать несколько вариантов ответов

Из ответов респондентов видно, что в ЯГПУ самостоятельную работу оценивают с помощью технических средств контроля в сочетании с устной беседой с обучающимся, что, безусловно, способствует рационализации учебного процесса. Преподавателям и студентам не надо много времени тратить на проверку знаний, так как техниче-

ские средства контроля обеспечивают эффективный контроль знаний. В то же время позитивно, что преподаватели при оценке знаний используют устные опросы.

Далее мы изучали, каких навыков, умений и знаний студентам не хватает для продуктивной самостоятельной работы? (табл. 9).

Таблица 9.

Распределение ответов на вопрос: «Каких навыков, умений и знаний Вам не хватает для продуктивной самостоятельной работы?»* (в %, от числа опрошенных)

Ответы	ЯГПУ, студенты, n = 600	
	юноши	девушки
Способность и готовность к использованию основных прикладных программных средств	54	63
Владение современными средствами телекоммуникации	53	48
Умение самостоятельно осмыслять проблему на основе существующих методик	41	43
Умение собирать и систематизировать практический материал	38	42
Способность создать содержательную презентацию выполненной работы	34	27
Умение логично и грамотно излагать собственные умозаключения и выводы	32	38
Умение соблюдать форму научного исследования	31	28
Умение обосновывать и строить априорную модель изучаемого объекта или процесса	22	29
Умение работать с объектами изучения, критическими источниками, справочной и энциклопедической литературой	20	47
Умение пользоваться глобальными информационными ресурсами	18	25
Другое	5	6

*Количество процентов по вертикали больше 100, так как респонденты могли указать несколько вариантов ответов

Можно констатировать, что современным студентам необходимо в рамках учебного процесса в вузе, либо в рамках повышения квалификации (дополнительного образования) давать навыки, умения и знания по многим аспектам, связанным с самостоятельной работой. Кроме того, из ответов видно, что юношам в большей степени, чем

девушкам, не хватает умений работать с объектами изучения, критическими источниками, справочной и энциклопедической литературой.

Далее мы изучали, удовлетворяет ли студентов уровень организации самостоятельной работы со стороны преподавателя по каждому предмету? (табл. 9).

Таблица 9.

Распределение ответов на вопрос: «Удовлетворяет ли Вас уровень организации самостоятельной работы со стороны преподавателя по каждому предмету?» (в %, от числа опрошенных)

Ответы	ЯГПУ, студенты, n = 600	
	юноши	девушки
Да	56	54
Нет	44	46

Больше половины опрошенных указали, что их вполне удовлетворяет уровень организации самостоятельной работы со стороны преподавателя по каждому предмету.

Далее мы изучали, что следует изменить, по мнению наших респондентов, в рамках учебного процесса для повышения уровня организации самостоятельной работы? (табл. 10).

Таблица 10.

Распределение ответов на вопрос: «Что следует изменить в рамках учебного процесса для повышения уровня организации самостоятельной работы?»* (в %, от числа опрошенных)

Ответы	ЯГПУ, студенты, n = 600	
	юноши	девушки
Консультации	55	63
Методические рекомендации	48	49
Программное обеспечение	28	31
Рекомендуемые источники	27	48
Исходные материалы	23	19
Равномерность и последовательность заданий	15	17
Лабораторное оборудование	12	15
Другое	5	6

*Количество процентов по вертикали больше 100, так как респонденты

могли указать несколько вариантов ответов.

Опрошенные могли пояснить свои ответы. Большинство студентов, независимо от гендерных особенностей, указало, что часть преподавателей часто формально относится к проведению консультаций. Назначают время для консультации на обед в тот день, когда у них на

факультете, где располагается их кафедра, есть пары. Времени для консультации выделяют очень мало.

Далее мы изучали, удовлетворяет ли студентов степень контроля самостоятельной работы (сроки контроля, формы контроля)? (табл. 11).

Таблица 11.

Распределение ответов на вопрос: «Удовлетворяет ли Вас степень контроля самостоятельной работы (сроки контроля, формы контроля)?» (в %, от числа ответивших)

Ответы	ЯГПУ, студенты, n = 600	
	юноши	девушки
Да	62	60
Нет	38	40

Как видно из ответов, больше половины студентов удовлетворены сроками и формой контроля самостоятельной работы.

Далее мы изучали, знают ли студенты заранее требования, по которым оценивается их самостоятельная работа? (табл. 12).

Таблица 12.

Распределение ответов на вопрос: «Знаете ли Вы заранее требования, по которым оценивается Ваша самостоятельная работа?» (в %, от числа опрошенных)

Ответы	ЯГПУ, студенты, n = 600	
	юноши	девушки
Да	54	56
Нет	46	44

Больше половины студентов указали, что заранее знают требования, по которым оценивается по каждому предмету самостоятельная работа студента.

В рамках исследования мы провели серию глубинных интервью, чтобы определить фактически затраченное студентами время на самостоятельную работу и их отно-

шение к организации самостоятельной работы в вузе.

Свое мнение о самостоятельной работе студентов выразили в кратких итоговых высказываниях.

Мы приводим некоторые типичные высказывания студентов.

Егор, 21 год.

«Несмотря на то, что на нашем факультете днем для самостоя-

тельной работы выбрана суббота, я всегда с удовольствием посещаю библиотеку, при необходимости, если нужно, ищу возможности для получения консультации от преподавателя, заранее с ним договариваясь о встрече. Необходимо отметить, что все преподаватели, которые у меня на разных курсах были научными руководителями по курсовым работам, никогда не срывали проведение консультации».

Ульяна, 20 лет.

«Мои родители оба работают учителями в школе, и они меня приучили к систематической работе, поэтому независимо от того, когда на факультете предусмотрен день для самоподготовки, независимо от того, работает ли в конкретный день ресурсный центр на факультете, работает ли библиотека в нашем корпусе, я всегда нахожу время для выполнения домашнего задания».

Как видно, студенты приучены к систематической работе, мотивированы на получение дополнительных знаний, что, безусловно, ведет к успешному освоению знаний.

В рамках нашего исследования мы изучали, как организовано преподавателями планирование и оценка требуемой трудоемкости самостоятельной работы студентами?

Далее мы приводим основные высказывания преподавателей.

Доцент, 42 года.

«К сожалению, определенная часть студентов воспринимает

время, выделенное на самоподготовку, как возможность отдохнуть, либо решить свои проблемы, а не как возможность подготовиться к семинарским занятиям. Многие, несмотря на то, что ежедневно выделяют время на подготовку к занятиям после окончания пар в вузе, не имеют навыков, которые позволили бы эффективно организовать свою самостоятельную работу. Соответственно, необходимо учить студентов, как организовывать свою самостоятельную работу, например, в рамках дисциплины «Академическое письмо».

Доцент, 45 лет.

«Необходимо целенаправленно повышать мотивацию студентов на учебу, тогда и более эффективно будут использовать студенты свое свободное время. Для этого важно мотивировать на результат, а не на оценку. Кроме того, использовать активно наказания за не подготовку к занятиям и поощрять за своевременное выполнение домашних заданий».

Выводы и рекомендации

Результаты социологического исследования подтверждают все авторские гипотезы.

Считаем, что для повышения эффективности самостоятельной деятельности студентов в вузах необходимо:

– для правильной организации самостоятельной работы студента систематически проводить монито-

ринг ее трудоемкости по всем дисциплинам;

– целенаправленно издавать методические пособия, подробно регламентирующие проведение самостоятельной работы студентов по всем курсам;

– в рамках освоения дисциплин уделить время, чтобы научить сту-

дентов учету личного времени с целью оптимизации его использования;

– преподавателям периодически повышать квалификацию по организации самостоятельной работы студентов.

Библиографический список

1. Березин, Д. Т. Проведение семинарских занятий по технологии коллективного взаимообучения и взаимоконтроля с элементами балльно-рейтинговой системы [Текст] / под ред. Н. В. Нижегородцевой // Актуальные проблемы психологии образования. – Ярославль : РИО ЯГПУ, 2017. – С. 10-15.
2. Валеева, Д. Р., Докука, С. В., Юдкевич, М. М. Разрыв дружеских связей при академическом неуспехе: социальные сети и пересдачи у студентов [Текст] / Д. Р. Валеева, С. В. Докука, М. М. Юдкевич // Вопросы образования. – 2017. – № 1. – С. 8-24.
3. Груздев, М. В., Тарханова, И. Ю. Становление «Новой дидактики» педагогического образования в условиях глобального технологического обновления и цифровизации [Текст] / М. В. Груздев, И. Ю. Тарханова // Ярославский педагогический вестник. – 2019. – № 3. – С. 47-53.
4. Емельянов, А. С. Вузовское образование Ярославской области в контексте социально-экономического и политического развития внешней среды [Текст] / А. С. Емельянов // Социально-политические исследования. – 2019. – № 2. – С. 93-101.
5. Коряковцева, О. А. Развитие общественно-политической активности молодежи в условиях модернизации общества [Текст] / О. А. Коряковцева // Среднерусский вестник общественных наук. – 2009. – № 2 (11). – С. 117-122.
6. Новиков, М. В., Перфилова, Т. Б. Мотивы получения образования в России в VIII – первой половине XIX в. [Текст] / М. В. Новиков, Т. Б. Перфилова // Вопросы теории и методики профессионального образования. Материалы научно-практической конференции «Чтения Ушинского». – Ярославль : РИО ЯГПУ, 2018. – С. 116-127.
7. Таланов, С. Л., Кудашов, В. Н. Особенности экономической социализации студентов вузов [Текст] / С. Л. Таланов, В. Н. Кудашов // Alma mater (Вестник высшей школы). – 2016. – № 6. – С. 34-39.
8. Jan N. Hughes, Qian Cao, Oi-man Kwok. Indirect effects of extracurricular participation on academic adjustment via perceived friends' prosocial norms // Journal of Youth and Adolescence. – 2016. – № 45(11): – P. 2260-2277.
9. Lynch AD, Lerner RM, Leventhal T. Adolescent academic achievement and school engagement: An examination of the role of school-wide peer culture // Journal of Youth and Adolescence. – 2013. – № 42. – P. 6-19.

10. Wang MT, Holcombe R. Adolescents' perceptions of classroom environment, school engagement, and academic achievement. // American Educational Research Journal. – 2010. – № 47. – P. 633–662.

Bibliograficheskij spisok

1. Berezin, D. T. Provedenie seminarских занятиј po tehnologii kollektiv-nogo vzaimoobuchenija i vzaimokontrolja s jelementami ball'no-rejtingovoj si-stemy [Tekst] / pod. red. N. V. Nizhegorodcevoj // Aktual'nye problemy psihologii obrazovanija. – Jaroslavl' : RIO JaGPU, 2017. – S. 10–15.
2. Valeeva, D. R., Dokuka, S. V., Judkevich, M. M. Razryv družeskih svjazej pri akademicheskom neuspehe: social'nye seti i peresdachi u studentov [Tekst] / D. R. Valeeva, S. V. Dokuka, M. M. Judkevich // Voprosy obrazovanija. – 2017. – № 1. – S. 8–24.
3. Gruzdev, M. V., Tarhanova, I. Ju. Stanovlenie «Novoj didaktiki» pedagogičeskogo obrazovanija v uslovijah global'nogo tehnologičeskogo obnovlenija i cifrovizacii [Tekst] / M. V. Gruzdev, I. Ju. Tarhanova // Jaroslavskij pedagogičeskij vestnik. – 2019. – № 3. – S. 47–53.
4. Emel'janov, A. S. Vuzovskoe obrazovanie Jaroslavskoj oblasti v kontekste social'no-jekonomičeskogo i političeskogo razvitija vneshnej sredy [Tekst] / A. S. Emel'janov // Social'no-politicheskie issledovanija. – 2019. – № 2. – S. 93–101.
5. Korjakovceva, O. A. Razvitie obshhestvenno-politicheskoj aktivnosti molo-dezhi v uslovijah modernizacii obshhestva [Tekst] / O. A. Korjakovceva // Sredne-russkij vestnik obshhestvennyh nauk. – 2009. – № 2 (11). – S. 117–122.
6. Novikov, M. V., Perfilova, T. B. Motivy poluchenija obrazovanija v Rossii v VIII – pervoj polovine XIX v. [Tekst] / M. V. Novikov, T. B. Perfilova // Voprosy teorii i metodiki professional'nogo obrazovanija. Materialy nauchno-praktičeskoj konferencii «Čtenija Ushinskogo». – Jaroslavl' : RIO JaGPU, 2018. – S. 116–127.
7. Talanov, S. L., Kudashov, V. N. Osobennosti jekonomičeskoj socializacii studentov vuzov [Tekst] / S. L. Talanov, V. N. Kudashov // Alma mater (Vestnik vysshej shkoly). – 2016. – № 6. – S. 34–39.
8. Jan N. Hughes, Qian Cao, Oi-man Kwok. Indirect effects of extracurricular participation on academic adjustment via perceived friends' prosocial norms // Journal of Youth and Adolescence. – 2016. – № 45(11): – P. 2260–2277.
9. Lynch AD, Lerner RM, Leventhal T. Adolescent academic achievement and school engagement: An examination of the role of school-wide peer culture // Journal of Youth and Adolescence. – 2013. – № 42. – P. 6–19.
10. Wang MT, Holcombe R. Adolescents' perceptions of classroom environment, school engagement, and academic achievement. // American Educational Research Journal. – 2010. – № 47. – P. 633–662.

С. Л. Таланов <https://orcid.org/0000-0001-9382-8285>

Влияние социальных сетей на успеваемость студентов

В статье анализируется влияние социальных сетей на успеваемость студентов. Автором проведено социологическое исследование в ведущих вузах города Ярославля. Определено, что студенты активно используют возможности Интернета при выполнении домашних заданий, написании рефератов, контрольных работ, эссе и т. п. У половины студентов низкие навыки работы с информацией в цифровом пространстве. Установлено, что у большинства студентов не сформированы навыки критического мышления, студенты не способны определить достоверность информации. Более успешны в учебе те студенты, которые при подготовке семинарским (практическим) занятиям изучают научные статьи, книги, информацию с образовательных порталов, чем та часть студентов, которая готовится к занятиям с помощью сайта Википедия и информации из социальных сетей. Только около 25 % студентов используют социальные сети, как инструмент повысить свой уровень образованности. Выяснилось, что в Ярославской области после мессенджеров, социальная сеть «ВКонтакте» самая популярная у значительной части студентов, причем сеть «ВКонтакте» активно используют как для досуга, так и для учебы, а сеть Facebook и Instagram в основном для досуга (отдыха). Большинство юношей отдают предпочтение социальной сети «ВКонтакте», а девушки «Instagram» и «ВКонтакте». Выявлен гендерный дисбаланс. Девушки предпочитают в большей своей массе читать книги на бумажном носителе, а юноши – тексты со смартфона. Роль социальных сетей на успеваемость студентов носит как положительное, так и отрицательное влияние. Для студентов, которые имеют развитые навыки, знания и умения в сфере поиска и обработки информации и осознано выбрали направление обучения и вуз, социальные сети способствуют повышению успеваемости. Для студентов, поступивших по мотиву «все равно в какой вуз и направление обучения», социальные сети являются способом ухода от реальности (избегание неприятного, скучного в жизни). Предлагаются мероприятия, направленные на развитие способностей студентов работать с информацией в цифровом пространстве.

Ключевые слова: социальные сети, эскапизм, образовательные потребности студентов, формирования ценностных ориентаций и познавательных потребностей студентов.

S. L. Talanov

The impact of social media on student achievement

The article analyzes the impact of social networks on students' academic performance. The authors conducted a sociological study in the leading universities of Yaroslavl. It is determined that students actively use the Internet when doing homework, writing essays, tests, essays, etc. Half of the students have low skills of working with information in the digital space. It is established that the majority of students have not formed critical thinking skills, students are not able to determine the reliability of information. More successful in their studies are those students who in the preparation of seminars (practical) classes study scientific articles, books, information from educational portals than the part of students who prepare for classes with the help of "Wikipedia" and information from social networks. Only about 25 % of students use social networks as a tool to increase their level of education. «Vkontakte» was found to be the most popular social network in the Yaroslavl region after messengers for a large part of students, and «Vkontakte» network is actively used both for leisure and for study, and "Facebook" and "Instagram" network is mainly for leisure (rest). Most boys prefer the social network «Vkontakte», and the girls «Instagram» and «Vkontakte». Gender imbalance is revealed. Girls prefer to mostly read books on paper, and boys – texts from a smartphone. The role of social media on student performance is both positive and negative. For students who have developed skills, knowledge and abilities in the field of search and processing of information and consciously chose the direction of study and University, social networks contribute to improving academic performance. Students enrolled on the motive of «no matter what University and direction of study», social networks are a way of escape from reality (avoiding unpleasant, boring in life). Activities aimed at developing students' abilities to work with information in the digital space are proposed.

Key words: social networks, escapism, educational needs of students, formation of value orientations and cognitive needs of students.

Актуальность исследования

В условиях динамичных изменений скорость технологических новаций возрастает, сегодня количество обучающихся увеличивается во всем мире, многие преподаватели читают лекции по нескольким дисциплинам, но научные исследования по преподаваемым курсам никогда не проводили, в результате падает качество образования [4]. Информация, в зависимости от отрасли науки, ежегодно обновляется

на 10-15 %. Книги, учебники, учебно-методические пособия не успевают переиздавать. Несмотря на то, что у молодежи много всевозможных портативных гаджетов, большинство из них не умеют эффективно получать и анализировать информацию. В современных условиях важно умение быстро и эффективно искать, читать, проверять нужную информацию, выделять главное в тексте. Решить данную проблему могут различные образо-

вательные платформы в Интернете. Педагоги изыскивают новые более совершенные методы и формы обучения, в частности ректор НИУ «Высшая школа экономики» Ярослав Кузьминов высказывается за внедрения системы онлайн-курсов. Данную инициативу большинство педагогов не одобряет, полагая, что качество образования еще больше упадет.

Учитывая вышеизложенное нами было проведено исследование, направленное на изучение влияния социальных сетей на качество получаемого образования.

Эмпирическая база исследования

В 2019 году был осуществлен опрос студентов из вузов Ярославской области:

– Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского (ЯГПУ), генеральная совокупность $N = 7039$ (65 % девушек, 35 % юношей);

– Ярославского государственного университета имени П. Г. Демидова (ЯрГУ), генеральная совокупность $N = 6276$ (58 % девушек, 42 % юношей).

Выборка квотная. Выборочная совокупность $n = 840$. Переменные квотирования: пол, возраст, вуз.

Проведены интервью студентов ($n = 20$).

Осуществлено интервью преподавателей ($n = 10$).

Осуществлен повторный анализ данных результатов социологических исследований, проведенных

ВЦИОМ, сотрудниками ФНИСЦ РАН (г. Москва).

Теоретической основой исследования выступила концепция макдоналдизации общества (Дж. Ритцер), а также научные труды Л. Г. Батраковой, Т. Г. Доссэ, О. В. Епархиной, О. А. Коряковцевой и др. [1–3, 5, 12].

Постановка проблемы

Данная тема является очень актуальной, поэтому ученые из разных стран систематически и целенаправленно изучают влияние социальных сетей на успеваемость студентов.

Ученый из Университета Юго-Восточной Европы (Македония) Юсуф Зекири в ходе исследования установил, что социальные сети негативно влияют на успеваемость студентов [9].

Форкош-Барух и Гершковиц установили, что Facebook может способствовать неформальному обучению учеников [6].

Коллектив авторов Н. Херт, Г. Мосс, К. Брэдли, Л. Ларсон, М. Ловелас, Л. Прево, Н. Райли, Д. Домизи установили, что Facebook как инструмент в рамках обучения повышает успеваемость студентов и эффективность процесса обучения. [7]

Коллектив ученых Н. Джайн, А. Верма, Р. Верма и П. Тивари выявили, что Facebook способствует не только конструктивному общению студентов, но и тому, что студенты и учителя могут приобретать знания из внешней среды [8].

Ученые из Катарского университета (Доха) в 2018 году анализировали влияние использования сайтов социальных сетей на успеваемость. Результаты исследования показывают, что не существует линейной связи между использованием социальных сетей и успеваемостью [10].

Малазийские ученые изучали влияние сайтов социальных сетей на социальное благополучие и успеваемость студентов. Результаты показали положительную связь между социальным благополучием студентов и их успеваемостью [11].

Социальных сетей в мире очень много, но в основном ученые изучают влияние Facebook на успеваемость студентов, так как данная социальная сеть очень популярна в их странах. Есть потребность изучить какие социальные сети популярны в РФ и как они влияют на успеваемость обучающихся.

Основная гипотеза

Роль социальных сетей на успеваемость студентов носит как положительное, так и отрицательное влияние. Для студентов, которые имеют развитые навыки, знания и умения в сфере поиска и обработки информации, а главное, осознанно выбрали направление обучения и образовательное учреждение, социальные сети способствуют повышению успеваемости. Студенты, поступившие по мотиву «Все равно в какой вуз и направление обучения», социальные сети являются способом ухода от реальности.

Рабочие гипотезы:

1. Основными пользователями социальных сетей являются девушки, как по количеству зарегистрированных сетей (девушки в среднем одновременно зарегистрированы более, чем в 6 социальных сетях, не считая мессенджеры Skype, Telegram, WhatsApp, Viber и т. п.) так и по времени нахождения в социальных сетях.

2. Девушки во время учебных занятий чаще, чем юноши прибегают к помощи друзей, используя социальные сети.

3. Девушки чаще, чем юноши отвлекаются на занятиях путем ухода в социальные сети. При этом девушки в социальных сетях преимущественно общаются с друзьями, а юноши анализируют новости.

4. Время, потраченное на самостоятельное обучение и подготовку к занятиям, способствует улучшению успеваемости, при этом та часть студентов, которая традиционно готовится к занятиям с помощью книг, более успешна в учебе, чем та часть студентов, которая занимается самоподготовкой в социальных сетях.

5. Чем выше социально-экономический статус семьи студента, тем больше времени разрешают (разрешали) родители на использование социальных сетей.

6. Студенты с низкими показателями обучения при активном общении в социальных сетях с отличниками постепенно повышают свою успеваемость.

7. Активными пользователями социальных сетей являются как отличники, так и не успевающие студенты. Количество времени, потраченное студентом на социальные сети, не влияет на успеваемость, значение имеет не время, а содержание процесса.

Результаты исследования

На начальном этапе изучались социальные сети, в которых были зарегистрированы наши респонденты, результаты представлены в табл. 1.

Таблица 1.

Распределение ответов на вопрос: «Укажите социальные сети, в которых вы зарегистрированы?»* (в %, от числа опрошенных)

Ответы	Студенты, n = 840			
	ЯГПУ		ЯрГУ	
	юноши	дев.	юноши	дев.
Мессенджеры (Skype, Telegram, WhatsApp, Viber, Imo)	100	100	100	100
Вконтакте	70	100	68	100
Twitter	60	42	62	39
Facebook	57	68	55	70
Instagram	53	100	56	100
Сайты знакомств (eDarling, JuliaDates, Kismia, Linkyou, Teamo и т. п.)	21	87	18	90
YouTube	13	47	14	44
LiveJournal	12	7	10	6
Мой мир@Mail.Ru.	8	31	6	28
Другие социальные сети	5	6	5	6

*Количество процентов по вертикали больше 100, так как респонденты могли дать несколько вариантов ответов

Как видно из ответов, наиболее популярной социальной сетью у студентов, если не брать в расчет мессенджеры, является для юношей социальная сеть «Вконтакте», а для девушек «Instagram» и «Вконтакте».

Студенты имели возможность пояснить свои ответы. Значительная часть девушек объяснила, что одновременно зарегистрированы более, чем в 6 социальных сетях, не считая мессенджеры Skype, Telegram, WhatsApp, Viber и т. п. У

юношей иная ситуация, так только половина опрошенных отметили, что зарегистрированы в трех и более сетях. Около одной трети юношей не понимают, зачем вообще регистрироваться в сети «Instagram» и постоянно выставлять свои «фотоотчеты».

На следующем этапе мы изучали, какими социальными сетями и как часто пользуются студенты в своей повседневной жизни (табл. 2).

Таблица 2.

Распределение ответов на вопрос: «Какими социальными сетями вы часто пользуетесь»? (в %, от числа опрошенных)

Ответы	Студенты, n = 840			
	ЯГПУ		ЯрГУ	
	юноши	дев.	юноши	дев.
Мессенджеры (Skype, Telegram, WhatsApp, Viber, Imo)	100	100	100	100
ВКонтакте	70	100	68	100
Instagram	57	68	55	70
Facebook	50	82	51	84
Twitter	40	22	39	21
Сайты знакомств	21	78	18	80
YouTube	13	47	14	44
LiveJournal	9	5	8	5
Мой мир@Mail.Ru.	8	23	6	25
Другие социальные сети	5	6	5	6

*Количество процентов по вертикали больше 100, так как респонденты могли дать несколько вариантов ответов.

При сравнении ответов респондентов, представленных в таблице 1 и 2, видно, что определенная часть студентов зарегистрирована в социальных сетях (чтобы быть на связи и т. п.), но не пользуется ими постоянно.

Кроме того, установлено, что социальная сеть Facebook не является самой популярной среди обу-

чающихся. Юноши и девушки по-разному используют Twitter. Юноши создают твиты и читают свою френд-ленту, а девушки ищут интересную информацию и «следят» за знаменитостями.

Далее мы изучали, сколько времени в день, обычно, студенты проводят в социальных сетях (табл. 3).

Таблица 3.

Распределение ответов на вопрос: «Сколько времени в день, обычно, вы проводите в социальных сетях?» (в %, от числа опрошенных)

Ответы	Студенты, n = 840			
	ЯГПУ		ЯрГУ	
	юноши	дев.	юноши	дев.
Менее часа	–	–	–	–
Более часа	11	–	12	–
Более 2 часов	9	5	11	5
Более 3 часов	32	65	34	63
Более 4 часов	14	12	16	13
Более 5 часов	26	12	17	14
Затрудняюсь ответить	8	6	10	5

Как видно из ответов респондентов, около 33 % юношей и более половины девушек в среднем проводят в социальных сетях более 3 часов в день. Опрошенные имели возможность пояснить свои ответы. Так, большинство опрошенных юношей и девушек указали, что больше всего времени проводят во внеучебное время. Свои аккаунты в

социальных сетях проверяют 74 % студентов сразу после пробуждения, 19 % во время завтрака, 44 % в период нахождения в вузе, 45 % в течение дня хотя бы раз, 84 % перед сном.

Далее мы изучали, с какой целью используют наши респонденты социальные сети (табл. 4).

Таблица 4.

Распределение ответов на вопрос: «Для чего вы пользуетесь, чаще всего, социальными сетями?»* (в %, от числа опрошенных)

Ответы	Студенты, n = 840			
	ЯГПУ		ЯрГУ	
	юноши	дев.	юноши	дев.
Отслеживание новостей	92	20	89	18
Общение с друзьями	44	90	41	91
Знакомство	40	41	42	38
Посещение тематических групп	34	53	36	50
Онлайн-покупки	33	81	36	83
Просмотр фильмов, видео	30	68	31	71
Слушаю музыку	27	90	28	92
Повышаю свой общий образовательный уровень	25	26	25	25
Подготовиться к занятиям, зачетам и экзаменам	20	13	24	15
От нечего делать. Скучно, посмотреть новости, поболтать с кем-нибудь, чтобы убить время.	13	31	16	29
Расширяю круг общения, которого мне не хватает	12	35	10	31
Списываю на занятиях	10	34	9	32
Другое	5	6	5	5

*Количество процентов по вертикали больше 100, так как респонденты могли указать несколько вариантов ответов

Как видим, для юношей социальные сети – это в основном инструмент для коммуникации и получения информации. Для девушек социальные сети – это развлечение, совершение онлайн покупок, общение и получение информации.

Опрошенные могли пояснить свои ответы. Так, 34 % девушек из ЯГПУ и 32 % девушек из ЯрГУ отметили, что, если лекции проходят скучно и не интересно, то они выходят в социальные сети и общаются с друзьями или читают новости в

мире моды и т. п. 53 % юношей и 79 % девушек отметили, что социальные сети им позволяют презентовать себя. Девушки выставляют чаще всего фотографии отфотошопленные, кроме того пытаются продемонстрировать, как и юноши, красивую и успешную жизнь, то есть выставляют в социальных сетях фотографии, где они на фоне красивых машин, пейзажей, дорогих

ресторанов и витрин магазинов и т. п. 75 % девушек пояснили, что ежедневно (хотя бы один раз) они просматривают кто и сколько раз (лайкнул и т. п.) оценил их фотографии в социальных сетях, таким образом, они поднимают самооценку.

Далее мы предложили нашим респондентам оценить свои навыки поиска информации в Интернете (табл. 5).

Таблица 5.

Распределение ответов на вопрос: «Оцените свои навыки поиска информации в интернете» (в %, от числа опрошенных)

Ответы	Студенты, n = 840			
	ЯГПУ		ЯрГУ	
	юноши	дев.	юноши	дев.
Очень высокое	66	51	63	50
Высокое	20	20	29	19
Среднее	14	17	8	15
Ниже среднего	–	12	–	16
Низкое	–	–	–	–

Как видно, больше половины студентов, не зависимо от гендерных различий, оценивают свои навыки поиска информации в Интернете как очень высокие. Примечательно, что никто из опрошенных не считает, что у него «низкие» навыки поиска информации. Опрошенные могли пояснить свои ответы. Так, несмотря на очень оптимистичные ответы, большинство юношей и девушек указали, что с информационными запросами (поиск фактической информации), как правило, трудностей не возникает, но трудности возникают с навигационными запросами (поиск веб-сайта).

Далее мы изучали, каким образом студенты готовятся к занятиям? (табл. 6).

Абсолютно все опрошенные пояснили, что в социальных сетях у каждой студенческой группы есть специально созданные группы, которые выполняют организационно-информационную и учебно-воспитательную функцию. Большинство юношей и девушек при подготовке к занятиям активно используют информацию и ресурсы этих групп в социальных сетях, как правило, в сети «Вконтакте». Не может не радовать и то обстоятельство, что незначительный процент студентов рассчитывает при подго-

товке к занятиям только на лекционные записи в своих тетрадах. Студенты могли пояснить свои ответы. 66 % юношей и 51 % девушек отметили, что лекции конспекти-

руют в ноутбук, а не традиционно в тетрадь. Причем, чем старше по возрасту студенты, тем больше используют ноутбук, а не тетрадь.

Таблица 6.

Распределение ответов на вопрос: «Каким образом Вы готовитесь к занятиям?»* (в %, от числа опрошенных)

Ответы	Студенты, n = 840			
	ЯГПУ		ЯрГУ	
	юноши	дев.	юноши	дев.
В социальных сетях созданы группы, в которых имеется вся необходимая информация для подготовки к занятиям	58	82	61	85
Для написания рефератов, эссе, подготовки доклада беру информацию с различных образовательных порталов	57	80	60	83
Обращаюсь к рекомендуемой (основной и дополнительной) учебной литературе по данной теме. Иду в библиотеку вуза или в городскую библиотеку и т. п.	17	57	18	58
По лекционным записям в тетрадах	16	14	17	15
Все выше перечисленное	31	47	33	49
Другое	6	5	6	5

*Количество процентов по вертикали больше 100, так как респонденты могли указать несколько вариантов ответов

Далее мы анализировали, к каким образовательным порталам об-

ращаются студенты при подготовке к занятиям? (табл. 7).

Таблица 7.

Распределение ответов на вопрос: «К каким образовательным порталам обращаетесь при подготовке к занятиям?»* (в %, от числа опрошенных)

Ответы	Студенты, n = 840			
	ЯГПУ		ЯрГУ	
	юноши	дев.	юноши	дев.
Википедия	100	100	100	100
КиберЛенинка	63	68	59	65
Федеральный правовой портал «Юридическая Россия»	12	8	13	7
Федеральный образовательный портал «Экономика. Социология. Менеджмент»	44	37	45	38
Социально-гуманитарное и политологическое образование	53	50	51	48

Ответы	Студенты, n = 840			
	ЯГПУ		ЯрГУ	
	юноши	дев.	юноши	дев.
Информационно-коммуникационные технологии в образовании	21	19	23	17
Союз образовательных сайтов	24	22	21	23
Научно-образовательный портал IQ – Высшая школа экономики	17	15	18	16
elibrary.ru – научная электронная библиотека	51	50	53	54
Научно-образовательный портал вуза	70	67	70	68
Российский портал открытого образования	16	14	18	15
Другое	6	5	7	6

*Количество процентов по вертикали больше 100, так как респонденты могли указать несколько вариантов ответов.

Все опрошенные отметили, что в первую очередь обращаются к Википедии. При этом пояснили, что данный сайт очень быстро позволяет погрузиться в тему. Только 44 % юношей и 35 % девушек указали, что информацию с сайта Википедия используют как дополнительный источник информации, причем

очень поверхностной информации. Больше половины опрошенных обращаются за помощью к научно-образовательным порталам вуза.

Далее мы изучали, как родители студентов относятся к тому, что они проводят время в социальных сетях? (табл. 8).

Таблица 8.

Распределение ответов на вопрос: «Как относятся ваши родители к тому, что много времени проводите в социальных сетях?» (в %, от числа опрошенных)

Ответы	Студенты, n = 840			
	ЯГПУ		ЯрГУ	
	юноши	дев.	юноши	дев.
Негативно	68	60	65	62
Положительно	24	33	28	30
Нейтрально	8	7	7	8

Из ответов видно, что больше половины студентов отметили, что их родители негативно относятся к тому, что они много проводят времени в социальных сетях.

Учитывая, что формирование личности и ее социальные практики во многом зависят от типа воспита-

ния в семье, от уровня образования и статуса родителей и т. п., мы изучали, какой уровень образования у наших респондентов и кем работают их родители (табл. 9-12).

Как видно из ответов табл. 10, уровень образования у матери, в среднем чуть выше, чем у отца.

Таблица 9.

Распределение ответов на вопрос: «Уровень образования Вашего отца?» (в %, от числа опрошенных)

Ответы	Студенты, n = 840			
	ЯГПУ		ЯрГУ	
	юноши	дев.	юноши	дев.
Высшее	16	16	18	17
Среднее профессиональное	23	21	20	23
Среднее общее образование	38	40	37	35
Основное общее образование	10	12	11	13
Начальное общее образование	13	11	14	12

Таблица 10.

Распределение ответов на вопрос: «Уровень образования Вашей матери?» (в %, от числа опрошенных)

Ответы	Студенты, n = 840			
	ЯГПУ		ЯрГУ	
	юноши	дев.	юноши	дев.
Высшее	21	22	24	22
Среднее профессиональное	19	18	18	20
Среднее общее образование	36	38	35	33
Основное общее образование	14	13	11	14
Начальное общее образование	10	9	12	11

Таблица 11.

Распределение ответов на вопрос: «Кем работает Ваш отец?» (в %, от числа опрошенных)

Ответы	Студенты, n = 840			
	ЯГПУ		ЯрГУ	
	юноши	дев.	юноши	дев.
Работает по найму	64	60	66	58
Владелец фирмы, работодатель	10	15	11	13
Самозанятый (индивидуальная деятельность)	12	11	11	14
Не работает	8	9	7	10
Другое (пенсионер и т. п.)	6	5	5	5

У большинства студентов отцы работают по найму. Собственный бизнес только у небольшого числа отцов студентов. Такую же примерно ситуацию мы наблюдаем и у матерей студентов (табл. 12).

Таблица 12.

**Распределение ответов на вопрос: «Кем работает Ваша мама?»
(в %, от числа опрошенных)**

Ответы	Студенты, n = 840			
	ЯГПУ		ЯрГУ	
	юноши	дев.	юноши	дев.
Работает по найму	61	64	63	57
Владелец фирмы, работодатель	14	11	14	14
Самозанятый (индивидуальная деятельность)	13	12	11	16
Не работает	7	8	7	8
Другое	5	5	5	5

Студенты в ходе опроса могли пояснить свои ответы. Установили, что чем выше социально-экономический статус семьи (высшее образование родителей, материальное благополучие и т. п.) студента, тем больше

времени разрешают (разрешали) родители тратить ему на социальные сети. То есть, нашла подтверждение гипотеза 5. Далее мы изучали, какие есть достоинства и недостатки, по мнению студентов (табл. 13).

Таблица 13.

Распределение ответов на вопрос: «Какие на ваш взгляд существуют достоинства и недостатки у социальных сетей?»* (в %, от числа опрошенных)

Ответы	Студенты, n = 840			
	ЯГПУ		ЯрГУ	
	юноши	дев.	юноши	дев.
Положительные стороны социальных сетей				
Общение в любое время и с кем угодно	100	100	100	100
Новые идеи (полезную информацию)	70	50	73	51
Инструмент для саморазвития (познавательные фильмы, читать интересные книги, изучать иностранные языки и т. п.)	66	45	68	44
Социальные сети могут помочь во время учебного процесса	65	58	63	57
Скрытность (неуязвимость)	57	62	59	63
Новые знакомства	54	81	52	80
Отсутствие границ	50	78	51	81
Приятное времяпровождение	39	49	37	46
Возможности (можно заработать деньги)	38	45	39	46
Другое	5	6	5	6
Отрицательные стороны социальных сетей				
Вседозволенность	36	40	37	42
Вирусы	28	26	30	25
Зависимость от социальных сетей	27	35	29	38

Ответы	Студенты, n = 840			
	ЯГПУ		ЯрГУ	
	юноши	дев.	юноши	дев.
При определенных условиях может отрицательно сказываться на нашем здоровье	26	24	28	25
Мошенники и преступники	24	31	26	34
Человек теряет навык реального общения	15	21	17	23
Понижение самооценки	14	42	12	40
Риск (на аватаре не тот человек)	12	23	14	22
Возможность развития фобий	8	10	7	12
Другое	6	5	5	5

*Количество процентов по вертикали больше 100, так как респонденты могли дать несколько вариантов ответов

Как видно, значительная часть студентов имеет четкие представления об опасностях, которые несут в себе социальные сети.

65 % юношей и 58 % девушек из ЯГПУ и 63 % юношей и 57 % девушек из ЯрГУ отметили, что соци-

альные сети могут помочь во время учебного процесса.

Далее мы изучали, какие качества, знания, умения и навыки необходимы студентам для успешной самореализации (табл. 14).

Таблица 14.

Ответы респондентов на вопрос: «Какие качества, знания, умения и навыки необходимы современному человеку для успешной жизнедеятельности в социуме?»* (в %, от числа ответивших)

Ответы	Студенты, n = 840			
	ЯГПУ		ЯрГУ	
	юноши	дев.	юноши	дев.
Способность работать с современными средствами массовой информации	82	79	89	80
Умение обращаться с деньгами, понимать структуру своих доходов и расходов, планировать свое финансовое будущее	64	81	42	80
Предприимчивость (действовать в быстро меняющихся неопределенных условиях)	63	58	59	60
Способность мыслить нестандартно и гибко	47	50	62	52
Умение создавать и сохранять семью	42	88	44	87
Знание английского языка	41	45	42	41
Сотрудничество в виртуальном пространстве	39	30	40	33
Находить и обрабатывать информацию	33	40	31	43
Межкультурные компетентности	30	42	31	41
Умение учиться	27	29	28	28
Другое	5	6	5	5

*Количество процентов по вертикали больше 100, так как респонденты могли указать несколько вариантов ответов

Значительная часть респондентов отметила, что им не хватает навыков и умений по работе с современными средствами массовой информации. Это особенно интересно, что больше половины студентов не зависимо от гендерных различий оценивают свои навыки поиска информации в Интернете как очень высокие (табл. 5).

Далее мы изучали мотивы выбора учебного заведения (табл. 15), так как успех в учебе зависит не только от типа воспитания в семье и материального положения семьи. Хорошая успеваемость, в частности, зависит и от того как организован учебный процесс в вузе и от мотивации обучающегося.

Таблица 15.

Ответы респондентов на вопрос: «Мотивы выбора учебного заведения?»* (в %, от числа ответивших)

Ответы	Студенты, n = 840			
	ЯГПУ		ЯрГУ	
	юноши	дев.	юноши	дев.
Получить хорошее образование	65	56	61	53
Это престижное учебное заведение	51	65	87	90
В это учебное заведение поступали/поступают друзья	51	56	52	59
Доступная для семьи стоимость обучения	28	26	25	27
Этого хотят родители	24	20	21	22
Все равно какой вуз лишь бы не служить в армии, лишь бы получить заветные «корочки»	17	13	15	14
Это единственное заведение, в которое могу поступить	16	12	14	13
Удобное расположение учебного заведения	13	12	11	14
Есть нужные связи для поступления	–	–	–	–
Другое	5	6	5	5

*Количество процентов по вертикали больше 100, так как респонденты могли дать несколько вариантов ответов

Больше половины опрошенных поступили в свои учебные заведения, чтобы получить хорошее (качественное) образование. К сожалению, мы видим, что ряд студен-

тов поступили, не осознано, лишь бы не служить в армии и т. п.

Далее мы изучали успеваемость студентов (табл. 16).

Таблица 16.

**Ответы респондентов на вопрос: «Какая Ваша успеваемость?»
(в %, от числа опрошенных)**

Ответы	Студенты, n = 840			
	ЯГПУ		ЯрГУ	
	юноши	дев.	юноши	дев.
На отлично	12	14	11	15
На хорошо и отлично	19	22	18	23
На хорошо	35	37	34	35
На хорошо и удовлетворительно	21	13	19	13
В основном удовлетворительно	8	8	13	9
Часто получаю неудовлетворительные оценки на экзамене или не с первого раза сдаю зачет	5	6	5	5

Отрадно, что 66 % юношей и 73 % девушек из ЯГПУ, 63 % юношей и 73 % девушек из ЯрГУ учатся без удовлетворительных оценок. Сравнивая мотивы выбора вуза (направления обучения) с успеваемостью студентов установили, что чем более осознано выбран вуз для

поступления, тем выше успеваемость во время обучения в вузе.

Далее анализировали, как студенты относятся к идее запрета на пользование социальными сетями во время учебных занятий (табл. 17).

Таблица 17.

**Распределение ответов на вопрос: «Как Вы относитесь к идее запрета на пользование социальными сетями во время учебных занятий?»
(в %, от числа опрошенных)**

Ответы	Студенты, n = 840			
	ЯГПУ		ЯрГУ	
	юноши	дев.	юноши	дев.
Абсолютно решена смысла	56	54	51	49
Актуально только на время экзаменов, зачетов, проверочных работ и т. п.	26	28	30	35
Вполне рациональная мера	12	13	14	11
Затрудняюсь ответить	6	5	5	5

Как видно, больше половины опрошенных против запрета на пользование социальными сетями во время учебных занятий.

В рамках исследования проводили интервью со студентами и преподавателями.

Далее мы приводим данные из интервью ряда студентов.

Ульяна, 20 лет.

«Меня очень раздражает, когда мои одногруппники, раньше одноклассники пишут мне в социальных сетях с грамматическими ошибками»

ми. Особенно плохо знают русский язык юноши. Я их всегда стараюсь поправить. Я лично в социальной сети вконтакте подписана на образовательные группы, чтобы постоянно совершенствовать свои знания, в том числе и по русскому языку. Несмотря на то, что я стараюсь все время совершенствовать свои навыки, у меня до сих пор возникают проблемы при составлении поисковых запросов «.

Анна, 22 года.

«Мне очень нравятся группы, в которых можно подчеркнуть мудрые цитаты. Я подписана в 20 таких группах. С помощью этих цитат я выражаю у себя на «стене» вконтакте свое настроение и совершенствую свои знания, так как я всегда запоминаю ФИО автора (ученого) понравившегося высказывания. Когда у меня есть много свободного времени я анализирую свою ленту, смотрю, что писала год назад, два года назад, но не удаляю свои записи, ностальгирую по прошлому».

Игорь, 22 года.

«Я когда готовлюсь к семинарам и практическим занятиям у меня всегда играет музыка, а также идет переписка в соцсетях, и иногда на видеосвязи висит кто-то из друзей».

Здесь мы видим, как Игорь стремится обработать большое количество информации и решить одновременно множество задач. В условиях динамичных изменений

мультизадачность – это нормальное явление.

Далее мы приводим некоторые высказывая из интервью с преподавателями.

Профессор, 65 лет.

«В Великобритании в некоторых школах введен запрет на пользование сотовыми телефонами. Так как этот запрет действует уже несколько лет, уже можно говорить о некоторых промежуточных результатах. Так, в частности, запреты способствовали повышению оценок 16-летних учащихся на 6,5 процента. Полагаю, что в российских школах, и в вузах необходимо также ввести запрет на пользование телефонами и планшетами. С другой стороны, иногда преподаватели не способны в силу своей квалификации сделать лекцию или семинар интересными. Чтобы переклЮчить студента с социальных сетей, нужно предложить что-то интересное. Необходимо использовать интерактивные методы обучения».

Доцент, 45 лет.

«Необходимо запретить пользоваться телефонами на занятиях, особенно на практических и семинарских занятиях. Например, в Японии и во Франции введен запрет на использование мобильных телефонов в начальной и средней школе. Полагаю, что запрет нужен не только для школьников, но и для студентов, чтобы не отвлекались

во время занятий и не пытались списывать».

Доцент, 40 лет.

«Сотовые телефоны необходимо запретить использовать во время занятий. Но можно и даже нужно разрешить пользоваться в рамках учебного процесса планшетами, айпадами».

Как видно, преподаватели, ссылаясь на зарубежный опыт, предлагают в основном меры, направленные на запрет и ограничение пользования сотовыми телефонами и гаджетами. Очевидно, что только запретами данную ситуацию не исправить.

Выводы и рекомендации

В рамках исследования было установлено, что для студентов, которые имеют развитые навыки, знания и умения в сфере поиска и обработки информации и осознано выбрали направление обучения и вуз, социальные сети способствуют повышению успеваемости. Студенты, поступившие по мотивам все равно какой вуз и направление обучения, социальные сети являются способом ухода от реальности.

Для повышения успеваемости студентов необходимо:

- разработать курс для студентов, в рамках которого обучать необходимым навыкам и умениям поиска информации в интернете, развивать навыки критического мышления;
- запретить пользоваться сотовыми телефонами во время проведения занятий;
- систематически и целенаправленно преподавателям вузов проходить повышение квалификации по программам подготовки преподавателей к онлайн-обучению;
- преподавателям разрабатывать онлайн курсы по читаемым курсам с использованием различных форм цифрового контента;
- создавать в социальных сетях группы, в которых не только вести общение студентов с преподавателями, но и постоянно обновлять для студентов и преподавателей научную и учебную в них информацию.
- постоянно проводить социологические исследования в рамках, которых анализировать потребности, интересы, ценности студентов, их предпочтения в касательно социальных сетей.

Библиографический список

1. Батракова, Л. Г. Экономические интересы и экономические отношения в сфере образования [Текст] / Л. Г. Батракова // Социально-политические исследования. - 2018. - № 1. - С. 64-75.
2. Епархина, О. В. Социальная напряженность в городской среде: методы и практика исследований [Текст] / О. В. Епархина // В сборнике: Педагогическое наследие К. Д. Ушинского материалы научно-практической конференции. Ответственный редактор Е. О. Иванова. - 2014. - С. 287-291.

3. Коряковцева, О. А. Развитие общественно-политической активности молодежи в условиях модернизации общества [Текст] / О. А. Коряковцева // Средне-русский вестник общественных наук. 2009. № 2 (11). С. 117-122.
4. Таланов, С. Л. Социализация молодежи и перспективы развития высшего образования [Текст] / С. Л. Таланов // Alma Mater. Вестник высшей школы. – 2010. – № 6. – С. 34-36.
5. Berezin D. T. Economy education courses role in promotion of students ABC of finance (Rybinsk Branch of RANEPa) // European Journal of Natural History. – 2019. – № 1.
6. Forkosh-Baruch, A., & Hershkovitz, A. A case study of Israeli higher-education institutes sharing scholarly information with the community via social networks // Internet and Higher Education, 2012. Vol.15, pp. 58-68.
7. Hurt, N., Moss, G., Bradley, C., Larson, L., Lovelace, M., Prevost, L., Riley, N., Domizi, D., & Camus, M. The 'Facebook' effect: college students' perceptions of online discussions in the age of social networking // International Journal for the Scholarship of Teaching and Learning. 2012. Vol. 6(2), pp. 1-24.
8. Jain, N., Verma, A., Verma, R., & Tiwari, P. Going Social: The impact of social networking in promoting education // IJCSI International Journal of Computer Science. 2012. Vol. 9 (1), pp. 483-485.
9. Jusuf Zekiri The impact of social networks on students' performance // Academic Journal of Business, Volume 2, Number 3, 2016, pp. 182-193 (12).
10. Karim Al-Yafi, Mazen El-Masri, Ray Tsai. The effects of using social network sites on academic performance: the case of Qatar // Journal of Enterprise Information Management. 2018. Vol. 31. №3, pp. 446-462. <https://doi.org/10.1108/JEIM-08-2017-0118>
11. Nilashi, M., Ibrahim, O. The impact of social networking sites on students' social wellbeing and academic performance // Education and Information Technologies. 2019. Volume 24, Issue 3, pp 2081-2094.
12. Ritzer G. The Mcdonaldization of Society. Pine Forge Press, 2000. P. 1-2.

Bibliograficheskij spisok

1. 1. Batrakova, L. G. Jekonomicheskie interesy i jekonomicheskie otnoshenija v sfere obrazovanija [Tekst] / L. G. Batrakova // Social'no-politicheskie issledovanija. 2018. – № 1. – S. 64–75.
2. Eparhina, O. V. Social'naja naprjazhennost' v gorodskoj srede: metody i praktika issledovanij [Tekst] / O. V. Eparhina // V sbornike: Pedagogicheskoe nasledie K. D. Ushinskogo materialy nauchno-prakticheskoj konferencii. Otvet-stvennyj redaktor E. O. Ivanova. – 2014. – S. 287–291.
3. Korjakovceva, O. A. Razvitie obshhestvenno-politicheskoy aktivnosti molo-dezhi v uslovijah modernizacii obshhestva [Tekst] / O. A. Korjakovceva // Sredne-russkij vestnik obshhestvennyh nauk. 2009. № 2 (11). S. 117–122.
4. Talanov, S. L. Socializacija molodezhi i perspektivy razvitija vysshego obra-zovanija [Tekst] / S. L. Talanov // Alma Mater. Vestnik vysshej shkoly. – 2010. – № 6. – S. 34–36.

5. Berezin D. T. Economy education courses role in promotion of students ABC of finance (Rybinsk Branch of RANEPa) // European Journal of Natural History. – 2019. – № 1.
6. Forkosh-Baruch, A., & Hershkovitz, A. A case study of Israeli higher-education institutes sharing scholarly information with the community via social networks // Internet and Higher Education, 2012. Vol.15, pp. 58–68.
7. Hurt, N., Moss, G., Bradley, C., Larson, L., Lovelace, M., Prevost, L., Riley, N., Domizi, D., & Camus, M. The 'Facebook' effect: college students' perceptions of online discussions in the age of social networking // International Journal for the Scholarship of Teaching and Learning. 2012. Vol. 6(2), pp. 1–24.
8. Jain, N., Verma, A., Verma, R., & Tiwari, P. Going Social: The impact of social networking in promoting education // IJCSI International Journal of Computer Science. 2012. Vol. 9 (1), pp. 483 485.
9. Jusuf Zekiri The impact of social networks on students' performance // Academic Journal of Business, Volume 2, Number 3, 2016, pp. 182–193 (12).
10. Karim Al-Yafi, Mazen El-Masri, Ray Tsai. The effects of using social network sites on academic performance: the case of Qatar // Journal of Enterprise Information Management. 2018. Vol. 31. №.3, pp. 446 462. <https://doi.org/10.1108/JEIM-08 2017 0118>
11. Nilashi, M., Ibrahim, O. The impact of social networking sites on students' social wellbeing and academic performance // Education and Information Technologies. 2019. Volume 24, Issue 3, pp 2081–2094.
12. Ritzer G. The Mcdonaldization of Society. Pine Forge Press, 2000. P. 1–2.

Л. Б. Райхельгауз <https://orcid.org/0000-0001-9797-794X>

Репетиторство как социально-педагогический феномен

Статья посвящена анализу одного из наиболее распространенных видов неформальных образовательных практик в стране и в мире – индивидуальному дополнительному образованию, или репетиторству. Отмечается, что на сегодняшний день в официальной педагогической науке к частной практике репетиторства, в целом, сложилось негативное отношение. Вместе с тем анализ показал, что нет репрезентативных исследований эффективности данной формы обучения. Эмпирические данные, полученные в разных странах мира, противоречивы и не имеют четких методологических оснований. В связи с чем провести компаративный анализ практически невозможно. Вместе с тем, анализ востребованности репетиторства, запросов родителей и учеников, удовлетворенности результатами такой формы образования показал, что данная практика заняла устойчивую позицию на рынке образовательных услуг. В связи с чем автором предлагается рассматривать репетиторство как социально-педагогический феномен и актуализировать анализ репетиторских практик. Типологизация моделей индивидуального дополнительного обучения, изучение методов индивидуализации, стандартизация требований к частным репетиторским услугам, по мнению автора данной статьи, позволит сформировать рекомендации для родителей по выбору эффективного педагога для своих детей.

Ключевые слова: индивидуализация, образовательные услуги, репетиторство, социально-педагогический подход.

L. B. Raikhelgauz

Private tutoring as a socio-pedagogical phenomenon

the Article is devoted to the analysis of one of the most common types of non-formal educational practices in the country and in the world – individual additional education, or tutoring. It is noted that today in the official pedagogical science to the private practice of tutoring, in General, there was a negative attitude. However, the analysis showed that there are no representative studies of the effectiveness of this form of training. Empirical data obtained in different countries of the world are contradictory and do not have clear methodological grounds. Therefore, it is almost impossible to carry out a comparative analysis. At the same time, the analysis of the demand for tutoring, requests of parents and students, satisfaction with the results of this form of education showed that this practice has taken a stable position in the market of educational services. In this connection, the author proposes to consider tutoring as a

socio-pedagogical phenomenon and to update the analysis of tutoring practices. Typology of models of individual additional training, the study of methods of individualization, standardization of requirements for private tutoring services, according to the author of this article, will form recommendations for parents to choose an effective teacher for their children.

Key words: individualization, educational services, tutoring, socio-pedagogical approach.

Анализ феномена частного репетиторства показывает, с одной стороны, что оно стало постоянным фактором обучения. С другой стороны, эта практика является проблематичной, часто осуждаемой, поскольку направлена на компенсацию недостатков школьной системы. Многие публикации по репетиторству носят негативный характер: данный вид образовательных услуг называется «проблемой педагогической науки и практики» [8], теневой стороной образования, и даже «ментальной болезнью учителей» [2].

Вместе с тем, частное репетиторство имеет давнюю традицию, восходящую к Древней Греции, еще Сократ вовлекал каждого из своих учеников в умозрительные диалоги. Эта традиция продолжалась и в римскую эпоху, когда Цицерон учил своих учеников принципам риторики, основываясь на индивидуальном подходе. Великие итальянские ученые эпохи Возрождения Велторино де Фельтре, Гуарино да Верона, Кастильоне и другие служили наставниками при дворах вельмож. Королевские семьи Европы использовали репетиторов для обучения своих детей. И эта практика распространялась сначала на дворян-

ство, потом перешла к крупным землевладельцам, затем к растущему буржуазному классу и, наконец, к прагматичному среднему классу. Эразмус, Томас Мор, Роджер Эшем, Томас Эллиот и другие написали работы, пропагандирующие использование репетиторов в качестве альтернативы некачественным школам своего времени. Джон Локк, Франсуа Фенелон, Жан-Жак Руссо и другие рассматривали домашнее обучение как идеальную форму образования.

Сегодня многие виды частных репетиторских услуг весьма популярны и широко доступны. При этом относительно мало исследований было проведено по вопросу о взаимоотношениях между работой школьников с репетитором и их академической успешностью [9, 11, 13]. В попытках доказательства эффективности частного репетиторства используются противоречивые и смешанные результаты. Так, ряд исследований показал положительную взаимосвязь между частным репетиторством и академическими достижениями школьников: в Германии [15], Японии [16] и Вьетнаме [12], а ряд отрицательную: в Корее [14] и Сингапуре [10]. Тем не менее, к результатам этих исследова-

ний следует относиться с осторожностью, потому что в их ходе не контролировалась достоверным образом внутренняя предопределенность репетиторских практик, независимость частного обучения от внешних факторов, тем самым данные результаты нельзя считать в полной мере надежными.

Не получено достоверных результатов и на российских выборах.

В 2017 г. в публикации «Российской газеты» с говорящим названием «Школьники не могут сдать ЕГЭ без репетитора» сообщалось: «По разным оценкам, от 10 до 70 % учителей подрабатывают репетиторами и 24 % учеников пользуются услугами частных педагогов». В той же статье приводилось следующее мнение одного из частных преподавателей Санкт-Петербурга: «Сейчас репетиторы есть у всех школьников. Сначала это было стыдно, мол, ребенок от программы отстает, потом стало круто, а теперь уже необходимо. Почему? Школа в последнее время стала уstraняться от ответственности за образование и потихоньку перекладывает ее на плечи родителей или дополнительных курсов, которые сейчас тоже обязательны. Мамы и папы рассказывают, что в некоторых школах Петербурга накануне экзаменов их даже просят подписать бумаги, что к результатам ЕГЭ и ГИА они претензий не имеют. То есть школа изначально ничего не гарантирует» [1].

Наиболее масштабным можно назвать исследование Высшей школы экономики, которое было проведено с 2 936 учениками выпускных классов в 127 школах трех российских регионов, в ходе которого не было выявлено значимых корреляций между занятием с репетитором и высокими баллами ЕГЭ [6]. При этом в данном исследовании использовались весьма ненадежная независимая переменная – средний балл аттестата, плохо дифференцирующий большинство учащихся по уровню знаний по данным предметам. Согласимся с Л. М. Нуриевой и С. Г. Киселевым, что равнение баллов ЕГЭ со средней оценкой аттестата практически ничего не говорит о достижениях школьников при подготовке к обязательным экзаменам вне зависимости от того, занимались ли они с репетиторами или нет [5].

Несмотря на споры об эффективности частного репетиторства, оно по-прежнему востребовано, как в России, так и в других странах. Анализ отечественных и зарубежных публикаций показал, что существует три основных мотива для участия в частном обучении: ориентированный на учащихся, ориентированный на школьную систему и ориентированный на родителей. Мотивы, ориентированные на учащихся, связаны, например, с пропуском уроков или непониманием школьниками материала и направлены на ликвидацию пробелов в знаниях. Мотивы, ориентированные на школьную систему, относятся к

ощущаемым недостаткам в системе образования (большое число учащихся в одном классе, нехватка учителей, перегруженность учебных программ, стрессовый подход к контролю знаний). Мотивы, ориентированные на родителей, связаны с их ожиданиями и устремлениями по отношению к уровню образования своего ребенка (получение высшего образования или поступление в престижный вуз), которые частично не соответствуют фактическим возможностям или текущей успеваемости детей.

Что касается видов репетиторства, то наиболее распространенным в зарубежной практике является частный учитель (зачастую пенсионер), который работает с детьми после школы на дому или в классе за почасовую оплату. Как правило, эти учителя выполняют функции помощников по домашним заданиям. На западе также распространены репетиторы-волонтеры, которые предлагают помощь по домашнему заданию, в том числе задания по телефону. Некоторые из этих программ получают федеральное финансирование и контролируются профессиональными педагогами.

Если говорить о российских практиках, то здесь стоит сослаться на исследование А. А. Наумовой, которая сформировала портрет современного репетитора [4]. Ее вывод заключается в том, что современный репетитор – это чаще всего специалист с высшим педагогическим образованием, но препода-

ющий предмет в соответствии со своим профильным направлением подготовки. При этом он работает либо имеет опыт работы в сфере образования. В большинстве случаев это педагог, оказывающий платные образовательные услуги по подготовке к итоговой государственной аттестации (ОГЭ, ЕГЭ) по математике, русскому языку, помогающий осваивать иностранные языки, либо осуществляющий подготовку к обучению, а также сопровождающий процесс обучения в начальной школе.

В этом же исследовании отмечается, что типичный частный преподаватель имеет опыт работы репетиторства от 5 до 10 лет, работает как у себя на дому, так и с выездом на дом к ученику, предпочитает личный контакт дистанционному формату обучения.

Конкретизируем некоторые требования к личности репетитора, отмеченные нами в изучении запросов родителей и учеников, проводимом в течение пяти лет (таблица 1).

Как видно из таблицы 1, первое место в рейтинге и у детей, и у родителей, занимает владение предметом. В индивидуальных беседах родители поясняли, что под этим помимо собственно знания, они подразумевают еще и владение логикой школьной программы и понимание особенностей учебников. На втором месте в обеих выборках – способность доступно объяснять материал, родители при этом отвечали чуть более емко – говоря о знании спе-

цифики ведения индивидуальной работы в целом. Важными как родителям, так и ученикам представляются личностные качества репетитора: терпеливость и уравновешенность в работе с детьми, доброжелательность, пунктуальность. Некоторо-

рые родители отмечают в качестве желательного знание психологии возраста, специфики формирования познавательного интереса к предмету. А для учеников важнее умение мотивировать, умение заинтересовать, увлечь.

Таблица 1.

**Качества, востребованных при выборе репетитора
(место в рейтинге выборов учеников и их родителей)**

Качество	Обучающиеся (n = 342)	Родители (n = 331)
Хорошее владение предметом	1	1
Способность доступно объяснять материал	2	2
Терпеливость	3	5
Уравновешенность	7	4
Пунктуальность	11	6
Умение мотивировать	6	3
Знание возрастной психологии	17	8
Умение заинтересовать	5	9

В связи с вышесказанным считаем, что основной ролью современного репетитора является роль фасилитатора. Сегодня успешность, эффективность педагогической деятельности как педагогов массовой школы, так и педагогов-репетиторов, работающих в неофициальном образовательном пространстве во многом связывается с умением педагога создавать атмосферу взаимопонимания, доверия, сотрудничества, которая способствует развитию личности ребенка, обеспечивает условия для раскрытия его способностей и возможностей.

В переводе с английского facilitate обозначает «облегчать, продвигать». Именно исходя из данного значения вытекает, что главной задачей педагога, занима-

ющего позицию фасилитатора, является стимулирование процесса обучения. А для этого необходимо умение создавать соответствующую интеллектуальную и эмоциональную обстановку, атмосферу психологической поддержки, помощи и взаимопомощи [7].

На наш взгляд, принимая роль фасилитатора репетитор занимает классическую для индивидуального обучения позицию: он организует деятельность ученика, инициирует, управляет, направляет, помогает ему в постижении нового опыта, учит получать удовольствие от мышления и процесса познания. Хороший репетитор всегда ищет новые педагогические приемы, предполагающие активизацию познавательной деятельности учени-

ка. И, поскольку в индивидуальном процессе обучения главной фигурой является обучающийся как субъект собственного образования, познавательной деятельности и когнитивного становления, репетитор лишь направляет его деятельность с целью дальнейшего развития.

Таким образом, под фасилитацией понимают стратегию обучения, при которой педагог занимает позицию помощника и оказывает обучающемуся помощь, когда ему необходимо осуществлять самостоятельный поиск информации или осваивать новые умения и навыки. Это как нельзя лучше отражает суть репетиторства и вместе с тем требует от педагога особых качеств и компетенций.

Исследования, проведенные Н. Г. Крыловой, показали, что педагоги-репетиторы, ориентированные на ребенка и склонные к фасилитаторскому стилю, легко и быстро вступают в контакт с детьми и способны устанавливать с ними глубокие и тесные отношения. Для педагогов, придерживающихся помогающего стиля в общении с детьми, характерно активно-положительное отношение к учащимся, адекватная оценка их возможностей, успехов и неудач. Таким педагогам свойственно глубокое понимание учащихся, способность выявить ведущие цели и мотивы его поведения, умение прогнозировать развитие его личности, эти педагоги имеют высокий «рейтинг успешности» среди учащихся и родителей, при-

нимая на себя выполнение как правило всех функций: посреднической, психолого-профилактической; информационной; консультационно-образовательной [3]. Таким образом, фасилитация – наиболее подходящая стратегия педагогической деятельности для репетиторских практик.

Подводя итог данной статьи отметим, что репетиторство не является упреком по отношению к школе. Такие услуги не представляются соревнованием со школой. Скорее, это признание того, что многие обучающиеся, по разным причинам, могут лучше учиться в условиях индивидуализации, и репетиторство может это обеспечить. Репетиторы могут анализировать потребности ученика в обучении (диагностика) и могут адаптировать его опыт обучения (индивидуализация).

Спрос на частное репетиторство продолжается, и все признаки указывают на то, что оно будет альтернативным образовательным вариантом еще на долгие годы. Следовательно, это актуализирует объективные исследования эффективности репетиторских практик, изучение методов индивидуального подхода, формирование высокого стандарта частных репетиторских услуг и формирование рекомендаций для родителей по выбору педагога для своих детей. Эти задачи мы попытаемся решить в ходе дальнейших исследований.

Библиографический список

1. Бугулова, И. Каждый четвертый школьник готовится к ЕГЭ с репетитором [Текст] // И. Бугулова, Н. Зайков, И. Ивойлова // Российская газета. Федеральный выпуск № 7224 (58). 20.03.2017 [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <https://rg.ru/2017/03/20/uchenye-podgotovka-k-ege-s-repetitorom-pribavit-lish-neskolko-balloov.html> (дата обращения: 02.08.2019).
2. Кравченко, Н. В. Репетиторство как форма проявления ментальной болезни учителей [Текст] / Н. В. Кравченко // Факторы и условия искоренения коррупции и других негативных явлений в образовании: психолого-педагогический аспект (на примере Краснодарского края) : Материалы Всеросс. науч.-практ. конф. (с междунар. участием) / под ред. Т. С. Анисимовой, Т. В. Суняйкиной. – Славянск-на-Кубани : Филиал Кубанского гос. ун-та в г. Славянске-на-Кубани, 2016, С. 103 – 104.
3. Крылова, Н. Г. Особенности самоактуализации и стиля педагогического общения педагога-репетитора (тьютора) [Текст] / Н. Г. Крылова // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. Серия: Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика. – 2012. – Т. 18. № 1-1. – С. 248-250.
4. Наумова, А. А. Портрет современного репетитора в оценках обучающихся и родителей: региональный анализ [Текст] / А. А. Наумова // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. – 2018. – № 5 (56). – с. 8-12.
5. Нуриева, Л. М. О бедном репетиторе замолвите слово (еще раз об эффективности репетиторства для подготовки к ЕГЭ) [Текст] / Л. М. Нуриева, С. Г. Киселев // Образование и наука. 2018. Т. 20, № 8. С. 148-163.
6. Соболевская, О. В. Репетиторы не помогут троечникам успешно сдать ЕГЭ [Текст] / О. В. Соболевская // Научно-образовательный портал IQ НИУ ВШЭ [Электрон. ресурс]. 2016, 18 января. Режим доступа: <https://iq.hse.ru/news/177663890.html> (дата обращения: 02.08.2019).
7. Тарханова, И. Ю. Интерактивные стратегии организации образовательного процесса в вузе: учебное пособие [Текст]. – Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2012. – 68 с.
8. Шипкова, Е. Н. Репетиторство как проблема педагогической науки и практики [Текст] / Е. Н. Шипкова // Ярославский педагогический вестник. – 2018. – № 2. – С. 39-46
9. Bray, M. Private supplementary tutoring: Comparative perspectives on patterns and implications. Compare: A Journal of Comparative Education. – 2006. – 36. – P. 515-530.
10. Cheo, R., & Quah, E. Mothers, maids, and tutors: An empirical evaluation of their effect on children's academic grades in Singapore. Education Economics. – 2005. – 13(3). – P. 269– 285.
11. Dang, H. A., & Rogers, F. H. The growing phenomenon of private tutoring: Does it deepen human capital, widen inequalities, or waste resources? The World Bank Research Observer. – 2008. – 23(2). – P. 161-200.

12. Ha, T. T., & Harpham, T. Primary education in Vietnam: Extra classes and outcomes. *International Education Journal*. – 2005. – 6(5). – P. 626-634.
13. Ireson, J., & Rushforth, K. Private tutoring at transition points in the English education system: Its nature, extent, and purpose. *Research Papers in Education*. – 2011. – 26(1). – P. 1-19.
14. Lee, J. Two worlds of private tutoring: The prevalence and causes of after-school mathematics tutoring in Korea and the United States. *Teachers College Record*. – 2007. – 109. – P. 1207-1234.
15. Mischo, C., & Haag, L. Expansion and effectiveness of private tutoring. *European Journal of Psychology of Education*. – 2002. – 17(3). – P. 263-273.
16. Stevenson, D. L., & Baker, D. P. Shadow education and allocation in formal schooling: Transition to university in Japan. *American Journal of Sociology*. – 1992. – 97. – P. 1639-1657.

Bibliograficheskij spisok

1. Bugulova, I. Kazhdyj chetvertyj shkol'nik gotovitsya k EGE s repetitorom [Tekst] // I. Bugulova, N. Zajkov, I. Ivojlava // Rossijskaya gazeta. Federal'nyj vypusk № 7224 (58). 20.03.2017 [Elektron. resurs]. Rezhim dostupa: <https://rg.ru/2017/03/20/uchenye-podgotovka-k-ege-s-repetitorom-pribavit-lish-neskolko-ballovo.html> (data obrashcheniya: 02.08.2019).
2. Kravchenko, N. V. Repetitorstvo kak forma proyavleniya mental'noj bolezni uchitelej [Tekst] / N. V. Kravchenko // Faktory i usloviya iskoreneniya korrupcii i drugih negativnyh yavlenij v obrazovanii: psihologo-pedagogicheskij aspekt (na primere Krasnodarskogo kraja) : Materialy Vseross. nauch.-prakt. konf. (s mezhdunar. uchastiem) / pod red. T. S. Anisimovoj, T. V. Sunyajkinov. – Slavyansk-na-Kubani : Filial Kubanskogo gos. un-ta v g. Slavyanske-na-Kubani, 2016. – S. 103 – 104.
3. Krylova, N. G. Osobennosti samoaktualizacii i stilya pedagogicheskogo obshcheniya pedagoga-repetitora (t'yutora) [Tekst] / N. G. Krylova // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. A. Nekrasova. Seriya: Pedagogika. Psihologiya. Social'naya rabota. Yuvnologiya. Sociokinetika. – 2012. – T. 18. – № 1-1. – S. 248-250.
4. Naumova, A. A. Portret sovremennogo repetitora v ocenках obuchayushchih i roditel'ej: regional'nyj analiz [Tekst] / A. A. Naumova // Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. – 2018. – № 5 (56). – S. 8-12.
5. Nurieva, L. M. O bednom repetitore zamolvite slovo (eshche raz ob effektivnosti repetitorstva dlya podgotovki k EGE) [Tekst] / L. M. Nurieva, S. G. Kiselev // Obrazovanie i nauka. – 2018. – T. 20. – № 8. – S. 148-163.
6. Sobolevskaya, O. V. Repetitory ne pomogut trochnikam uspešno sdāt EGE [Tekst] / O. V. Sobolevskaya // Nauchno-obrazovatel'nyj portal NIU VSHE [Elektron. resurs]. 2016, 18 yanvarya. Rezhim dostupa: <https://iq.hse.ru/news/177663890.html> (data obrashcheniya: 02.08.2019).
7. Tarhanova, I. Yu. Interaktivnye strategii organizacii obrazovatel'nogo processa v vuze: uchebnoe posobie [Tekst]. – Yaroslavl': Izd-vo YAGPU, 2012. – 68 s.

8. Shipkova, E. N. Repetitorstvo kak problema pedagogicheskoy nauki i praktiki [Tekst] // E. N. Shipkova // Yaroslavskij pedagogicheskij vestnik. – 2018. – № 2. – S. 39-46
9. Bray, M. Private supplementary tutoring: Comparative perspectives on patterns and implications. // A Journal of Comparative Education. – 2006. – 36. – P. 515-530.
10. Cheo, R., & Quah, E. Mothers, maids, and tutors: An empirical evaluation of their effect on children's academic grades in Singapore. // Education Economics. – 2005. – 13(3). – P. 269– 285.
11. Dang, H. A., & Rogers, F. H. The growing phenomenon of private tutoring: Does it deepen human capital, widen inequalities, or waste resources? // The World Bank Research Observer. – 2008. – 23(2). – P. 161-200.
12. Ha, T. T., & Harpham, T. Primary education in Vietnam: Extra classes and outcomes. // International Education Journal. – 2005. – 6(5). – P. 626-634.
13. Ireson, J., & Rushforth, K. Private tutoring at transition points in the English education system: Its nature, extent, and purpose. // Research Papers in Education. – 2011. – 26(1). – P. 1-19.
14. Lee, J. Two worlds of private tutoring: The prevalence and causes of after-school mathematics tutoring in Korea and the United States. // Teachers College Record. – 2007. – 109. – P. 1207-1234.
15. Mischo, C., & Haag, L. Expansion and effectiveness of private tutoring. // European Journal of Psychology of Education. – 2002. – 17(3). – P. 263-273.
16. Stevenson, D. L., & Baker, D. P. Shadow education and allocation in formal schooling: Transition to university in Japan. // American Journal of Sociology. – 1992. – 97. – P. 1639-1657.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Батракова Людмила Георгиевна – доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой экономической теории и менеджмента ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». E-mail: batrakova_l@rambler.ru

Березин Дмитрий Тимофеевич – кандидат технических наук, доцент кафедры экономической теории и менеджмента ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». E-mail: dimitry_rus_rub@rambler.ru

Кальсин Андрей Евгеньевич – доктор экономических наук, профессор кафедры экономической теории и менеджмента ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». E-mail: kalsin777@gmail.com

Краснова Галина Николаевна – старший преподаватель кафедры экономической теории и менеджмента ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». E-mail: g.krasnova@ysru.org

Коряковцева Ольга Алексеевна – доктор политических наук, директор института развития кадрового потенциала ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». E-mail: youth1@mail.ru

Никовская Лариса Игоревна – доктор социологических наук, главный научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН, профессор РАНХиГС. E-mail: nikovsky@inbox.ru

Пефтиев Владимир Ильич – доктор экономических наук, профессор кафедры экономической теории и менеджмента ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». E-mail: keu08@yandex.ru

Райхельгауз Леонид Борисович – кандидат физико-математических наук, доцент, доцент кафедры уравнений в частных производных и теории вероятностей ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет». E-mail: raikhelgauslb@gmail.com

Родина Галина Алексеевна – доктор экономических наук, профессор ФГБОУ ВО «Ярославский государственный технический университет». E-mail: galinarodina@mail.ru

Таланов Сергей Львович – кандидат социологических наук, доцент кафедры политологии и социологии ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». E-mail: talanov_sergei@mail.ru

Титова Ольга Николаевна – ведущий специалист ФГАУ ДПО «Центр реализации государственной политики и информационных технологий», г. Москва. E-mail: kassiopey@mail.ru

Якимец Владимир Николаевич – доктор социологических наук, главный научный сотрудник ИППИ РАН, профессор РАНХиГС. E-mail: iakimets@mail.ru

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Batrakova Ludmila Georgievna – doctor of economical sciences, professor, head of department of economical theory and management of Yaroslavl state pedagogical University named after K. D. Ushinsky, Yaroslavl. E-mail: batrakova_l@rambler.ru

Berezin Dmitrii Timofeevich – candidate of technical sciences, associate Professor of economical theory and management department of Yaroslavl state pedagogical University named after K. D. Ushinsky, Yaroslavl. E-mail: dimitry_rus_rub@rambler.ru

Kalsin Andrey Evgenievich – doctor of economical sciences, professor of the economical theory and management department of Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky, Yaroslavl. E-mail: kalsin777@gmail.com.

Krasnova Galina Nikolaevna – senior teacher of the economical theory and management department of Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky, Yaroslavl. E-mail: g.krasnova@yspu.org

Koryakovtseva Olga Alekseevna – doctor of political sciences, director of the further professional education institution of Yaroslavl state pedagogical University named after K. D. Ushinsky, Yaroslavl. E-mail: youth1@mail.ru

Nikovskaya Larisa Igorevna – doctor of social sciences, chief researcher at the Institute of sociology of the federal scientific and research center of sciences, professor of the Russian presidential academy of national economy and public administration. E-mail: nikovsky@inbox.ru

Raichelgaus Leonid Borisovich – candidate of physical and mathematical sciences, associate professor, associate professor of partial differential equations and probability theory, Voronezh state University. E-mail: raikhelgauslb@gmail.com

Rodina Galina Alekseevna – doctor of economical sciences, professor of Yaroslavl state technical University, Yaroslavl. E-mail: galinarodina@mail.ru

Peftiev Vladimir Ilich – doctor of economical sciences, professor of the economical theory and management department of Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky, Yaroslavl. E-mail: keu08@yandex.ru

Talanov Sergey Lvovich – candidate of social sciences, associate professor of political and sociological sciences department of Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky, Yaroslavl. E-mail: talanov_sergei@mail.ru

Talanov Sergey Lvovich – candidate of social sciences, associate professor of political and sociological sciences department of Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky, Yaroslavl. E-mail: talanov_sergei@mail.ru

Titova Olga Nikolaevna – leading specialist FGAU DPO «Center of implementation of public policies and information technology», Moscow. E-mail: kassiopey@mail.ru

Yakimets Vladimir Nikolaevich – doctor of social sciences, chief researcher of IPPI RAN, professor of the Russian presidential academy of national economy and public administration. E-mail: iakimets@mail.ru.

УСЛОВИЯ ПУБЛИКАЦИИ СТАТЬИ В НАУЧНОМ ЖУРНАЛЕ «СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ» И ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ РУКОПИСЕЙ

Компьютерный набор рукописи статьи на русском или английском языках, предназначенной для публикации в научном журнале, должен строго соответствовать следующим требованиям.

1. Одна страница текста формата А4 должна содержать не более 1900 знаков с учетом пробелов;

2. Поля: верхнее – 2 см, нижнее – 2 см, левое – 2,5 см, правое – 1,5 см; от края до колонтитула: верхнего – 2 см, нижнего – 2 см; абзацный отступ – 1,0; гарнитура Times New Roman; кегль 14; интервал 1,5.

3. Электронный вариант статьи выполняется в текстовом редакторе Microsoft Word и сохраняется с расширением doc.

4. Рукопись должна быть выполнена в соответствии со следующими критериями:

4.1. Индекс УДК.

4.2. Отрасль науки и шифр специальности, по которым написана статья (23.00.02 – Политические институты, процессы и технологии, 08-00-05 – Экономика и управление народным хозяйством (региональная экономика), 13.00.01 – Общая педагогика, история педагогики и образование, 13.00.05 – Теория, методика и организация социально-культурной деятельности, 13.00.08 – Теория и методика профессионального образования).

4.3. Сведения об авторе: Ф. И. О. автора (в том числе и в транслитерированном виде), контактный мобильный телефон, e-mail; ученая степень и звание, место работы (полное официальное название организации) и должность, адрес организации с индексом.

4.4. Название статьи на русском и английском языках.

4.5. Аннотация

– должна быть написана на русском и английском языках;

– должна содержать описание основных целей и задач исследования; в общих чертах, без углубления в детали, описывать ход проведения исследования;

– содержать описание наиболее значимых результатов исследования с указанием на их важность;

– в аннотации не должно быть ссылок на литературу и специальных аббревиатур; не должны повторяться сведения, содержащиеся в заглавии;

– в тексте аннотации следует употреблять значимые слова и словосочетания из основного текста статьи;

– текст должен соответствовать всем нормам и правилам соответствующего языка и не содержать стилистических, грамматических, орфографических и пунктуационных ошибок;

– объем каждой аннотации должен составлять от 210 до 250 слов.

4.6. Ключевые слова – не менее 7 и не более 12 (на русском и английском языках).

4.7. Идентификационный номер автора в ORCID.

4.8. Текст статьи.

4.9. Библиографический список (указывается в алфавитном порядке)

Библиографические ссылки на использованные источники необходимо указывать в тексте заключенными в квадратные скобки (например, [1], или [1, с. 27], или [1, с. 27-48]), Библиографический список должен быть оформлен по ГОСТу 7.1-2003. «Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления» сплошной нумерацией, 14 кеглем, через 1,5 интервала и размещен после текста статьи. Каждый источник,

указанный в списке литературы, должен иметь ссылку в тексте. Редакция будет отдавать приоритет статьям, соответствующим следующим условиям: количество ссылок должно содержать не менее 25 наименований, не менее 20 источников за последние 3 года. Ссылки на свои работы – 10 %. Ссылки на источники на иностранном языке – не менее 50 % приветствуется. Во всех источниках должны быть проставлены: страницы, год выпуска, город и издательство.

5. Примечания и постраничные сноски в статье не допускаются!

6. Таблицы, схемы, диаграммы, гистограммы должны быть оформлены в контрастной шкале серого цвета. Для рисунков используется gif-формат. Редакция не улучшает качества рисунков и не производит исправления ошибок, допущенных в рисунке. Каждый рисунок, таблица, схема должны иметь порядковый номер, название и объяснение всех условных обозначений. Все графы в таблицах должны быть озаглавлены. При обнаружении ошибок в рисунке, схеме, таблице редакция оставляет за собой право на удаление рисунка и текста, имеющего к нему отношение. Под таблицами и рисунками необходимо указывать источник, из которого взят рисунок или таблица (например: автор, книга, журнал и т. д.).

7. Единицы измерения приводятся в соответствии с международной системой единиц (СИ).

8. Если статья написана на основе эксперимента, то ее необходимо оформить следующим образом:

- введение;
- обзор литературы;
- методы исследования;
- результаты и дискуссия;
- заключение;
- благодарности;

Рукопись, предназначенная для публикации, будет принята к рассмотрению ре-

дакцией только в случае получения по почте заполненного и подписанного лицензионного соглашения в двух экземплярах (форма размещена на сайте).

Объем статьи должен быть не менее 10 страниц и не превышать 20 страниц текста формата А4, набранного в соответствии с вышеупомянутыми требованиями.

Если присланные материалы не отвечают хотя бы одному из выше перечисленных требований, а также в том случае, если файл статьи заражен компьютерным вирусом, редакция не будет рассматривать статью к публикации.

Статья в журнал проходит рецензирование и получает рекомендацию двух членов редакционной коллегии и передается с рецензиями редактору журнала для включения статьи в номер журнала, содержание которого утверждается на редколлегии. Редакция оставляет за собой право отправлять рукописи статей на независимую экспертизу.

При наличии серьезных замечаний по статье в рецензии, статья будет отклонена и автору будет рекомендовано доработать статью в соответствии с замечаниями рецензента.

Авторский экземпляр журнала автор получает по почте согласно оформленной подписке. Оформить подписку можно от одного номера журнала в год.

Статья, одобренная и рекомендованная рецензентом журнала, может быть опубликована в течение года.

Аспиранту для публикации статьи без подписки на журнал необходимо предоставить редактору журнала:

- справку из отдела аспирантуры;
- выписку из решения кафедры или иного структурного подразделения о необходимости публикации статьи, заверенную организацией;
- отзыв научного руководителя на статью, заверенный его организацией.

**CONDITIONS OF PUBLICATION OF THE ARTICLE
IN THE SCIENTIFIC JOURNAL «SOCIO-POLITICAL RESEARCH»
AND REQUIREMENTS FOR MANUSCRIPTS**

1. The articles are sent to the editorial board in electronic and printed forms (1 copy).

2. Requirements for typography:

– 1 page of A4 format must contain no more than 1900 symbols including spaces;

– margins: upper – 2 cm, lower – 2 cm, left – 2,5 cm, right – 1,5 cm; from the edge to the catch letters: upper – 2 cm, lower – 2 cm; paragraph indent – 1,0;

– font type Times New Roman; type size 14; line spacing 1,5.

3. The electronic version of the article is written using word processor Microsoft Word and is saved in format.doc.

4. Requirements for the manuscript:

4.1. UDC index.

4.2. The field of science and the specialty code of the article.

4.3. Information about the author:

– surname, first name, patronymic name (if applicable);

– address with postcode;

– contact phone number;

– e-mail;

– scientific degree and status;

– job title;

– place of work (with legal address and postcode).

4.4 Title of the article, abstract, keywords in Russian and in English.

4.5. Summary of the article – minimum 210 words.

4.6. Keywords – 12.

4.7. The text of the article.

4.8. Bibliography (in alphabetical order).

5. Bibliography references to the sources used and commentaries must be given in the text in square brackets (for example, [1] or [1, p. 27], the bibliography and commentaries must be done in accordance with the GOST 7.1-2003. «Bibliographic Record. Bibliographic Description. General Requirements and Rules» (example can be found at <http://vv.yspu.org/>).

6. Tables, schemes, diagrams must be black and white, without colour background, cross-hatching is acceptable.

Typography of Tables and Pictures:

– each picture must be numbered and have a caption. Captions must not be part of the picture;

– pictures must be grouped (i. e. they must not «fall apart» when moved or formatted);

– pictures and tables the size of which requires landscape layout must be avoided;

– captions and symbols on graphs and drawings must be clear and easy to read;

– the text of the article must contain references to the tables, pictures and graphs.

The editorial staff do not improve the quality of pictures and drawings, do not correct the mistakes made in them. Every picture, table or scheme must be numbered, have a title and explanation of all symbols. All columns in the table must be entitled. If there is a mistake in the picture, scheme or table, the editorial board has the right to delete the picture and the relevant text.

7. The following materials should be attached to the manuscript ready for publication:

– 2 copies of completed and signed author's contract.

– An envelope with stamps in order to send one copy of the contract back to the author.

8. The size of the article must not exceed ten A4 pages of the text typed according to the abovementioned requirements.

9. If the submitted materials do not meet at least one of the abovementioned requirements and in case the file contains a computer virus, the editorial board will not consider the article for publication.

10. The submitted article undergoes reviewing, gets recommendation of two members of the editorial board of «Social and political researches» and then is given to the editor to be included into the issue of the journal the content of which is approved by the editorial board.

The editorial board has the right to subject the article to an independent expertise.

Научный журнал

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

SOCIAL AND POLITICAL RESEARCHES

2019 – № 3 (4)

Главный редактор – М. В. Новиков

Ответственный редактор С. А. Сосновцева

Редактор К. С. Лапшина

Текст на иностранном языке печатается в авторской редакции

Объем 15 п. л., 6,82 уч.-изд. л. Формат 70×100/16.

Заказ № 255. Тираж 500 экз.

Дата выхода в свет: 30.09.2019

Цена свободная

Издатель

ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический
университет им. К. Д. Ушинского»

150000, г. Ярославль, Республиканская ул., 108/1.

Отпечатано в типографии ФГБОУ ВО «Ярославский государственный
педагогический университет им. К. Д. Ушинского»

Адрес типографии: 150000, г. Ярославль, Которосльная наб., 44